ПЕТРАЭДР 29
Букет Незабудок
Юлия Андреева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Ничего лишнего, только прошлое. Об этом вся книга" О'Санчес.

- Юлия Андреева
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17

Юлия Андреева
Букет незабудок

Однажды, в детстве, я впервые проснулась в другом, мире и с тех пор почти каждую ночь бывала там. Вскоре я перезнакомилась со множеством замечательных людей и существ, бродила по горам, посещала разные города и в конце концов облюбовала себе рыцарский замок времен Карла Сиюминутного. Теперь у меня был свой дом, дом в стране снов! Туда я возвращалась после завоевательных походов, в честь которых неизменно устраивались пышные праздники. Из своих путешествий я старалась привезти легенду или древний стиль стихосложения, в котором я постоянно совершенствовалась в монастыре Покрова пресвятого белостишия. Однажды это было настоящее событие, перевернувшее в дальнейшем все мое представление о мире снов. В тот раз, возвращаясь из замка Логогриф, как нарек его странствующий философ из Ропалика, я свернула с дороги, руководясь скорее рисунком неба, нежели приметами пути и вдруг оказалась в долине синих цветов – ярких, точно глаз бога. Я взяла немного семян, надеясь высеять их перед замком. И как раз в этот момент проснулась. С шумом открылось окно, впуская непогоду и свежесть. Вскочив, я несколько минут боролась с влетевшим ко мне ветром, и только когда все было позади, заметила на полу несколько блестящих зернышек.

Через три месяца, высаженные перед окнами на даче, они зацвели. И хотя мои цветы оказались однолетниками, но и осенью их цвет нисколько не поблек. А однажды в солнечный сентябрьский день они попросту взлетели, шевеля нежными лепестками и добавив синевы небу. Теперь я поняла, что буду приносить в этот мир цветы.

У Курехина тоже была идея засеять Петербург цветами – разными-разными, с вертолета делая круги, восьмерки, фигуры высшего пилотажа… он бы выгребал их ладонями из огромного мешка и сбрасывал на алчущий красок город. Часть семян, конечно же, погибла бы, но некоторые непременно проросли и зацвели бы в отведенный им срок.

Когда я представляю себе эту картинку, отчего-то и сами семена в руках Сергея представляются радугой. Веселой, сияющей семицветной, которая срывается с тонких музыкальных пальцев и летит навстречу смотрящим на чудо прохожим.

Под радугой можно отыскать горшочек с золотом, но радуга

сама по себе – клад. Однажды – в «мороз и солнце, день чудесный» – ждала Алексея Ахматова, который вот-вот (уже полчаса как) обещал подъехать и забрать увесистую папку с материалом для будущего макета книги. Алексей должен был подъехать на машине, но стоянка в этом месте не разрешена. Договорились, что он откроет дверь, и я быстро суну туда папку. Поначалу этот план не вызвал моих возражений, но когда он начал опаздывать, а я даже не могла зайти в ближайшее кафе… Мороз и солнце, а тут еще и ветер, налетевший вдруг неведомо откуда, поднял ледяное крошево, закружив вокруг меня радужный столб.

Радуга справа, радуга слева, сверху и, кажется снизу, куда не посмотришь. Радуга-радость в сверкающих искорках-льдинках. Это продолжалось несколько мгновений, после чего примчавшийся неведомо откуда ветер исчез, а невесомые льдинки еще осыпались веселым разноцветьем, звеня и посверкивая напоследок прощальными огоньками.

Я шла, опаздывая на следующую встречу, шла через парк, а под ногами приятно хрустел снег. Хрум-хрум… я вспоминала о радужных льдинках-снежинках, поднятых с земли порывом ветра и танцевавшим свой последний завораживающий танец.

Под ногами хрустел снег – снег, состоящий из крошечных, легких звездочек, только утром сорвавшихся со скользкого зимнего неба в надежде вдохновить на стихи поэтов, вписаться в картины художников, остаться на фотоснимках, танцевать, танцевать, танцевать… хрум-хрум…

Заметила, перед тем как позвонить по скайпу, душусь исключительно дорогими французскими духами. Странно, вроде разговоры-то все деловые…

Не люблю зиму, хотя зимой привычные пейзажи становятся сказочными. Не люблю, когда зябко и приходится надевать много тяжелых вещей. Начало декабря, первый мороз, тянет на соленое… море. На теплый, золотистый песок…

Фэн старому фантасту: Вы высыпаетесь?
Старый фантаст (в ужасе): Куда?!

Следы на песке, замки на песке… Кобо Абэ «Женщина в песках», а вот у Борхеса более разборчиво – «Книга песчинок».

…Отлив утащил луну. …

Луна украдкой выглянула из-за туч, бросила взгляд в фонтан, но отчего-то не отразилась в глади воды, а как раз наоборот высветила брошенные туда монетки, желтые и серебряные. И вдруг… целых семь новеньких блестящих рублей – основ, составляющих премию Андрея Белого рядом с обесцененной мелочью!..

Луна потянулась к воде, невольно делая ее волшебной, и… серебряные рубли на дне чаши фонтана, превращенные вдруг в величайшие талисманы удачи, вожделенный амулет литераторов и… Ну, хоть кто-нибудь…

Волшебная монета, безусловно, принесет своему владельцу удачу. Ну же…

Ночью у фонтана просто никого не было. А я?.. Я смотрела на танцующую в облаках Луну, стремясь поймать на фотокамеру ее изящные па.

Ах, какая Луна… какая Луна! Не уходи, побудь еще немного, капельку… Стой так, повернись в профиль, посмотри на меня. Не двигайся. Замри. Хорошо. Ничего не меняй. Не двигайся. Так и стой. Сейчас сама подойду…

– Много у вас тонет отдыхающих?

– Сейчас нет. Не сезон.

– Сезон утопленников?!

В чаше фонтана продолжали лежать в ожидании своего часа будущие премии Андрея Белого. К ним бы еще по бутылке водки да яблоку – и полный комплект. Но время еще не наступило.

Тем не менее, на дне чаши творилась тихая светлая магия, сходная с волшебством писателя или поэта. Но если литератор способен измыслить множество пригодных для жизни, подвигов и любви миров, в чаше всего-навсего вызревали будущие талисманы удачи.

Тук-тук, где-то в ближайших горах гномы-мастера ковали меч в камне, меч без имени, меч Руматы, лунный меч, меч Бастиона и самый, наверное, трудоемкий меч в зеркале. Непростое дело – ковать такой меч. Почему? А вы попробуйте ударить по зеркалу молотом? Попробовали? Вот именно.

– Вручили мне в 2005 году Меч Бастиона, смотрю я на него и понимаю, что это не меч, а геморрой. Потому что мне же его через границу везти, а объяснять что-то пограничникам, согласитесь, сложно, – начинает свой рассказ Далия Трускиновская, – Попросила Володихина дать к мечу какую-то официальную бумагу. «Нет проблем», – сказал Дима.

Мы встретились уже перед поездом. Открыла. Документ был составлен в стиле: «Мы, три пьяных гоблина, посовещались и решили…» – показывать такую справку погранцам – не вышло бы хуже. В общем, мне ничего другого не оставалось, как везти это дело контрабандой. В вагон я пришла пораньше, прислонила меч к стене и замаскировала его сверху курткой. Так что тот стоя пересек границу и въехал на территорию Латвии.

А дальше – я звоню моему воспитаннику молодому журналисту Игорю Мейдену, прошу, чтобы встретил и обязательно привез с собой фотокорреспондента. Меч Бастиона – не шутка, у кого еще в Латвии такой есть?

Смотрю в окошечко и вижу, действительно меня встречают Мейден и фотокор. Говорю Игорю, мол, лезь в вагон и вытаскивая мой тяжелый багаж. Вагон плацкартный, а в нем почему-то ехала целая орда маленьких шустрых бабушек, среди которых мы с Мейденом возвышались как два исполина. И вот Мейден вытаскивает мое имущество в проход, и просит: «Вы обнажите меч, выходя из вагона, чтобы фотограф мог вас запечатлеть.

А надо сказать, что в Москве мой приятель-ролевик Ратимир был этим мечом очень недоволен «как же так, меч должен в ножны полностью влезать, а у тебя там пространство». В общем, он дядька здоровый, богатырскими усилиями загнал меч в ножны по самую рукоять. А теперь представьте картину: узкий проход, татаро-монгольская орда бабушек, среди которых мы с Мейденом в четыре руки вытягиваем меч из ножен. Наконец меч выскакивает, но в это время я уже практически на лестнице на выходе из вагона, едва успеваю развернуться, и лечу с этим мечом на фотокора, словно легендарная Жанна д’Арк!

В заказе у гномов было еще несколько замысловатых мечей, но маленькие трудяги мужественно терпели все странности фантазии заказчиков, в перерывах покуривая сердоликовые трубочки и зачитываясь фэнтези. Последнее, по распространенному мнению, придавало сил. Хотя фантастика последних лет не только заполонила магазинные прилавки и многочисленные книжные развалы, она казалось, пропитала собой воздух, сделав его пьянящим. Волшебная эссенция просочилась в воду, пробилась сквозь твердь земную и небесную. Фантастикой дышали камни, фантастически поднимался вверх дым от трубок гномов, то и дело изгибаясь драконом, мудрым змеем, а то и вовсе вдруг представляясь букетом цветов или призрачными фигурами, в которых слабо угадывались ушедшие, но отчего-то постоянно возвращающиеся, бог знает, за какой надобностью, литераторы.

Вот, например знакомый профиль с лавровым венком – Данте Алигьери. Правда венок не его, точнее при жизни поэт и вечный эмигрант так и не получил этой награды, сокровенной мечты пиитов, но… И вот сейчас Данте, сотканный из призрачного дыма, сидел себе, мучительно размышляя о недавних событиях и не понимая, для чего его вызвали и что он может сделать?

В 2011 году петербургские чиновники отказались принимать документы на перерегистрацию от Общества Данте Алигьери, требуя либо изменить название, либо предварительно согласовать его с умершим в 1321 году поэтом.

– Это фантастика? – с надеждой в голосе поинтересуется кто-нибудь из наших читателей.

– Как же фантастика? Жизнь! В интернете сколько об этом переговорено, все гадают, на спиритический ли сеанс вытаскивать поэта, или уболтать кого-нибудь из фантастов попаданца к нему заслать. А Данте – наш человек, ходит среди смертных, заглядывает в рукописи, читает, правит, то и дело отпуская полные яда замечания. Хорошо ему в посмертном мире из романа «Свет в окошке» С.В. Логинова, отлично в райских кущах громовержца Индры («Черный Баламут» Г. Л. Олди)… да и с фантастами на конвентах посидеть, по душам потолковать. Они ведь, фантасты, и не такое видели, их призрачным телом не удивишь. Дай только до друзей дорваться, а дальше уже говорить, говорить, говорить…

А значит, стучат по рельсам поезда, трясутся на неудобных полках мэтры, за плечами которых не только крылья, но и метровые полки собственных книг в глянцевых переплетах, торопятся к понятной им одним цели, к священному братству или лысой горе, звенят стаканы, то и дело поднимаются тосты «за фантастику» и звучит рефреном знаменитая фраза: «Мы едем на конвент. Мы едем на конвент»!

А что не ехать-то?

«Мой муж ни одной моей книги в руки не взял», – плачется знакомая писательница.

«Живу на отшибе Европы, один. Только в скайпе и могу поговорить. Приеду, нормально пообщаемся», – пишет другой.

Записка для сына: «Почитай отца своего! В смысле, хотя бы постинг новый в ЖЖ прочитай. Вишь – наваял».

У меня на душе кошки, спят, свернувшись в пестрые округлые клубки, – дрыхнут, урча во сне и время от времени вытягивая лапки с острыми коготками. Цап-царап… что-то ты засиделась нынче перед монитором, не пора ли покупать билеты и… «Мы

едем на конвент». Сколько кошек нужно на душу населения, чтобы люди поднимались иногда и, бросая все, спешили на встречу со своими друзьями?

Фантастика!

Да, читатель. Ты, по ходу движения поезда, еще не понял, куда попал? Ну, так я продолжаю. В купейном вагоне у окна стоит молодая женщина в длинном вязаном жакете и тапках на босу ногу. Должно быть, вышла из купе и теперь пытается дозвониться до кого-то по мобильнику:

– Але, Господи?
– Ну?
– Господи, сделай невозможное!
– Невозможно.
После секундного колебания.
– Извините. Ошиблась номером.

Чем же занимаются литераторы, встречаясь вместе? Не… неправильно, совсем не обязательно, что они сразу же начинают пить. Не без этого, конечно. Но выпивка, ей-богу, не главное. А главное говорить. О том, что близко тебе и, что самое невероятное, – собеседнику. Просто, послушать из нашей фантастической жизни. Мало ли что с кем успело произойти, приключиться.

– Поездка на «Звездный мост» 2011 года из Киева в Харьков, – начинает свой рассказ Скай. – В одном купе едут Наташа Щерба, фотограф Падла и Эрик Брегис. Ночь, на нижних полках разместились гости, также держащие путь на конвент. Эрик хочет всех угостить колбасой, Наташа отказывается, так как решила лечь спать. Желающие поужинать фантасты перебираются в соседнее купе, но при этом Эрик не успевает забрать нож.

Он хочет вернуться в купе, но его останавливают: Наташа, скорее всего, еще не переоделась, и появление мужчины будет ей неприятно. Да и куда спешить? Несколько минут все равно ничего не решают. Все ведь хорошо: удобный поезд, приятная компания, кругом свои люди, задушевные разговоры. Кто-то рассказывает очередной анекдот, кто-то демонстрирует фотографии на телефоне, тихо постукивают колеса поезда, женщина в вязаной кофточке стоит у окна, любуясь на пробегающие мимо желтоватые огни… так спокойно и хорошо, что вполне можно отключиться на несколько секунд и заснуть, а может быть, и поезд, и конвент, и колбаса всего лишь приснились?..

Неожиданно тишину разрывает появившийся неведомо откуда Падла:

– Эрик ты чего, бери нож, она уже лежит!

На Земле всё–
Уходящий реквизит.

Стою перед зеркалом, причесываю растрепанные мысли. Текст закусил удила и понесся, не удержишь. Недавно зачиталась в метро «Черным баламутом» Г. Л. Олди; кто не знает, дивная история, проросшая на основе эпоса «Махабхарата» и других текстов Древней Индии. Так погрузилась в описанные события, что пропустила собственную станцию, очнувшись лишь, когда над головой отчетливо прозвучало: «Не забывайте свои веды в вагоне поезда».

Так и живем, песенки поем, орешки грызем, и ждем белочки. Слышим, чего не было, или что не для всяких ушей. Ёрничаем. Спорим до вызова на дуэль из-за крошечной запятой и позволяем выдирать из живого тела готовой книги кровоточащие главы! Битвы за колпак шута происходят чаще, чем за корону и мантию из горностая.

На смерть поэта Олега Григорьева другой поэт Геннадий Григорьев написал следующее стихотворение:

Вновь поэт, не допив, не доспорив,
Взял и смылся за грань бытия.
Это страшно, что умер Григорьев:
Хорошо, что Олег, а не я!

– Я по Бродскому не тоскую. – рассказывал Геннадий Григорьев в своем видеоинтервью поэту Алексею Ахматову. – Честно говоря, в день его смерти я ощутил страшную эйфорию, как будто меня отпустил какой-то черт. Мне было так весело. Я за день написал около сорока стихов. Какой праздник, Иосиф отправился в лучший мир. Там ему будет хорошо. А то без друзей, без Родины.

…Ждали, что он приедет “На Васильевский умирать”, а он не приехал.

Бродскому и особенно поклонникам Бродского Геннадий

Григорьев посвятил следующее:

Нас одних в России бросив
на съеденье, так сказать,
на Васильевский Иосиф
не приедет умирать.
Продолжаются разборки,
нечисть правит карнавал,
а поэт усоп в Нью-Йорке —
надинамил, об…ал.

«Я вообще люблю хороших поэтов хоронить». – Сообщил в том же видеоинтервью Григорьев.

…Мы тихо кричали! …

Икона, путешествовавшая со мной к Гробу Господню, вчера на презентации вдруг начала ощутимо благоухать миррой. Как тогда, на отполированном руками паломников камне, на котором обмывали в последний раз его тело.

К чему бы это – обычное выступление: ну, пусть столица, так ведь Москва, не Иерусалим?

– …Однажды Роберта Шекли спросили, – врывается в поток мыслей приглушенный голос Олега Ладыженского, опять диктофон включился самопроизвольно. – Скажите, мистер Шекли, а что вам больше нравится: Санкт-Петербург или Иерусалим?

– Санкт-Петербург прекраснейший город, великолепны его каналы, Нева, Адмиралтейство… – Шекли долго-долго перечисляет и затем неожиданно заканчивает. – А Иерусалим – это мое сердце.

Спала. Во сне видела рассвет. Алый диск медленно и безмолвно плыл, поднимаясь все выше и выше.

Грезы о солнце в ночи прелестны, и я могла бы спеть гимн солнцу, станцевать танец солнцу, построить город солнца. Но тут некстати прорвавшийся сквозь штору рассвет прогнал все сны…

– Когда едет большая компания, организуется так называемый пьяный вагон. Назначается старший, в Москве это обычно Андрей Синицын, который берет билеты на всю компанию, с тем расчетом, чтобы по возможности все разместились в одном вагоне. Так и ехать веселее, можно пообщаться и выпивать, никому особенно не мешая, –

втолковывает мне нехитрые истины Дмитрий Громов.

– И вот едет компания из Москвы на конвент «Звездный мост» в Харьков. Едут они в этом самом пьяном вагоне. Вечер, все хорошо, народ уже порядком принял, и тут неведомо откуда появляется поездная милиция. В украинских поездах пить запрещается, вот они и подошли разбираться и поштрафовать. Сунулись в первое попавшееся купе, в котором, на беду им, ехал Роман Злотников – писатель-фантаст и полковник милиции – настоящий, не в отставке, да еще и преподаватель в институте повышения квалификации работников МВД. А преподает он там не что-нибудь, а боевую подготовку, – Дмитрий делает паузу, наблюдая за моей реакцией.

Ну если уж такой мастер, как Громов, говорит, что дело серьезное, значит, так и есть. Киваю, мол, оценила ситуацию.

– …боевую подготовку – то есть, человек серьезный и солидный, – продолжает Дмитрий. – Но Роман козырять своими корочками не хотел, надеясь разобраться с ментами по-человечески:

– Да, ребята, все нормально, – примиряюще начал он. – Мы здесь никому не мешаем, пьем тихо, все свои, кому какое дело?

Но милиционер и не подумал отставать. А вместо этого повысил голос, чего уж совсем не стоило делать.

– Почему вы не представились, как это положено, не предъявили удостоверение? – попробовал Роман усовестить блюстителя порядка.

Но тот начал кричать и ругаться на Злотникова, провоцируя того на ответные действия. Тогда писатель достал свои документы и спокойно предъявил их блюстителю порядка, со словами: «Слушай, сержант, не выделывайся».

Тот сразу поник, ясное дело – денег не стрясешь, раз такие люди, но при этом нужно же как-то сохранить лицо. Поэтому вместо того, чтобы откозырять и убраться восвояси, он продолжает никому уже не интересный монолог:

– Вы тут старший, так объясните остальным, чтобы не буянили, не хулиганили. А то на вас уже жалобы поступают. – На слове «жалобы» сержантик приосанился, снова почувствовав почву под ногами и уже без страха глянув в глаза грозному полковнику. Вот, мол, я какой, в своих правах!

На что невозмутимый Злотников ответствовал:

– Нет, не я старший, старший он, – ленивый жест в сторону Синицына.

И тут сержант бледнеет и начинает пятиться к выходу, потому что, если перед ним полковник, преподаватель повышения квалификации, но есть еще старше, то это как

минимум генерал.

Ментов как ветром сдуло.

За окном зима, снега, снега, снега… как белый лист без конца и края. И вдруг – на цепочке частых следов подвеской королевы Анны – новогодняя елка!

Прибыл Анджей Савицкий в часть, заходит в офицерский бар, – рассказывая, Дмитрий Громов невольно приосанивается. – Надо показать себя, круто выступить.

– Стакан коньяку!

Буфетчица долго искала, наконец, обнаружила под стойкой какой-то запыленный стакан, помыла, налила.

– Ох, еле нашла. У нас меньше бутылки обычно не заказывают.

За стеклом проносится серое беспросветье, обычный ничем не примечательный пейзаж. За окном дождь, выводит что-то замысловатое на стекле. Сверху вниз, как пишут японцы. Есть много фантастических рассказов, в которых описывается летящий неведомо куда космический корабль. Люди давно позабыли, куда держит путь их маленький железный мир. Сменилось уже несколько поколений, коллективная потеря памяти и документов… а корабль все летит и летит. Двигатели исправно работают, год за годом приближая людей к неведомой ныне живущим цели.

Можно представить поезд мчащимся неведомо куда, наверное, можно, но у меня почему-то пока не получается. Придется потренироваться. Нужно бежать, чтобы хотя бы остаться на месте… на своем месте, все время куда-то бежать…

– Курехин часто сочинял в метро. Сразу же вспомнилась музыка из «Господина оформителя». Аж мороз по коже. Он вообще ездил либо на метро, либо на машинах друзей или жены. Он любил сочинять в подземных поездах. Я тоже часто пишу в метро. Только я жутко переживаю, теряя тексты, а он говорил «се ля ви» и тут же выхватывал из воздуха новые. Это Николай Якимчук рассказывал. Я же с Курехиным разве что раскланивалась, потому как иногда работали на параллельных площадках и знали друг друга в лицо. Как-то попросил Якимчук Курехина дать благотворительный концерт в пользу Фонда русской поэзии. Сам Сергей нет-нет да и забредал в подвальчик на Пушкинской, полуофис-полусклад, где хранились изданные небольшими тиражами редкие книги Фонда.

– Я для тебя что угодно сделаю, только не концерт. Я тебя прошу! – Устал, должно быть, от частых выступлений любимец публики. Даже от себя самого порой еще как устать можно…

– А давай я лучше у вас в Фонде клерком устроюсь?! Представь: клерк Фонда русской поэзии Сергей Курехин, прием по вторникам и четвергам с трех до пяти.

– Отлично, – подхватил Якимчук, – завтра же размещу объявление во всех информационных агентствах Ленобласти и мира.

– Нет. Я ведь еще не дал своего полного согласия, – нежно улыбнулся в ответ Курехин, истаивая в воздухе.

На стекле дождь умудрился нарисовать что-то похожее на крест. Навещавший в больнице Курехина Якимчук говорил, что после последней операции у Сергея на груди образовался крест.

Медленно и печально под монотонные звуки поезда, силуэт Курехина проходит сквозь крест дождя и исчезает под «Орландину». В купе открывается дверь, и я явственно вижу, как стоящий спиной ко мне мужчина в черном боевом кимоно, берет со стола нож и аккуратно устраивает его в рукаве.

Отвернулась к окну, по глазам резко полоснуло синими цветами.

Ночь, сгустилась августовская мгла, так что в новостройках не сразу и разглядишь, куда ты попал. Питер это, Питер. Точно знаю, а может, и нет. Может, другой город, другая страна, другой параллельный мир. Поди разберись в темноте. Черные монолиты девятиэтажек, всего несколько светящихся окон, и те не на первом этаже. А следовательно, света от них… Перед домом в кустах шарятся двое полупьяных мужиков с фонариками и ведрами. Приглушенные разговоры, смех, шорох, шепот. То ли ловят кого, то ли закапывают. Страшно. Отличная завязка для детективной истории.

Резкий визг тормозов. Из милицейской машины выскакивают два мента с короткими «калашами»: «Стоять, лежать! Ни с места! Выйти из тени!»

В ответ несвязное мычание: «Да я… да мы… сержант…».

Навстречу милиционерам из кустов кособоко движется силуэт. Луч милицейского фонарика быстро ощупывает неказистую, потрепанную личность – борода, очки, непонятная мешковатая одежда, трясущиеся руки, а в руках… мама родная! – клубок живых, шевелящихся змей!

Хороший переход на мистику.

– Да не со змеями, а с червями – они еще выползками называются. – Обрушивает мою мистику ради собственного хоррора Александр Смир. Впрочем, отличная страшилка выходит: ночь, двое подозрительных мужиков в темноте. Дайте фонарик, позвольте разглядеть личности. Александр Горнон – поэт – бородища до пояса, два метра роста, ручищи по локоть в земле. И другой поэт – Александр Смир с горстями полными живых червей. Когда милиционер наставил на них дуло автомата, Смир запустил руку в ведро с червяками и, вытащив оттуда целый пук шевелящейся скользкой плоти, резко протянул его в лицо милиционера. – Да вот, начальник, завтра на рыбалку. Так мы того, червей копаем. На!..

Обалдевшие милиционеры отступают к машине.

– Всё! На сегодня хватит!

Напуганные поэты хватают ведра с добычей и движутся на квартиру Горнона.

Сегодня никто уже ничего не напишет.

В темном-темном парке темной-претемной ночью, – а вы знаете, Оноре де Бальзак писал исключительно ночью, расставив перед собой шесть одинаковых свечей в канделябрах, причем, обязательно вороньим пером. Боже! Какие страсти… Так вот, в темном-претемном парке, писательница Симона Вилар склонилась над черной водой пруда, что в оливковой роще санатория «Айвазовское». Черный-пречерный Пушкин наблюдал за ней из освещенной беседки, гадая, отважится ли отчаянная Вилар подойти и поцеловать его в чугунные уста.

Время давно уже перевалило за полночь, а Симона все не трогалась с места, заглядывая в водную гладь, словно тщилась разглядеть там понятные ей одной колдовские строчки. Наконец, узрев желаемое, писательница резко поднялась, и, глядя в сторону давно сторожившего ее Александра Сергеевича, прошептала: «Надо убить Семецкого». Сказала с твердостью, не терпящей возражений: надо – значит надо. Раньше, когда другие «убивали», думала: нехорошо как-то, живого человека… а теперь прониклась.

Она кивнула поэту, и тот салютовал ей тростью. Решение было принято, верный нетбук ждал своего часа в номере-люкс на первом этаже.

Женщины-фантасты – создания необычные, живущие по своим собственным законам и правилам. Ходят слухи, что одной только что вышедшей замуж фантастке на второй день совместного проживания, молодой муж вручил метлу, мол, сама

знаешь, что с этим делать.

А она оседлала ее и улетела в открытое окно.

Ночь. За окном звезды и луна, да нет, не луна – лунища. На такую и повыть не грех. Хороша. Дежурный свет в коридоре – тусклый, нерадостный, даже немного напряженный какой-то. Человек в черном кимоно, но теперь с небольшим свертком в руках, вернулся в свое купе. Соседи дрыхли при свете, храпя и посапывая на трех полках. Вошедший тихо прошел на свое место, присел, развернул сверток, в котором оказался давешний нож. Отыскал пачку салфеток на столе, и, тщательно протерев лезвие, спрятал оружие в чемодане. На салфетках остался рыжеватый след. Соседи на полках затаили дыхание, позволяя воображению самостоятельно справиться с загадкой, в чьем теле побывал означенный предмет и когда загадочный убийца применит его в следующий раз. Еще чуть-чуть повозившись, человек в кимоно устроился на своем месте. До самого утра в купе сохранялась мертвая тишина. Никто не храпел, и, упаси боже, не спал.

Как-то раз писатель и сценарист Андрей Саломатов ловил такси, одновременно беседуя со своим режиссером по мобильному телефону. Поймал, открыл дверь, назвал адрес, и, устроившись на сидении рядом с водителем, продолжил начатую тему: «…Андрей Васильевич, может, не надо Витю вешать? Давайте его пристрелим. Проще и гуманнее».

В следующее мгновение водитель въехал в сугроб.

Рассуждая о смерти, Уильям Сароян в частности сказал: «Каждому суждено умереть, но я всегда думал, что для меня сделают исключение. И что?»

– Юрий Михайлович Семецкий, – рассказывает Александр Ройфе, – историки литературы будущего будут удивлены, почему такой персонаж сделался объектом столь пристального внимания писателей XXI века. У него есть два агрегатных состояния: нормальное, назовем его Семецкий I – очень занудный малоинтересный тип, который будет рассказывать, что ему нужно правильное питание, режим дня, то да се…

Потом он встречается со своими друзьями, выпивает – и появляется Семецкий II. Этот гораздо милее уже потому, что не ноет, позитивен, поддерживает хорошее настроение, и… время от времени творит загадочные дела. Причем первый и второй друг о друге ничего не знают.

Например, на одном из «Интерпрессконов» поселили нас

вместе. Ключ от номера традиционно в одном экземпляре. Поскольку приехавший на конвент Семецкий I быстро преобразился в Семецкого II, я забрал у него ключ. На «Интерпрессконе» присутствовала традиционная корюшка и не менее традиционные возлияния. Так что через какое-то время Семецкий II устал, и добрые люди решили проводить его спать. Довели до номера, а ключа-то нет. Оставили Семецкого II в кресле недалеко от заветной двери дожидаться, и пошли меня искать. Нашли – невелика трудность. Все вместе поднялись на этаж. Что такое – нет Семецкого, ни второго ни первого. Кресло стоит, а он пропал. Всю гостиницу обошли, в каждый номер заглянули – нет. А дело к ночи, давным-давно темно. Пошли в лес, где корюшкой угощали – не приходил больше Семецкий. В полном отчаянии вернулись к номеру. Дверь, разумеется, закрыта.

Что делать? Пропал человек, сильно нетрезвый. На улице весна, ночами и подмораживает, может, уснул где-нибудь под кустом, может… В общем, решили вызвать милицию. Вошли в номер, да так и обомлели – на кровати спокойно лежит Семецкий, спит и не знает, какой из-за него переполох поднялся.

На следующий день, Юра, конечно же, протрезвел, но к тому времени он уже был Семецким I и не мог объяснить, как без ключа попал в номер.

«Басткон». Сидим хорошей компанией в номере. Семецкий куда-то уходит со словами: «Я сейчас». Через довольно порядочное время вспоминаем о Юре, звоним по мобильнику: «Ты где?». Ответ: «Не знаю. Но кругом двери, двери, двери…»

Была такая мода в свое время, убивать в своих романах Юрия Семецкого, слышала о такой? – продолжает Александр Ройфе. – А откуда это пошло, знаешь? Не знаешь, тогда слушай:

– Семецкий был уверен, что проживет до сорока лет, поскольку такой срок нагадала ему цыганка. Юра верил в предсказание, поэтому писателям было дано разрешение всячески убивать его в своих произведениях, чтобы таким магическим образом отвести удар.

Сначала это делали те, кто понимал, что и зачем – сознательно. Потом, увидев, что так поступают Сергей Лукьяненко, Александр Громов и их друзья, молодые писатели восприняли это за моду, и тоже принялись мочить бедного Семецкого в своих книгах. В издательствах это дело мгновенно отслеживалось, и текст возвращался к своему создателю с пометкой: «Молод еще Семецкого убивать, не заслужил».

Был даже утвержден приз за лучшее убийство Семецкого в романе. Некоторые убийства были просто удивительные. Юлий Буркин в книге «Звездный табор серебряный клинок» первый раз его грохнул достаточно заурядно, потом взял душу Семецкого, засунул ее в автоматизированный робот-завод и заставил страдать, производя вооружение для каких-то супостатов. Душа Семецкого страдала, страдала, взывая к ГГ, чтобы тот убил ее окончательно. Потом в ГГ воплотился дух русского императора, который уничтожил завод, и освободившаяся душа Семецкого, улетая, произнесла «Спасибо, ваше величество, что меня убили».

Эта история отражена в фэнзине «Страж-птица». А Семецкий свои сорок лет благополучно встретил, понял, что предсказание общими усилиями не сбылось, и теперь живет себе, полтинник разменял, только его до сих пор так или иначе продолжают убивать. Традиция.

Рассказывает Андрей Кучеренко:

– На первом «Звездном мосту», сидим в номере у Лукьяненко, водка закончилась. Надо снаряжать гонца. Кто пойдет?

Семецкий вскакивает:

– Я пойду.

– Куда тебе? Ты из номера-то не выйдешь?

– Все равно пойду.

Уходит. Полчаса, сорок минут, час…

Выходим из номера, спускаемся вниз, у входа в гостиницу «Турист» фонтан пересохший, на бортике, спустив ноги в воображаемую воду, сидит Семецкий в окружении трех ментов. Классический прихват из разряда: один умеет читать, другой писать, а третий просто любит побыть в компании интеллигентных людей. А Семецкий, словно ничего не понимая, рассказывает им про фантастику: «…вот Лукьяненко там, Перумов…

Кстати, вот как раз и Лукьяненко…»

Менты оборачиваются, недоверчиво косятся на новоприбывших.

– А вы действительно Сергей Лукьяненко?

– Да.

– И вы в этой гостинице живете?

– В этой.

– А, простите, в каком номере?

– А вам зачем?

– Можно, – у нас утром смена закончится, – я домой сбегаю, вам книжку принесу подписать. Только вы вот этого своего

больше не пускайте никуда. Если чего, вы лучше кого-нибудь из наших людей найдите, они сопроводят…

Кто-то привез на Роскон-2011 винтовку с Мосфильма. Все фотографировались, игрались, появляется Юрий Семецкий – легенда. Семецкого надо убить. Поставили к стенке: «Говори свое твое последнее желание».

– Ребята, не убивайте меня, – жалобно просит Юра.

– Ладно, Семецкий, иди.

На сборник Беллы Ахмадулиной 1964 года «Струна», Анна Ахматова писала:

«Стихи пахнут хорошим кофе – было бы гораздо лучше, если бы они пахли пивнухой»[1]. Странная речь для королевы Серебряного века.

В 80-е годы Александр Сидорович был председателем клуба «Миф XX», кроме того, у него дома расположился самый настоящий литературный салон. Приходили гости выпить чашку кофе, послушать музыку и поговорить о фантастике. Да, именно кофе, и ничто иное. Впрочем, кофе был особенным.

Старшеклассник Гена Белов, молодые писатели: Андрей Соболев, Слава Рыбаков, Андрей Измайлов, Андрей Столяров… приходили в гостеприимный дом, где уже поджидал их Сидорович и странные, будто инопланетные, зеленые кофейные зерна.

Открыв дверь очередному гостю, Александр ставил в духовку сковородку, на которую весело сыпались зерна. Пока гости раздевались, отыскивая себе домашние тапки, кофе успевал поджариться, и Сидорович молол его еще горячим, после чего заваривал в турке. С перцем, солью, сахаром… – постоянно выдумывались новые рецепты.

Народ выпивал одну чашечку такого кофе, а потом говорил, что сердце не находило покоя до утра.

Проходили дни, недели, месяца, годы, а чудесный напиток все не заканчивался, салон работал.

Теперь Александр Сидорович может, наконец, рассказать о том, откуда же он брал зеленый кофе. Давным-давно был у Сидоровича приятель, отец которого служил командиром экипажа ИЛ-62. Наше государство сдало самолет в аренду Йемену, как водится, вместе со всем экипажем. Так долгие годы возил он одного за другим президентов этой страны. Когда же командиру пришло время уходить на пенсию, последний президент, которого ему удалось застать, подарил ему пятнадцатикилограммовую

корзину превосходного кофе.

«Йемен – родина кофе, президент вряд ли подарил бы плохой сорт», – рассуждает Александр.

Во время жарки кофе увеличивался вдвое, а так как приятель понятия не имел, как правильно жарить зеленые зерна, он приносил Сидоровичу по литровой банке нежареного кофе, и тот на следующий день возвращал ему банку жареного, честно оставляя такую же порцию себе.

Жаль, что «Интерпресскон» не унаследовал ни волшебного йеменского кофе, ни этой в высшей степени благородной традиции.

С подружкой под цветущими дикими яблонями читали Толкиена, мысленно примеряя на свои тоненькие пальчики кольцо всевластья. Потом к Ксении явился властелин кольца, она вышла замуж и разочаровалась в Толкиене.

Но чертово кольцо, на внутренней стороне которого, по просьбе Ксюхи было начертано «МОРДОР», не принесло ей счастья. Хотя и не лишило обычного оптимизма и жизнелюбия. На своей могиле она завещала, например, написать: «Люблю, целую. Скоро встретимся!»

Муж оказался начисто лишен чувства юмора, и подружкину могилу украшают две четырехзначные даты, разность которых дает представление о Ксюхином возрасте, застывшим уже навсегда на отметке «сорок».

На кладбище с калькулятором вместо молитвенника.

Он даже фотку не ту прикрепил – официальную Ксеньину фотоморду на паспорт. А нужно было другую – в черном плаще до пола и в шляпе волшебницы. Ах, властелин кольца, властелин кольца… последняя Ксюхина воля все равно просочилась в Инет, обернувшись анекдотом. А ее фотографиями в хогвардском прикиде (в гриме Драго Малфоя) или в черном плаще украшают сайты, посвященные творчеству Джоан Роулинг, Толкиена и Перумова.

На ее «злом» плаще руны. Думаю, эльфийские, хотя…

Руно – поэзия по-фински. Ксюха любила стихи, заучивая страницу за страницей подаренные ей книжки современных поэтов. Писала ли сама? Как знать. Она жила в фэнтези и умерла в фэнтези. Изменяя своему властелину кольца с героями любимых книг.

Сыплет разноцветные листья клен, покрывая крохотный холмик «модненько, креативненько, классненько» – любимые

Ксюхины словечки.

Комарово – брендовое место, модное, раскрученное, престижное, как раз для артистического погоста. Ахматова, Курехин, Краско[2], Житинский…

На памятнике с полустертой надписью в крошечном углублении для свечки неведомая птичка свила гнездышко и снесла голубоватое яичко. Нашла место и, главное, время.

Очень-очень, осень-осень…

Весною 2012 года мэр города Фальчано дель Мосчико запретил своим жителям умирать. Неправда ли, созвучно с Сомерсетом Моэмом: «Умирать – скучное и безотрадное дело. Мой вам совет – никогда этим не занимайтесь».

Что ты думаешь об этом, подружка?

Ты, которая читала любой попавшийся на глаза текст, как важное сообщение? Умудрившаяся несколько раз проспать с работы домой? Любя очередного ворвавшегося в твою жизнь гоблина от заката до декрета…

Неужели ты…

За мной тащится скучный слезливый дождик Пьеро. Лучшая погода для писания стихов, для начертания рун, руно – поэзия…

А еще ты ассоциируешься с вечно юным и никогда не взрослеющим Питером Пэном. Мне всегда эта история казалась невероятно грустной, и приключения потерянных мальчишек не увлекали. Как задумаешься, что же это такое? Мальчик, застрявший в детстве. В своем или чужом, не суть. Недавно узнала, что ее автор Джеймс Барри, создавая своего героя, воспользовался образом старшего брата, умершего за день до того, как ему исполнилось бы четырнадцать лет. Вот, что значила моя печаль по Питеру Пену. Впрочем, дружба с давно умершим персонажем – это одно, а когда он же замаскирован под вечно живого…

– Раз ехали на какой-то конвент, – рассказывает Дмитрий Громов, – я посидел немного в своем купе, поболтал и хотел уже к знакомым идти общаться, как вспомнил, что они просили нож захватить, банку консервную открыть нечем.

Взял, спрятал в рукав, чтобы встречные-поперечные лишних вопросов не задавали. Ну, пришел к своим, потрепались, выпили, туда-сюда, сыр, колбаска, бутерброды, бычки в томате. Посидел чуть-чуть и обратно.

Вернулся, нож салфеткой обтер, открыл чемоданчик, убрать. Чтобы на столе не болтался. Смотрю, а соседи на меня с ужасом поглядывают. Оказывается, я нож-то обтер, салфетку на стол бросил, а она возьми да и раскройся. С выразительной такой бурой полосой. В общем, картинка такая – человек взял нож, сунул его в рукав кимоно, вышел, потом возвращается и нож кровавый обтирает. Ужас!

Получая в 2013 году премию «Живой металл» номинация «Лучший роман в жанре «Ужасов» за книгу «Квадрат для покойников», Сергей Арно решил подыграть организаторам, представив себя во всех отношениях достойным этой номинации. В частности, рассказывая о своем детстве, он поведал залу, что с младых ногтей любил отрывать крылышки и ножки мухам.

Вышедший после него Александр Щеголев (номинация «Лучшая повесть в жанре ужасов» – повесть «Искусство кончать молча») продолжил выступление Арно, сказав, что на самом деле не собирался ничего говорить, но услышав речь предыдущего оратора, может добавить только одно, в ситуации издевательства над мухой всегда ощущал себя той самой мухой.

Научный факт – рядом с компом кофе быстрее остывает.

Закончила главу. Поставила точку, вздохнула.

Дзинь, звякнул компьютер. Письмо в личку: «Пойдем сегодня в кино?»

Кручу колесико мышки. Что-то не так с текстом. Только вот что? Вроде все нормально, а сил уже все равно нет. Надо отвлечься, хотя бы просто умыться, подышать воздухом, прошвырнуться в центр. Кино? Кино – это хорошо. Давно нигде не была. Кино. Да. Почему бы и нет?

Глаза шарят по экрану в поисках невидимой, но порядком ощутимой занозы. Текст раскручивается подобно нескончаемому свитку.

«Ку-ку», – подмигивает «аська».

«Пойдем в кино?»

В кино? Почему бы и нет? А правда, – почему бы и нет?

Нет!

Пока ждала тебя,
Началась и закончилась тополиная метель.
Все еще одна.
И земля мне пухом.

На концерте в ДК Газа выступали Эдуард Хиль, Виталий

Псарев, Георгий Штиль и другие звезды…

Наталья Сорокина приехала со своей одиннадцатилетней дочерью Настей.

Все шло вполне обыденно и, получив заслуженные аплодисменты и традиционный для муниципальных праздников букет, Наталья вошла в гримерку, где ожидала ее весьма встревоженная и только что не подпрыгивающая от нетерпения Настя.

– Мама, сядь, я только что нашла тебе мужа!

– Какого мужа?

– Ну, жениха. Правда. Он хочет на тебе жениться! Сам так сказал.

По лицу Насти было невозможно понять, шутит она или нет.

– Он имеет самые серьезные намерения, – дочка вдруг перешла на заговорщический шепот… – всё, поднимайся, пошли. Настя вскочила и потянула Наталью в коридор. – Он солидный, симпатичный, богатый.

– Он сам тебе это сказал?

– Да.

Они прошли несколько шагов, остановившись у одной из дверей. Придирчиво оглядев мать, Настя решительно постучала и, получив ответ, толкнула дверь.

В комнате в гримерном кресле у зеркала сидел Эдуард Анатольевич Хиль. Заинтригованная больше прежнего, и сбитая с толку присутствием постороннего, Наталья вопросительно уставилась на дочь.

– Да вот же он! – светясь от гордости, сообщила Настя, показывая рукой на Хиля.

«О розыгрышах Эдуарда Анатольевича, конечно, ходили слухи, но до этого лично меня они еще ни разу не коснулись, – рассказывает Наталья Сорокина. – Поэтому я, будучи хорошо знакома с его женой и сыном, была, мягко говоря, ошарашена. В основном, конечно, расстроилась дочь. Ведь она приняла все за чистую монету».

Как выяснилось тут же, за стаканчиком лимонада, Эдуард Анатольевич приметил за кулисами незнакомую девочку. И узнав, чья она, решил подшутить.

В графе «Семейное положение» категорию «не замужем» принято сокращать до двух букв «н.з.». Неприкосновенный запас!

Предложение руки и сердца, прозвучавшее как: «Боже, выходи за меня замуж», отправило меня в лингвистический ступор.

Последнее время получаю много писем. Деловых, полуделовых, дружеских, разных – реклама, спам, записки. Кто-то присылает поэму, кто-то венок сонетов, кто-то целый роман. А ты… разве я просила полное собрание твоих сочинений? Только от тебя, от тебя одного жду я не поэмы, не сонета, не зарисовки, одного единственного предложения. Предложения, на которое я, скромно потупив глазки, громыхну однажды на всю Вселенную «ДА!!!!!».

Как-то утром режиссер Александр Полынников вышел из своего дома и направился в сторону ближайшего ларька Союзпечати за зубной пастой. А в киоске же продавалось все что угодно: книги, пресса, косметика, презервативы, кремы и пасты. Полынников быстро обежал глазами весь ассортимент и остановился на белом прямоугольнике со словом «Далия».

Ага, вот это новая зубная паста, ее я и куплю, сказал себе Полынников и тут же просунул в окошечко киоска деньги.

– Дайте мне эту далию.

– Пожалуйста. – Полынникову протягивают книгу Далии Трускиновской «Обнаженная в шляпе», белый корешок которой он по ошибке принял за коробочку зубной пасты.

– Забавно, – почесал в затылке режиссер и унес книгу домой.

Событие оказалось роковым, уже на следующий день Полынников понял, что хочет поставить фильм по книге, после чего работники киностудии искали по всему свету неуловимого автора.

Долго ли, коротко ли длились поиски, в конце концов, Далию удалось обнаружить в Риге, после чего с ней сразу же был подписан договор.

На встречу с режиссером Далия должна была приехать в Одессу, где Полынников работал с 1967 года сначала в качестве кинооператора, а с 1981-го – как режиссер-постановщик. В Одессе для нее забронировали номер в гостинице «Экран» при киностудии.

Номер состоял из двух комнат, разделенных санузлом.

Въехала, распаковала чемодан, развесила вещи, приняла душ с дороги и спать. Утром просыпается Далия по будильнику. Ноги в тапки и быстренько в ванну. А оттуда ей навстречу выходит сам Виктор Авилов!

Должно быть, сердобольные одесситы решили: приехала одинокая женщина, ей грустно, одиноко, не с кем словом обмолвиться. И устроили роскошный сюрприз.

«Аю-Даг-2011». Незнакомая девочка замечает меня, узнает.

Девочка: Юля, я правильно поняла, вы настоящий писатель?

Я, удерживая правую руку левой. В голове только одна мысль: «Как бы поговорить без рукоприкладства?».

Девочка: Я просто хотела спросить, вы ведь не только фантастику пишите?

Говорят, будто бы писательница Жорж Санд, сев за стол, писала строго до одиннадцати часов ночи. Если же, вопреки четкому плану, роман, над которым она трудилась, вдруг заканчивался ранее установленного времени, например в десять тридцать, Жорж тут же начинала первую главу следующей истории. И как бы сильно при этом ее не затягивала канва начатого повествования, как бы не требовали ее присутствия главные герои, писательница уделяла новой вещи ровно тридцать минут.

Однажды Далию Трускиновскую занесло из Риги в Москву праздновать Новый Год. Но, как это нередко случается, мы тщательно планируем свою жизнь, а вот жизнь почему-то не спешит подстраиваться под наши представления о том, как должно быть. Как говорится, «хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах». В общем, шампанское с «оливье» под елкой с друзьями внезапно отменилось, а Далия в компании знакомого оказалась на базе «Хронодесанта», где и прожила неделю, попав будто бы в смутно узнаваемый фильм режиссера Филлини.

Там Далия впервые узрела людей, не умеющих варить пельмени. Сей факт оставил глубокий след в чувствительной душе писательницы, заставив на какое-то время усомниться в реальности происходящего. Эльфийские девочки рассказывали понятные только им эльфийские анекдоты, а между гостями фланировал, то внезапно исчезая из поля зрения, то появляясь в самых неожиданных местах, кот Фауст.

Друг, с которым Далия приехала на базу «Хронодесанта», чуть ли не пешком пришел из Сибири. Во всяком случае, на нем были настоящие рукотворные унты.

«Каждый из этих унтов был точно крепость, вместе они выглядели как твердыня, – вспоминает Далия, – Кот понял, что пришли какие-то страшные животные, которых нужно срочно изнасиловать».

Унты пришлось прятать на антресоли, где они тихо дрожали, вспоминая вездесущего Фауста и, должно быть, вынашивая планы мести. Во всяком случае, ночью унты спрыгивали на пол, ища в полной темноте уснувшего неведомо где кота.

«Там я принимала эротическую ванну, – понизив голос до доверительного шепота, сообщает писательница, – с водой была проблема, она лилась тоненькой чуть теплой струйкой, так что набирать ванну приходилось долго и мучительно».

Наконец Далия, наполнив ванну, погрузилась в нее, радуясь своим успехам, и лишь потом в ужасе осознала, что в этой ванне она не одна!

«Это был какой-то суп с тараканами. Во второй раз набирать ванну сложно, долго и холодно. Я нашла какой-то черпак и принялась вылавливать непрошеных гостей. Всех ли выловила, до сих пор не знаю. Но в результате, так или иначе, все же умудрилась помыться сама и вымыла тараканов».

После успешного окончания Герценовки поэта Аронзона послали на практику в школу. Он зашел в класс, посмотрел на учеников.

– Дети, я приду через секундочку.

Больше его в этой школе никто не видел.

Знаменитый писатель Дмитрий Вересов в школе ненавидел физику, так как ничего в ней не понимал. Тем не менее, посоветовавшись, учителя все же натянули ему в диплом «трояк», взяв при этом с него честное слово, что он не будет сдавать физику в институт, дабы не позорить родную школу.

– Я привожу эту историю на своей студии, как пример остроумного решения поставленной задачи в рамках заявленных правил. – Андрей Балабуха ставит на блюдце чашку с черным чаем, делая эффектную театральную паузу. – Во время Первой мировой войны культура отнюдь не была в загоне, и одна из немецких военных газет объявила конкурс на лучший юмористический рассказ, который бы при этом не превышал двести слов. Первое место на конкурсе занял рассказ следующего содержания:

«Обер-ефрейтор Шнитке был большой шутник, однажды он взял и подпилил столбы в унтер-офицерском нужнике. Вахмистр Шнурре пошел утром в сортир и провалился.

Как видите, господа, в этом рассказе ровно 22 слова, остальные 178 произнес вахмистр Шнурре, выбираясь из ямы».

Балабуха дожидается, когда я отсмеюсь, отпивает глоток чая. – С этого рассказа началась литературная слава одного из лучших писателей, писавших о Первой мировой. – Арнольда Цвейга.

Из интервью с Чарльзом Буковски «Солнце, вот он я»: «Я бы сказал, семьдесят пять процентов того, что я пишу, – хорошо; сорок-сорок пять процентов – отлично; десять процентов – бессмертно; а двадцать пять процентов – говно. Складывается в сто?»

В Финляндию за рыбой – обычное дело, и в аквапарк часа на три. Еще хорошо бывает съездить русским-финнам стихи почитать. Финляндия – фэнни – страна фэнов. Там любят фьорды и неспешное созерцание сказочного леса – леса Калевалы. Финны ненавязчивы, но если заслужил дружбу финна, эта дружба навек.

Финны любят фантастику, самим своим существованием постоянно создавая руно. Природа Финляндии с ее покрытыми мхом валунами, лесными озерами, густыми лесами – поэзия в чистом виде. Руно… в рифму и без оной, с ритмом и аритмией, с непонятным рисунком облаков, со змеистыми тропинками. Финны мало говорят, больше думая и созерцая. Удивительный народ.

И снова зима. Как же это несправедливо, что ради мечты получасового созерцания падающего снега приходится терпеть три месяца этой холодной пакости. А надо так: порадовались первому снежку, поиграли в снежки, максимум слепили небольшого снеговика – и все: весна, капель, в идеале – цветущие сакуры.

– Однажды в Харьков в очередной раз приехал Сергей Дяченко, – рассказывает Дмитрий Громов, – и мы устроили ему в харьковском университете встречу с читателями. Народу пришло много, Дяченок любят.

Сначала он по сложившейся традиции немного рассказывает о своем с Мариной творчестве, потом Сергей предлагает задавать вопросы.

И тут какой-то очень молодой человек с горящими глазами вскакивает с места и, перебивая выступающего, спрашивает:

– Вот вы все время пишете про инопланетян…

В зале начинают смеяться: у Дяченок нет ни одной книги на эту тему.

– Так вот, – не унимается парень, – встречали ли вы их на самом деле?

Сережа добрым, проникновенным взглядом посмотрел на вопрошающего и совершенно меланхолично начал:

– Когда я работал врачом в психиатрической лечебнице…

Закончить ему не дали – зал хохотал минут пять.

Подловив на «Росконе» Святослава Владимировича Логинова, я попросила его рассказать что-нибудь из писательской жизни, и вот что он поведал:

– В деревне, где я живу летом, есть у меня соседка Маша, у нее четверо внуков. Вот один из этих внуков – Антон Федоров – прикатил как-то к бабушке в гости. Не знаю, о чем они беседовали, но почему-то Антон расспросил бабушку обо мне и страшно удивился, узнав, что в деревне живет самый настоящий писатель-фантаст. Явился ко мне в гости и начал расспрашивать: каково это – быть фантастом? Впрочем, больше его интересовали гонорары. Я честно признался. Он немного подумал, и сказал, что, пожалуй, его такая оплата устраивает. Поэтому он тоже будет писателем-фантастом.

Надо много учиться, много знать! – попытался я образумить гостя. На что Антон возразил, что в фантастике можно писать все, что угодно.

Попробуй. – Примиряюще согласился я. – Если напишешь рассказ, я постараюсь его опубликовать.

На следующий день он явился с тетрадным листком, озаглавленным «Фонтастика», текст рассказа приводится ниже, синтаксис и орфография – авторские:

Дела была в фиврале шестово чесла в понедельник 1889 года вечером в двенацать чесов была плохая погода я вышел наулицу посмотреть на погоду было темно шол дождь через несколько минут я хотел ити в дом но вдруг внеби чтото засверкало я повернулся посмотреть и увидал не обычный литаюший обект они преземлились я очень испугался и побежал в дом но было позно меня схватили большеголовый они меня завили в кораболь и привизали к столу и начели проводить на домной иксперименты я вырубился

я очухался от боле в животе меня выносят из коробля на какойто планети занесли меня в здание в комноту сомно рядом лежали два большиголовых у одного нехватала руки и глаза а удругова небыла ног меня охватил страх

я заснул и потом проснулся от холода мне принесли стокан счемто житким мне говорит как роботным голосом выпей я спрашиваю что это токое это обезболивушие для тебя я отвечаю уменя нечего неболит он сказал пей я выпил и отрубился через пару чесов проснулся от жуткой боли вногах вглаза светит лампа я спрашиваю у врача где я ты в городской больнице

как я сюда попал вбольницу позвонила женчина и говорит приижайте скорей на кладбише тут человек валяется без руки и

глаза без двух ног я посмотрел наноги и впал в шок и говору врачу вколите мне чегонебуть четобы я сразу умир она говорит я не могу этово зделать я ей отвечаю я не смогу так жить

она меня усыпили и сожгла меня в крематори и розвеела мой пепел в поле и говорит лети далеко и храни тебя всегда.

Автор Федоров А.В.

Викторина для самых умных в элитной школе, куда нас с небольшой компанией писателей пригласили в состав жюри, напоминала фильм «Тупой и еще тупее».

В начале восьмидесятых решил скульптор Фатих Сеюков подзаработать и слепил бюст Владимира Ильича Ленина, – рассказывает Андрей Саломатов. – А что бы ему и не слепить, когда он преподавал практику по скульптуре в Суриковском институте? В общем, обычное дело. Сделал бюст, и тут же набежали проверяющие из отдела культуры райкома – работу принимать. Долго ходили-бродили вокруг пластилинового Ленина; направо пойдут, налево пойдут; чинно так, молча. Потом один из них и говорит:

– А чего это Владимир Ильич у вас на татарина похож?

– А на кого должен быть похож вождь из Ульяновска? – изумился Фатих.

– Владимир Ильич все-таки был русским человеком, – осторожно произнес райкомовец, и на членов комиссии с опаской поглядывает.

– Хорошо, – ответил Фатих, – будет русским. Взял лопатку, постучал ею по пластилиновым скулам вождя.

– Так нормально?

Проверяющие посмотрели, покивали и приняли работу.

И действительно, после лопатки Ленин основательно ославянился.

Сидит пьяный Геннадий Жуков, разглядывает свои корочки Союза писателей. Подходит Сергей Битюцкий.

– О, Серега, смотри, что написано: «Управление культуры». Но ведь культура – это я. Эти люди получают зарплату за то, что они мной управляют?!

На все предложения написать его портрет адмирал Ямамото всегда отвечал категорическим отказом: «Портреты – это вульгаризмы, которых следует остерегаться чуть менее строго, чем бронзовых статуй», – говорил он.

– Компания наших московских друзей, – рассказывает Олег Ладыженский, – привезла на «Звездный мост» мультик по Толкиену. Но так получилось, что мультик они показали, но сами закрутились и в результате опаздывают на вокзал.

Прыгают в такси:

– Гони, плевать на красный свет, на что угодно. Главное успеть!

– Но меня же менты остановят. Права заберут, – слабо сопротивляется водитель.

– Гони, у нас бейджики. – В темноте салона на одежде пассажиров действительно поблескивают какие-то таблички, что на них – разобрать невозможно. – Это мэр выдал разрешение ездить без правил. Гони!

Водитель поверил и погнал, как просили – на красный свет, по газонам, по встречке, и самое смешное, что их несколько раз останавливали, но всякий раз отпускали. Вот какая сила убеждения!

Хорошо под стук колес рассказывать друг другу истории протяженностью в несколько километров, короткие – в наше-то ускоренное время. «Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, едет поезд запоздалый», мимо городов и деревень, мимо полей и озер, мимо замков с их синими цветами и ручными драконами… рельсы-рельсы, шпалы-шпалы…

Компания фэнов и писателей возвращаются с конвента, все уже устали от выпивки, гулянки, кто с бодуна, кто просто утомленный. – рассказывает Дмитрий Громов. – И тут несколько человек все-таки решили выпить. Подходят к мирно отдыхающему Вохе Васильеву:

– Воха, водку будешь?

– Не-а, не хочу.

– А если показать?

Поезд движется по земле сибирской, – делится давними впечатлениями Алан Кубатиев, – Все уже порядком датые, настроение лирическое. Ночь. Ледяная осенняя ночь. Остановка на какой-то неприметной станции. Как выясняется, место, в котором когда-то родился присутствующий в купе писатель Г.

Фонари освещают перрон, по трансляции женский голос делает какие-то объявления. По перрону передвигается заковыристыми зигзагами смертельно пьяный индивид в синей майке, синих штанах, тапках на босу ногу, с полной сумкой «хрусталя».

Писатель Г. меланхолично наблюдает за пьяным: «А если бы я остался здесь, я был бы точно такой»…

На писателе Г. синяя майка, синие джинсы, тапки на босу ногу. Поезд трогается, по полу катится пустой «хрусталь»…

Зима. Стоим с дочкой на остановке, мерзнем. Я ребенку: Диана, погляди, что там за автобус идет, коммерческий?

Диана: Кармический.

Идет по улице Дмитрий Громов, никого не трогает, в голове сплошная махабхарата – в смысле, в то время Олди работали над романом «Черный Баламут». Времена доинтернетные, в кармане дискета с очередным фрагментом романа, которую Дмитрий несет соавтору. И тут его останавливает незнакомый кришнаит.

– Купите книжки – вот первоисточники, святые откровения.

– Стоп. Какие же это первоисточники и святые откровения? – возмущается некстати выдернутый из древней Индии Дима. – Это же все комментарии вашего А. Ч. Шри Чайтанья Бхактиведанты Свами Прабхупады!

Понятно, обычный человек такое сходу произнести не может. Кришнаиту этого тоже дополнительно объяснять не нужно – но и отступать он покамест не собирается:

– Хотите первоисточники? Вот вам «Бхагават-гита», – уже более осторожно предлагает он толстенный том.

– Извини, дорогой, «Бхагават-гиту» я читал, – удивляясь непонятливости собеседника, вздыхает Громов, – это тоненькая книжечка, а если брать «Махабхарату», то «Бхагават-гита» – маленький фрагмент в одном из ее томов.

И тут же, вскочив на своего любимого конька:

– Слушай, друг, давай я тебе лучше расскажу, как это было на самом деле?! Приезжает, значит, Кришна в Хастинапур; как всегда, опаздывает – и…

Кришнаит книжки под мышку – и дёру, а Громов его еще некоторое время преследовал, безрезультатно пытаясь донести благую весть до чуть не тронувшегося рассудком парня.

Еще бы, не каждый день удается встретиться с живым свидетелем и очевидцем тех самых легендарных событий!

Вручать орден «Рыцарь авангарда» Борису Марковскому были вызваны Борис Констриктор и Борис Ванталов. После чего он вышел один в двух лицах.

То, что я с Кубатиевым на «ты», было решающим фактором для моей жены выйти за меня замуж, – приоткрывает завесу

тайны Дмитрий Быков, – Кубатиев был для нее безусловным «Вы». Что не мешало ему, кстати, быть еще и адресатом для множества шуток.

Дело в том, что Кубатиев – замечательный спортсмен. И когда он проводил свои лекции в Университете, начинались они с того, что, поправляя галстук, он произносил фразу: «Что-то в аудитории душновато», после чего запрыгивал неподражаемым тигриным прыжком на стол и открывал форточку. И так было изо дня в день.

Однажды студенты заранее открыли окно и сели дожидаться преподавателя, перешептываясь «что сейчас будет?». Пружинной, кошачьей походкой Кубатиев влетел в класс, мгновенно оценил ситуацию, после чего произнес: «Что-то в аудитории прохладно», и одним тигриным прыжком взлетел на парту.

Иными словами, без этого ритуального вспрыгивания лекция просто не могла начаться.

На одном из «Странников» я, Успенский и Кубатиев ночевали в одном номере. – рассказывает, одновременно подписывая кому-то книгу, Дмитрий Быков. – И Кубатиев завел свою любимую тему о Генрихе фон Клейсте и «Землетрясении в Чили».

Я честно признался, что ничего не читал из Клейста, на что Кубатиев ответил: «Это ничего не говорит нам о Клейсте, но многое говорит о тебе». После чего он по памяти пересказал все «Землетрясение в Чили». Короче, я настолько был потрясен услышанным, что вернувшись домой, рассказал о Клейсте дочери. После чего, она заболела этим автором и прочла все, что у того было, включая «Михаэля Кольхааса». Так что когда Кубатиев приехал к нам в гости, он был поражен: какой интеллектуальный ребенок! Дочь не знала ничего иного из немецкой литературы: ни Гофмана, ни Тика, ни Новалиса. Но Клейст был ее любимец.

Кубатиев был этим фактом потрясен.

Женя Лукин, выпив и будучи еще и со сломанной ногой, на конгрессе «Странник» с костылем носился за Андреем Столяровым, – рассказывает Дмитрий Быков. – И утром я слышал, как его распекал за это дело Алан Кубатиев в обычной кубатийственной манере:

«Вчера, когда ты с костылем гонялся за Столяровым, – вздыхал Алан, – ты был похож… ну, я не знаю… На Столярова».

– Самая трогательная утренняя сцена, которую я только видел в своей жизни: Миша Успенский как младенца держит на коленях «больного» Борю Штерна и поит его из бутылочки

(правда без сосочки). Он и меня, Дмитрия Быкова так спасал-похмелял неоднократно.

– В одном из романов Василия Васильевича Головачева, мы обнаружили странный термин, состоящий из японских, китайских, вьетнамских слов, как говорится, в одном флаконе, – рассказывают Олди. – По сюжету главный герой – великий знаток боевых искусств – бьет какого-то супостата. И в этот момент возникает означенный термин.

Стало интересно, начали расшифровывать, переводя на русский. Получилось: «удар в прыжке коленом ногой назад через себя».

Выразительный приемчик, если учесть, что противник стоял перед главным героем.

Писатель Уильям Берроуз решил превзойти лучника Вильгельма Телля, попавшего в яблоко, стоящее на голове собственного сына. Собрав у себя дома гостей, Берроуз поставил стакан на голову своей жене Джоан Воллмер и, отойдя на несколько шагов, выстрелил из пистолета. От падения на ковер стакан не разбился, а вот жена скончалась на месте.

Большой спортивный зал был поделен на две части, в одной, под портретом учителя Уэсибы Морихея занимались «айкидошники», в другой – еще какие-то «ниндзя». Тоже, разумеется, под портретом своего вождя.

Во время занятий начинающей спортсменке, а ныне писательнице Юлиане Лебединской потребовалось выскочить на пару минут из зала. Что она и сделала, бесшумно проскользнув по краю татами туда и обратно прямо перед портретами.

Прыг, и она уже на своем месте, будто и не отлучалась никуда. Тем не менее, ее маневр не остался незамеченным, и разгневанный сэнсэй тут же подозвал девушку к себе.

– А известно ли тебе, что пробежав так близко от портрета верховного лидера наших противников, ты рисковала смертельно оскорбить их клан?

– Не-а? – Юлиана непонимающе вытаращилась на сэнсэя.

– Да если бы какой-нибудь «ниндзя» учудил что-нибудь подобное под портретом нашего учителя, я бы его изловил и за ноги подвесил, – строго выговорил тот, тут же лукаво подмигнув Юлиане. – Шутка ли сказать, мимо целого клана ниндзя несется неопытная и ничего еще толком не умеющая девушка. И никто ее не то что не пытается поймать, а не слышит, не видит и не чувствует!

Вот и думай после этого, кто тут ниндзя, а кто погулять вышел.

Дедушка-ямабуси[3] ходил, по-стариковски шаркая ногами и опираясь на посох. В общем, доживал свое старикан. Даже непонятно на первый взгляд, почему такому мастеру, как Владимир Свержин, эдакая незавидная роль досталась. Тут ведь не развернешься как следует, не покажешь удаль молодецкую. Сиди себе, дедулька, в тенечке, рассуждай о вечном, да знай ругай нынешние порядки. Впрочем, это только кажется, что настоящего горного война, зная, что это именно он, в покое оставят. Пришли к старому ямабуси от даймё[4], на земле которого он временно поселиться изволил.

«Нет зерна, – говорят. – Неурожай, засуха». В общем, если не придумает мудрейший, как экономику возродить, придется вымирать».

Что тут будешь делать? Поднялся старикан, и на нетвердых ногах отправился подаяния у соседних даймё клянчить.

Спину ниже обычного согнул, и, протягивая дрожащую ладонь, просит милостыни. Те готовы пособить старичку. Но, что за незадача, просить-то он просит, а взять просто так, мол, стыдно.

– В благодарность за щедрость я готов показать благородное искусству ниндзицу[5] самураям уважаемого даймё. – Скромно потупившись, предлагает Свержин. После чего начинает раскладывать самураев по всем углам княжьего дворца. С оружием без оружия, по двое, по трое…

Закончив показательное выступление, получает просимое, и, старчески шаркая ногами и тряся головой, идет к следующему даймё.

Через какое-то время мастера игры снова обращаются к Свержину-ямабуси с тем же вопросом: «Что скажешь, уважаемый, начинаем вымирать или как»?

«Думаю, может торговлю рисом начать, у нас его нонче как-то многовато». – вольготно расположившись на старой циновке и почесывая спину боевой чесалкой, Свержин выклыдывает перед ничего не понимающими мастерами карточки, заменяющие по игре коку[6] риса.

Десять лет не была в Японии, а друзья нет-нет да и звонят. Спрашивают о здоровье, работе, новых книгах, иногда, теперь уже редко, приезжают.

Без практики язык быстро забывается, да только где ее возьмешь? Вот и получается, что желающим пообщаться по

телефону японцам приходится удовлетворяться парой пока еще не выветрившихся из памяти фраз, а потом, если дело важное, зовут переводчика.

Телефонный звонок. Слышу японскую речь. «Здравствуйте, как дела? Как здоровье»? Я еще вполне сносно могу произнести и «Охаё годзаимас» и «Ананата-но кибун дайдзебу дес ка?». А дальше… из набора услышанных слов вычленяю понятное «хон» – книга. Ага, даже «анато-но хон» – твоя книга. Потом бульканье «Ироду». Так… «Ирод Великий».

Действительно, не так давно издательство «Вече» выпустило сей труд, сиречь исторический роман. Дальше в трубке снова застрекотали.

«Цуяка онигайшимас» (переводчика пожалуйста), – застонала я. Переводчика не оказалось. Пришлось ломать собственную голову. Я расшифровала слово «аймасе ка» (встретимся?) и с радостью отчеканила «доко?» (где?)

Об идее пересечься где-нибудь на нейтральной территории, где я смогу вручить «Ирода» с автографом, после чего мы завалимся в хорошенький ресторан, совершим экскурсию и в тот же день я сяду в самолет, возможно даже нагруженная подарками, витала в воздухе давно и обсуждалась через переводчика. Оставалось уточнить, где меня ждут, после чего получить либо электронные билеты, либо деньги на перелет.

Итак… «доко?» (где?). В трубке восторженно затараторили. Не поняла, попросила повторить «мой кай онигайшимас» и «юккури» (медленно).

«Харуку», – чуть ли не по слогам произнесла собеседница.

«О'Кей, в смысле дайдзебу», – сдалась я, выписывая на бумажку странное название. Вообще-то в японском языке пользуются слоговой азбукой, поэтому такого явления, как стоящие рядом две согласные буквы, в нем просто не может быть… И следовательно, загадочное «харуку» может в равной степени оказаться и Харьковом и Хайфой, а возможно и еще чем-то недоступным моему воображению и не входящему в кругозор. С другой стороны, рассуждая логично: они желают получить пару экземпляров «Ирода», стало быть, речь идет об Израиле. Не Иерусалим, так Хайфа. С Харьковом у меня почему-то «Ирод» вообще не ассоциируется, хотя, возможно, харьковчане со мной не согласятся, указав на инкарнацию великого идумея в местной городской администрации. Сама я уже давно собираюсь и в Харьков, и в Хайфу, так что ничего не теряла.

«О'Кей, Хайфу, Изураилу, – чуть не сломала я язык.

«Хаифу. О'Кей».

Разговор прервался. Поняв через пару дней свою ошибку (все-

таки изначально они рассчитывали на встречу на Украине), я не стала извиняться или что-то спешно менять.

Январь. Хайфа! Оставалось выяснить, не зацветает ли в это недоброе зимнее время в Израиле какой-нибудь цветочек, и затем со знанием дела отвести всю компанию на «традиционное созерцание». Такой финт японцам понятен. Лететь черт знает куда, дабы застыть на мгновение над дурацкой ромашкой. Будут потом рассказывать дома, поминая особый день непонятного зимнего цветка и загадочную русскую душу. Я же, что называется, сохраню лицо.

Мы в Израиле: я, Димыч, Хаецкая, Логинов, Шекли, Дяченко, – рассказывает Олег Ладыженский, – Пошли в какой-то ресторанчик. А надо сказать, что Сережа Дяченко любит произносить тосты, и каждый тост он обычно перекладывает на кого-то, этакое алаверды. В этот же вечер он почему-то прицепился к Шекли.

– Я хочу задать вопрос мистеру Шекли. – Сергей делает выразительную паузу. – Скажите мистер Шекли, а почему женщины любят мужчин?

Все перевели и задумались, что на это можно ответить?

– Потому что собаки и лошади непривлекательны, – мгновенно реагирует Роберт.

На кафедру Большой физической аудитории университета, что в Здании Двенадцати Коллегий, поднимается Никита Алексеевич Толстой, сын писателя Алексея Толстого (да-да, тот самый, из «Детства Никиты»), который вместе с родителями встречался в Берлине с Сергеем Есениным, Айседорой Дункан, Максимом Горьким… По аудитории восторженный шепоток. Никита Алексеевич, высокий, представительный мужчина всего-то сорока пяти лет отроду! Элегантный, явно заграничный костюм, галстук-бабочка, трость, папочка… Кладет трость на кафедру, достает из кармана сигареты с золотым обрезом…

– Все точно, красиво, без тени нервозности или суеты, – рассказывает Михаил Ахманов. – У нас учились немцы, негры из самых разных стран, представительный араб, закончивший сколько-то курсов университета в Париже, самый старший (нам казалось – старый) на курсе, ребята из советских английских школ, считавшие, что они-то самые образованные…

Несколько фраз приветствия, и к кафедре поплыли записки. Никита Алексеевич разворачивает первую.

– Записка на немецком, – поясняет аудитории, а затем читает вслух на немецком, переводит на русский, отвечает на немецком и тут же вновь переводит на русский.

Разворачивает следующую.

– На французском.

Аудитория застыла, Никита Алексеевич, не моргнув глазом, читает на французском, переводит на русский, отвечает сначала на французском, затем переводит на русский. Народ начинает аплодировать. А лектор, точно фокусник, грациозно разворачивает третью бумажку.

– Записка на английском. – Хмурится. – На плохом английском. Вот это слово с ошибкой, и тут тоже не так. –

Вздыхает. – Но я все же отвечу.

Читает записку на английском, переводит на русский, отвечает на английском и дублирует ответ на русском.

После чего, как ни в чем не бывало, начинает лекцию.

Далекий 1981 год. Михаил Якубовский листает каталог своей библиотеки. Телефонный звонок.

– Якубовский? – вежливо вопрошает трубка.

– Да.

– Михаил Альбертович? – уточняет невидимый собеседник.

– Он.

– Председатель клуба фантастики?

– Совершенно верно.

– С вами говорит редактор отдела «Вечерний Ростов» Николай Георгиевич Куриленко.

– Чем могу, Николай Георгиевич?

– Понимаете, Михаил Альбертович, у меня к вам такой вопрос, может быть, вы сможете мне помочь… Я примерно помню содержание рассказа, но ни названия, ни автора…

– Да, конечно, если смогу, то конечно. – Якубовский машинально пролистывает каталог.

– Рассказ начинается с того, что в пустыне нашли две статуи…

– Игорь Росоховатский, «Встреча в пустыне», – немедленно реагирует Якубовский и дополняет, глядя в каталог, – сборник «Каким ты вернешься», издательство «Детская литература», Москва, 1971 год.

Журналист минуты три не находит слов. Он еще, можно сказать, не задал вопроса, а получил более чем исчерпывающий ответ.

В тот день в гости к Якубовскому зашел Сергей Битюцкий. Михаил приятелю все как есть рассказал, посмеялись, да и за дело принялись. Надо было по клубу что-то обсудить. Пока обсуждали, пока чаи гоняли, то да се… пришлось Сергея оставлять ночевать.

А утром Битюцкий возьми да и предложи:

– А что если бы мы с этим журналюгой дружбу свели? Давай, я возьму эту книжку, заеду к ним в редакцию – якобы привез для ознакомления….

В то время журналисты мало писали о литературных и тем более фантастических клубах, а тут такой шанс.

Якубовский подобную инициативу может только поддержать. По свежим, можно сказать, следам, пока у занятого Николая Георгиевича первое впечатление из памяти не стерлось.

Битюцкий берет книгу и едет. Но не успел он до места добраться, как Михаилу новый звонок:

– Михаил Альбертович… Это снова Николай Георгиевич… Я вчера так растерялся, что совсем забыл попросить вас… Можно эту книгу у вас взять на несколько дней?

Якубовский мгновенно реагирует:

– Да, конечно. Человек к вам уже выехал, ждите, будет через пять минут.

Передать Сергею, как дело повернулось, в 81-м не было никакой возможности, так что, действительно, подъехавший через пять минут в редакцию газеты Битюцкий поднявшись на четвертый этаж, обнаружил на лестничной площадке человека, ждущего чуда!

Понадобилось обсудить какие-то издательско-писательские проекты с приехавшим в Питер московским издателем и нашим местным поэтом из породы рыб-прилипал, причем в тепле, при включенном компьютере и желательно при наличии уже изданных книг. Всегда приятно похвастаться, да и без подарков от «Петраэдра», да и от меня лично, еще никто не уходил.

Решили зайти ко мне и за чашечкой кофе, все что нужно и обсудить.

– А у тебя поесть что-нибудь найдется? – интересуется москвич, – или купим по дороге.

– Вряд ли, – у нее все викторианское, – отвечает за меня поэт и тут же поясняет, – без мяса.

2002 год от рождества Христова, конец августа – начало сентября. Идет игра по эпохе Токугава-но Иэясу. Самое начало Эдо бакуфу[7], 1603 год, месяц хатигацу переходит в кугацу. Писатель-фантаст Владимир Свержин отыгрывает в роли дедушки-ямабуси – знатное положение, ямабуси обучали синоби, которых у нас почему-то называют ниндзя. Но это неправильно, ниндзя, тот, кто практикует ниндзицу, а настоящим синоби нужно родиться.

Играют, по сценарию, местный даймё отдал Свержину свою дочь в ученицы. Учил, учил, а ее все равно коварные синоби похитили.

– Непорядок. – решил Свержин и отправился на поиск супостатов. Видит: идут по дороге четыре ниндзя, ведут бедную девочку.

– Ой, напрасно вы это сделали, – семенит он к ним старческой походкой, – похитив дочку даймё, вы безмерно отягчили свою карму, – с этими словами заступает дорогу

похитителям. – Так что, я уже явственно вижу смерть, что стоит за каждым из вас и только знака ждет. – Опершись на посох, дедулька-ямабуси извлекает из-за пояса чесалку с когтями и, благостно взирая на застывших перед ним воинов, со скрежетом чешет себе спину. – Лучше вы ее отпустите, сынки. – мягким, доверительным тоном предлагает он, – а то совсем плохо будет.

– Не можем, уже продали, – отвечает один из похитителей, оглаживая свой явно не пустой пояс.

– Понятно, но только лучше бы вам все-таки ее прямо сейчас мне отдать, – не отстает вредный дедок, незаметно смещая руку по посоху…

Ученица ямабуси все поняла правильно, сделала шаг назад и села в кусты, прикрыв голову руками.

Стоящий рядом мастер по боевке успел только с шумом набрать в рот воздух, потому как четыре специально обученных синоби были уничтожены буквально в мгновение ока.

Первый получил когтистой чесалкой по сонной артерии. Случись такой удар в реальной жизни – и артерию бы выдрал, к бабке не ходи. Второй принял удар посоха в грудину, третий словил удар концом того же посоха в горло, а четвертого посох достал уже в затылок на развороте. Бой выигран, но главный мастер игры решил, что когда одним махом четырех убивахом – это уже перебор и фантастика. Тем более что синоби, все как на подбор, слыли воинами заслуженными, а значит, либо нужно признать, что посох и чесалка ямабуси способны снимать все хиты[8] разом, – собственно на то он и ямабуси, – либо, нужно провести еще один бой, чтобы Свержин эти хиты у народа честно отобрал.

– Не вопрос, – поклонился дедушка-ямабуси и поковылял по своим пенсионерским делам.

Через некоторое время сопровождает Свержин процессию все с той же дочкой даймё (замуж ее, что ли, отдавали)… идут, никого не трогают, вдруг смотрит старый ямабуси: стоят восемь ниндзя – и среди них те четверо, давеча убитые им.

– Минуту вне игры, – Свержин оторвался от процессии и подошел к явно ожидающим его синоби. – Мастера сказали, что мой посох не снимает все ваши хиты. Честно скажу, я не помню, сколько их у вас. Поэтому первым ударом я сбиваю вас с ног, и буду бить, пока вы не признаете, что уже мертвы. Если вы не хотите этого, прижмите, пожалуйста, руки к бокам и стойте.

Восемь ниндзя стоят в ряд, прижав руки к бокам, не шелохнутся, напротив них Свержин, за его спиной медленно проходит кортеж. Свержин кланяется, благодарит за взаимопонимание и тоже уходит. Восемь ниндзя продолжают

стоять.

В четырех федеральных бразильских тюрьмах ввели новшество: любой заключенный по желанию, может снизить срок своего наказания с помощью чтения. Буквально: прочитал книгу – освободился на четыре дня раньше. При этом выбор ограничивается разве что тюремной библиотекой.

Сидючи в тюрьме за растрату, бывший бухгалтер О'Генри мрачно размышлял, как бы на Рождество порадовать оставшуюся дома маленькую дочку. И придумал – сочинил для нее рождественский рассказ. Переписал красивым почерком, еще раз перечитал, самому понравилось. А потом, – чем черт не шутит, сделал еще один экземпляр и отправил его в первый попавшийся журнал.

И что вы думаете? Вскоре рассказ был напечатан, и на полученный гонорар О'Генри приобрел для дочери настоящий подарок.

– Пойдем, я тебе что-то интересное покажу.

Впереди шел игровик Ратимир – богатырь, боец, человек серьезный и вполне надежный, позади писательница Далия Трускиновская. Трущобы, узкие переулки, мусорные баки, проходные дворы. Еще столица называется! Одна бы, пожалуй, поостереглась тут бродить – очень нужно ноги ломать.

Но рядом с Ратимиром не страшно. Такой и уличных хулиганов в два счета вежливости научит, и против небольшого отряда гоблинов, если нужно, не оплошает, и в логово дракона залезет…

Напрасно, она подумала о драконах. Точно услышавший ее мысли, Ратимир вдруг свернул в мрачного вида подъезд и, ничего больше не объясняя, направился в подвал. Далия за ним. Длинный, плохо освещенный коридор. Впереди поворот. Несколько метров в полной темноте, ощущая лишь холодные пальцы сквозняков и устоявшийся запах пыли, затем снова свет, сваленные в углах вещи, ящики, старая коляска, лыжи…

– Пришли. – Ратимир останавливается перед дверью с деревянной табличкой, на которой красным по белому выведено: «Королевская кровь»!

Вот это да! Клуб ролевиков, названный в честь ее, Далии, романа, наделавшего шума много лет назад!

Старшие ролевики книгу, понятное дело, читали, неспроста и клуб свой так нарекли. А молодые – им что? Королевская – так королевская. Разве в названии дело?

На конвенте в Харькове вокруг писателей всегда вилось множество журналистов из самых разных, часто не имеющих вообще никакого отношения к фантастике изданий.

– А правда, что писатели сейчас не пишут, как раньше, а есть специальные программы, которые собственно и создают тексты романов? – пристала, с диктофоном в руках журналистка какого-то гламурного журнала к Роману Злотникову. – Они задают определенные параметры, имена персонажей, какой следует выбрать жанр, сюжет? Например – любовный, сцен семь, драк двадцать три…

Злотников терпел-терпел – и не выдержал. Сколько можно переносить чужую глупость?!

– Чувствуется, что вы настоящий журналист, – улыбаясь, как кот канарейке, начал Роман, – вы меня раскрыли. – Лучезарный взгляд, полный невольного уважения и неподдельной искренности. «Формула успеха Глайма: «Секрет успеха – в искренности. Как только вы сможете ее изобразить, считайте, что дело в шляпе». – На самом деле такой программы ни у кого нет, кроме как у КГБ. Вы же знаете, что на юго-западе Москвы есть подземный город?

Утвердительный кивок, который девица повторяет на чистом автомате, энергично тряхнув мелированной челкой. Судя по интонации Романа Валерьевича, она как «хороший журналист» просто обязана это знать.

– Так вот, там есть секретный институт, который разработал программу, предназначенную для отражения ядерного удара по СССР. А вы ведь понимаете: огромная программа, десять тысяч боеголовок, сто тысяч ложных целей, расчет климатических и погодных условий. Программа чудовищная, разрабатывали ее долго. Но к тому времени, как она была с успехом завершена, СССР приказал долго жить, и она стала никому не нужна. Финансирование урезали. Тогда ученые начали искать, где применить страхолюдину, что называется, в мирных целях. Но институт секретный, его курировал КГБ, поэтому сами разработчики выйти на рынок не могли, пришлось обратиться к своим кураторам. Вы же знаете, что я полковник?

Очередной полный доверия взгляд.

– Да, да, – снова закивала журналистка, боясь, лишний раз вздохнуть, перебив тем самым идущую ей в руки непуганую сенсацию.

– Ну так вот, она – программа эта пишет романы и подписывает моей фамилией, – подытожил рассказ Злотников, ощущая творческий подъем и борясь с желанием весело

рассмеяться. – Но, с другой стороны, я не могу сказать, что не участвую в процессе. Дело в том, что программа пишет роман одним большим словом. А я затем сижу и расставляю заглавные буквы, абзацы, точки, запятые, пробелы…

Глаза журналистки сделались абсолютно круглыми. Она не сразу сумела собраться и задать вопрос:

– Неужели об этом вообще ни кто не знает? Даже не догадывается?

– Ну, почему же… писатели, разумеется, знают. Тут не скроешься? Только кто пойдет против КГБ? А я нормальный парень, настоящим писателям завсегда готов за пивом сбегать.

С другой стороны, если меня уберут, как засветившегося, так еще неизвестно, кого поставят, может, такой гад будет назначен! Вот никто и не выступает особо. Так иногда снисходительно похлопают по плечу. Но, в общем, терпят.

Во время презентации книги-утопии «Аскетская Россия» в Москве соавторы Артем Сенаторов и Олег Логвинов перекрыли выход из магазина. «Никто отсюда не выйдет, пока не будут распроданы все гребаные книги, что есть в наличии», – поставили свой ультиматум собравшимся писатели.

Для проведения каких-то конкурсов Катя Асмус договаривается со знакомым хозяином крупного книжного склада, что тот выделит в призовой фонд несколько десятков килограммов книг. В назначенный день Катя берет машину и отправляется по указанному ей адресу.

Прямо за железной дверью перед ней возникает огромный ангар, по обеим сторонам которого вдоль стен в несколько рядов до самого потолка возвышаются горы пачек с книгами.

Навстречу Кате выходит ее знакомый.

– Извини, книг для твоего мероприятия так и не привезли, ничем не могу помочь, – разводит руками. – Книг нет.

– Что значит нет? Да у меня сегодня конкурс, я что, долговые расписки должна вручать? Я в машину вложилась, я…

– Ну нету книг!

– Как это, книг нет? А это тогда что?! – Катя показывает на безмолвно громоздящиеся у стен пачки. – А это что – не книги?!

– А это говно!

В воинскую часть, где служил будущий переводчик Анджей Савицкий, приезжает генерал с проверкой. Посмотрел часть. Вроде все нормально. Тем не менее, надо же о чем-то спросить, продемонстрировать, что проверка носит неформальный

характер.

Генерал: Как у вас обстоит дело с культурной жизнью?

Командир части: Есть библиотека.

Генерал: Давайте посмотрим, что за библиотека.

Заходят, большое, светлое помещение. Все стены заставлены стеллажами, на полках бутылки, и ни одной книги.

Генерал (опешив): А где книжки?

Командир части: Да, вы понимаете, мы заказываем, а нам не присылают, мы заказываем, а нам… В общем, мы здесь играем в интеллектуальные игры.

Генерал: В какие еще игры?!

Командир части: Мы кого-нибудь из младших офицеров отправляем за дверь и делаем коктейль. А он во время дегустации по первым буквам названий входящих в коктейль напитков должен догадаться, какое слово мы загадали.

Генерал: Да не может быть. Давай проверим. Лейтенант, за дверь!

Лейтенант выходит за дверь. Генерал достает с полки бутылки: палинка, абсент, портвейн, анисовая – «папа».

– Лейтенант, заходи.

Лейтенант заходит, выпивает коктейль и, не задумываясь:

– Папа.

Генерал ошарашен, требует второй проверки. Лейтенант послушно удаляется, генерал смешивает новый коктейль: мадера, абсент, мускат, анисовая – «мама».

Лейтенант входит, с каменным лицом опрокидывает смесь:

– Мама.

Генерал: Лейтенант, что вы вообще делаете в армии? Вам в дегустаторы идти надо!

Лейтенант: Пан генерал, вы очень легкие слова загадываете. Я вчера отгадал «Константинополь», а позавчера «Навуходоносор».

Украинская ночь, тишина, спит партенитский конвент, притомился. Слышен голос Владислава Русанова:

– Пить? Да мне пофиг, что пить, что не пить. Ну, хочешь на спор, прямо сейчас завяжу. Спорим? На ящик водки?!

Зыбок мир.
Сквозь дыханье костра
Заметны колебания ближней горы.

Пили втроем: Игорь Чубаха, Игорь Петрушкин и Александр Лидин; белые ночи, красота. Утром Чубахе, правда, на работу аж

в шесть часов вставать, оттого он раньше лег.

Шесть утра – понятное дело, что не в издательство идти главвреда караулить. Надо было харьковчанину как-то зацепиться в Питере. Найти нормальной работы не получилось, вот и пришлось молодому писателю, вместе с не менее молодым художником Сергеем Шикиным, что из города со странным названием Павлово-на-Оке, каналы копать. Впрочем, где наша не пропадала?..

Только Чубаха задремал, Лидин и Петрушкин озорно переглянулись, перевели будильник на четыре утра и принялись ждать, что будет.

В четыре часа звонит будильник. Чубаха вскакивает и как зомби вылетает из квартиры. На улице белые ночи – светло.

Немного обождав, весельчаки выбираются вслед за приятелем и, устроившись на скамеечке под кустом сирени, ждут, когда Игорь обнаружит метро еще закрытым и вернется, оглашая сонные окрестности переливчатыми матами.

По свидетельству современников, у Лидина дома повсюду валяются неглаженые коты. В настоящий момент – в количестве одиннадцати штук!

Дом-музей Эрнеста Хемингуэя посещают не столько ради творчества писателя, сколько ради возможности погладить и сфотографировать пятьдесят кошек, живущих там. При жизни Хемингуэй обожал кошек.

– Во время работы над книжным проектом издательства «АСТ» «Обитаемый остров» Николай Ютанов резко воспылал ненавистью к животным, упоминаемым нами в романах, – рассказывает Андрей Ерпылев. – Пострадали тексты Алексея Волкова, Федора Березина, мои. Ютанов принялся с маниакальной жестокостью вырезать из текста кошек, собак, лошадей, щук, лебедей и пр.

«Саракш – планета чужая, там должны быть другие животные».

Возмущенный произволом Ерпылев открыл в Word канонический текст братьев Стругацких, вошел в режим поиска. Слово «кошка» – 22 упоминания, «собака» – целый список, лень считать; лошади – 3. Были и петухи (когда герои возвращались с операции, кричали петухи). Федор Березин героически боролся за кроликов, он кричал, что кроликам на Саракше быть, ссылаясь на фразу, что кого-то использовали не хуже, чем подопытных кроликов.

Благодаря слаженным действиям писателей, в настоящий момент животные на Саракше есть. Во всяком случае, кошек, собак, кроликов и енотов отстоять удалось.

Будучи на пенсии, мой дедушка Николай Фаддеевич Котов самозабвенно занимался своим садом, доставшимся ему от старшей сестры. Лично я почти что не помню бабушку Аню, но сохранилась легенда, что она выращивала дивные цветы, которые цвели с ранней весны до поздней осени на зависть соседям. Весенние уступали место летним, а те, в свою очередь осенним. Целыми днями Анна Фаддеевна не вылезала из своего чудесного сада, за что и была прозвана соседями ведьмой.

Поговаривали, будто Анна Фаддеевна также управляла погодой, собирая на небе тучи, устраивая грозы и насылая на огороды завистников ливни и град. Ее-то цветики после любой непогоды неизменно расправляли стебли и упорно поднимались навстречу солнышку, в то время как соседские не выдерживали и погибали.

В общем – черная сила!

Дед водил меня в музей поселка Воейково, где показывал специальные «ракеты-снаряды» для разбивания этих самых колдовских туч. Подстрелишь такой ракетой ведьмовскую тучу, и она тут же разлетится золотой пылью.

В общем, брат и сестра уравновешивали друг друга.

И еще дедушка выращивал специально для меня голубые незабудки.

– Посмотришь на незабудку и вспомнишь меня. – Вот этот цветочек я, а это баба Аня, а этот… точно маленькие звездочки незабудки смотрели на меня нежные, стойкие, прекрасные…

Может, именно эти цветы я и должна была высаживать в нашем мире, дабы они произрастали, не позволяя забыть ушедшего но бесконечно дорогого человека, особенный день, стихотворную строчку?..

Через много лет после смерти дедушки я попала под его золотой ливень!

То, что плавно летело с неба, было мягким и шуршащим, а еще звенящим. Нежно-нежно. Это была золотая пыльца – целое золотое облако, опустившееся вдруг на Питер.

– Что это? – спросила какая-то женщина и спряталась под зонт.

Я встречала золотой дождь, обратив к нему лицо, руки и всю себя.

«Благословение» шевельнулось в мозгу.

– Благословение, – ответила я, и, нимало не смущаясь ни атеистического времени, ни того, что знала, о том, что тучи разбивают в золотой дождь, и что моя мама вместе с туристической группой встречала уже «золотой дождь», принесший всем очевидцам аномалии болезнь кожи.

– Благословением и ничем другим был мой золотой ливень!

Есть писатели, которые начали придумывать сказки исключительно для своих детей. Как это бывает? Прочли всё, что было дома, а дитятко любимое родное еще требует, вот и пришлось маме или папе на ходу сочинять.

Ученик Герберта Уэллса Алан Александр Милн, сделав своего сына Кристофера Робина Милна героем своей самой знаменитой книги «Медведь-с-очень-маленькими-мозгами», о Винни-Пухе, так ни разу и не прочитал малышу ни строчки из этого произведения, считая, что для ребенка полезнее учиться на произведениях писателя Пэлема Вудхауза[9]. Так что в первый раз Кристофер Робин открыл книгу отца только через шестьдесят лет после ее первого издания. А в 1996 – то есть через семьдесят лет после выхода книги в свет, плюшевый Винни-Пух был продан в Лондоне на аукционе дома Бонхама неизвестному покупателю за 4600 фунтов стерлингов.

Однажды писательское руководство русского города Кенигсберг решило приглашать к себе писателей по культурному обмену. А что, дело хорошее – наши к вашим, ваши к нашим. Так, почти сразу же, было решено поменять русского прозаика Сурена Цормудяна на литовского писателя Алексея Волкова.

– Сурен Цормудян рассказывал, – пишет «ВКонтакте» Алексей Волков. – Среди его читателей имелся бывший офицер группы «Вымпел», господин Гржденский, судя по всему – поляк. Прошел Чечню, был ранен, комиссован, после разных перипетий оказался в Лос-Анжелесе. Теперь ставит трюки в фильмах. Но так как американцы фамилию Гржденский выговорить, застрелись, не могут, взял себе псевдоним «Волков» – в честь автора любимого цикла «Командор».

Раннее утро. Утром лучше меня не трогать. Не высплюсь – начну тупить, если совсем рано побеспокоить, могу тупить до вечера.

Как-то в восемь утра Ольге Виор позвонила незнакомая

женщина, которая, услышав заспанный недовольный голос поэтессы, пискнула:

– Это вы?

– Это я. – Ольга помотала головой, прогоняя сонную одурь. Шутка ли сказать, сначала пишешь до шести утра, а потом тебя, ни за что, ни про что, будят в восемь!

– Спасибо вам за песню!

После чего дама повесила трубку, и… Ольга уже не могла заснуть и в результате побрела на встречу с композитором невыспавшейся и злой.

Через несколько дней неизвестная снова «осчастливила» Ольгу звонком, и опять в восемь утра. Вежливо пожелала доброго утра и еще раз поблагодарила.

Эти звонки стали обрушиваться на несчастную Виор с незавидной регулярностью. Причем все они были похожи один на другой: дама маниакально благодарила за доставленное ей эстетическое наслаждение.

Прошло несколько лет.

Однажды утром Ольга уже привычно проснулась, разбуженная звонком и, взяв трубку, услышала:

«Оля, это я! Ну, вы помните. Не могли бы вы надиктовать мне слова «Лебедь белая»?

Странное дело, первый звонок произошел в 2005 году, когда песня только-только прозвучала, теперь на дворе стоял февраль 2013-го. Неужели за восемь лет было не выучить слова любимой песни? Но вместо того, чтобы высказать все свои накопившиеся «фи», Ольга вздохнула и медленно продиктовала весь текст.

Прошло два месяца, и на каком-то вечере, к Ольге подошла невзрачная женщина.

«Здравствуйте Оля, а это я! – улыбнулась она Виор, как доброй знакомой, – та самая, что звонит вам в восемь утра»…

По словам Ольги Виор, никто из гостей или устроителей вечера в тот день не пострадал.

Знают ли сами поезда, куда влекут их обманчивые тонкие рельсы? В поезде приятно бывает прослушать материалы с диктофона, внести правку в распечатанный текст, иногда даже написать что-нибудь коротенькое.

В электричках… да, пожалуй, что, тоже.

В питерских электричках, что бегают по Ленинградской области; вот ведь странность-то какая, у такого прекрасного города, как Санкт-Петербург, нет одноименного пригорода… Так вот уже много лет по питерским электричкам ходит странный человек – Виталий, громогласно представляющий в своем лице

«Театр бомжей» и тут же начинающий читать стихи. Виталий знает, наверное, всех поэтов в городе, у него отличнейшая зрительная память. Он идет по вагону, зорко вглядываясь в лица пассажиров, чтобы вдруг разразиться радостными воплями. «Внимание, внимание! – оповещает он народ, – С нами вместе едет известный поэт». Далее он называет имя, заставляя несчастного подниматься с места и, краснея и отмахиваясь от непрошенного конферансье, кланяться. Но испытания не на этом не заканчиваются. После того, как поэт оторвал-таки седалище от скамьи, его просят прочитать какое-нибудь свое стихотворение, вагон начинает садистически хлопать, – и поэту, даже если он перед этим вкалывал все выходные на тещиных грядках или едет нагруженный свежепойманной рыбой, приходится включаться в представление. Тем временем Виталий снимает шапку или раскрывает полиэтиленовый пакет, куда ему кидают деньги на поддержание «Театра бомжей».

Принципиально не сажусь в начале или в конце вагона, потому как «крайние» поэты обычно не успевают отвернуться к окну, спрятать лицо в ладонях или быстро перейти в другой вагон. Очень не люблю, когда меня вырывают вдруг нежданно-негаданно из моих собственных дел, текстов, миров.

По вагону уже прошли несколько теток с шотландками, набитыми товаром – тетки и сумки одинаковы во всех городах, как и всегдашние бабушки на скамейках перед подъездами – символ незыблемости, неизменности, вечности.

«Беженка с шестью детьми на вокзале» потомство не предъявила. Вместо них – помятые почему-то черно-белые фотки, на которых дети послевоенного образца, откуда и взяла такие? Сама вроде как молоденькая? Или они уже через время научились милостыню просить? Тогда ладно, подам попаданцам… Инвалид с аккордеоном, трое «афганцев» с гитарами и неизменно жалостливо-солдатскими песнями… А вот пьяница ищет на опохмелку – ну хоть один настоящий.

Электричка. Сапего с друзьями выходит в тамбур покурить. Ненавязчиво разговор переходит сначала на литературу вообще, затем на писателей-моряков и, наконец, концентрируется на творчестве писателя-мариниста Виктора Конецкого.

Бутылка портвейна уже сделала далеко не первый круг, когда в тамбуре невесть откуда нарисовался маленький человечек в болоньевом плаще и беретке.

Сапего рассеянно слушает приятелей, при этом, не отрываясь, разглядывает незнакомца, который и не думает уходить, а,

наоборот, потихоньку приближается к компании, внимательно прислушиваясь к беседе. Михаил готов поклясться, что уже где-то видел этого мужика. Но где?!

Озарение приходит неожиданно захлестывая Сапего горячей волной.

– Вот он!!! – не кричит, а скорее изрыгает Михаил на весь тамбур. Интонация – нечто среднее между: «Рубай его, хлопчики!» и «Качай гения!». Еще не понимая, что происходит, компания поворачивается к вдруг съежившемуся и оттого ставшему еще меньше ростом Виктору Викторовичу. Но тут электричка останавливается, двери открываются. И испуганный Конецкий чуть ли не кубарем вылетает из вагона и, петляя как заяц, бежит по перрону, проклиная на чем свет стоит, нечаянную встречу с собственными поклонниками.

– Шел 1997 год, – рассказывает под стук колес Юрий Зверлин. – Режиссер Константин Селиверстов снимал фильм «Моцарт в Петербурге». Да уже, можно сказать, заканчивал. Сюжет: неожиданно в тогдашнем бандитском Петербурге появляется самый настоящий Моцарт.

Одну из сцен снимали возле ДК Крупской. После съемок возвращаемся вместе на метро. На Косте меховая шапка, дубленка, под мышкой огромная новенькая видеокамера в чехле на ремне болтается. В руках костыли. Там по сюжету кто-то на костылях преследует Моцарта.

Вошли в метро. Селиверстов вдруг скидывает шапку, встает на костыли и заводит: «Господа! Подайте бедному российскому кинорежиссеру на завершение фильма».

И что же? Подавали!

Сквозь туман
Звук электрички
И ее эхо.

В декабре 2011 года Михаилу Ахманову пришло письмо: «Уважаемый сэр. Я, американский писатель Роберт Силверберг, собираюсь в мае приехать в Россию смотреть Эрмитаж и хочу списаться с русским писателем, чтобы он помог мне приобрести мои книги, вышедшие на русском».

Три дня Михаил Сергеевич маялся. Знакомых много, пошутить всяк горазд, вполне могли разыграть перед Новым годом.

Думал-думал, да так ничего и не надумал. Решил ответить, а там будь, что будет. Поднимут на смех, посмеется со всеми. Не

впервой.

Другое дело, что сам Ахманов по-аглицки разве что читает, а ни писать, ни толком фразы составить… Ну да, не в лесу живем. Попросил знакомую написать ответ. Отправил, а сам ходит и все в толк взять не может: если это реальный Силверберг, то, как он его, Ахманова, вычислил? Потом догадался. У него сайт на русском и на английском. Силверберг, понятное дело, искал через интернет, запрашивая по-английски, вот и набрел. Там же и адрес узнал.

Вскоре Силверберг прислал список книг, которые хотел бы приобрести, немаленький такой список, ну да Михаил Сергеевич сразу же в нем семь романов отметил, которые лично у него на полочке стояли. Так что дела пошли. Ахманов отослал эти книги бандеролькими, а потом разместил объявление через интернет. И на секции выступил с просьбой помочь американскому коллеге. Так, в результате, все, что желалось, и нашлось. Роберт Силверберг был очень доволен.

«У него в Сан-Диего два дома, – доверительно сообщает Михаил Сергеевич, – в одном писатель живет с женой, в другом работает и держит библиотеку. Там есть все книги Силверберга, изданные в разных странах и на разных языках». Причем благодаря нашим питерским фантастам и, в частности Михаилу Ахманову, его коллекция пополнилась и книгами, изданными в России.

«Мы очень быстро подружились и перешли на «ты», – продолжает Михаил Сергеевич. – А что такое для американца перейти на «ты»? Это называть друг друга уменьшительными именами, поэтому для него я Миша, а он для меня Роб».

«Чего-то мне не хватает в современном издательском процессе, – жалуется Павел Амнуэль. – Раньше, лет тридцать еще назад, как бывало? Аккуратно отпечатываешь рукопись в четырех экземплярах, первый (непременно первый, чтобы редактор не подумал, что не ему одному послано!) запечатываешь в пакет, идешь на почту, стоишь в очереди… А потом с трепетом душевным, переходящим в состояние легкой депрессии, ждешь месяц, другой, третий… И вот он, заветный конверт из редакции. Вскрываешь его дрожащими руками, достаешь несколько листков и читаешь – письмо редактора и обоснованную (с точки зрения литсотрудника) рецензию.

Что-то в этом было. Ощущения эти – конверт, листки, отпечатанные на машинке, подпись редактора – до сих пор помню, причем куда более ясно, четко и детально, чем свои же ощущения от первой журнальной публикации, первой книжки,

первого автографа, который я дал… кому? Не помню, в отличие от первого письма, полученного далеким уже осенним днем 1959 года от редактора отдела фантастики популярного журнала «Техника – молодежи» Владимира Келера.

52 года прошло, но я и сейчас вижу, как наяву, листок с грифом журнала, не очень четкий шрифт пишущей машинки и аккуратную подпись…»

Девятиклассник Павел Амнуэль отправил свой рассказ «Икария Альфа» в упомянутый выше журнал «Техника – молодежи», и в том же году произведение было напечатано! Невероятная удача!

Окрыленный успехом юноша тут же послал второй, третий, четвертый рассказ… после первой публикации к нему потекли письма читателей, так что он невольно начал ощущать себя известным, маститым писателем.

Посмотрев на настенный календарь с обведенным кружочком днем отправки письма в редакцию, Павел посчитал пролетевшие дни, собравшиеся в полный календарный месяц, нахмурился и тут же сел за стол, письменно возмущаться проволочкам: «Послал Вам рассказ, ответа до сих пор нет…», через неделю еще одно письмо, чтобы не расслаблялись, потом еще, еще…

«То, что Вы будете заваливать редакцию своими письмами, нисколько не повлияет на оценку Вашего творчества и на решение о публикации. В очередном (№ 2 за 1960 год) мы публикуем Ваш небольшой рассказ, но это будет последней скидкой, в дальнейшем к Вам будут относиться, как ко всем другим авторам. И не нужно в каждом письме напоминать, что Вы ученик девятого класса, об этом знаем не только мы, но с нашей помощью и миллионы наших читателей», – наконец ответил ему редактор.

Наверное, более ранимый юноша обиделся бы, и надолго, возможно, вообще перестал писать или зарекся впредь показывать свое творчество таким грубиянам, как Келлер, – его подпись завершала послание. Следующее письмо с рассказом Павел отослал в журнал «Знание – сила» – к конкурентам «Техники – молодежи». Редактор отдела фантастики Роман Григорьевич Подольный отправил рукопись на рецензию известному писателю-фантасту Георгию Гуревичу. Который, подробно разобрав некоторые особенно неудачные места в произведении Амнуэля, рекомендовал тому учиться у классиков.

А надо сказать, что в те годы в Баку работала Комиссия по научно-фантастической литературе при Союзе писателей Азербайджана. Членами комиссии были такие известные

писатели-фантасты, как Е.Л. Войскунский, И.Б. Лукодьянов, Г.С. Альтов, В.Н. Журавлева. Там знали и молодого автора, и его рассказы, поэтому нет ничего удивительного, что в 1967 году Генрих Альтов предложил попробовать издать книжку в бакинском издательстве «Азернешр». «В Москве много авторов, а журналов и издательств, печатающих фантастику, мало. Попробуй в Баку».

Амнуэль не заставил просить себя дважды и отнес в «Азернешр» подборку рассказов.

Ответ из издательства пришел через полгода. По поводу рассказа «Далекая песня Арктура», содержавшего новую по тем временам научно-фантастическую идею о том, что звезды способны генерировать в космическом пространстве звуковые колебания, и этот звук можно услышать, а точнее – увидеть в спектрах звездного излучения, в частности, было написано следующее: «Может, звезды и поют, что-то мы действительно такое читали в популярной литературе, но автор не смог выразить это через жизнь нашего современника, через трудовые будни работника народного хозяйства…».

Египет – привлекательнейшая тема, тут тебе и сфинксы, и фараоны, и мумии, и расчудесные египетские боги. Да возьмите хотя бы обычай судить мертвых! Представьте картинку: приходит египтянин в суд и реально требует завести дело на покойного соседа. Мол, пока тот жив был, как-то несподручно было, а теперь-то что? Мертвые не кусаются.

Но, одно дело судить покойников, а совсем другое – наказывать их за доказанные с суде преступления. Как ты его накажешь? Он же мертвый! Оказывается, наказания тоже были, из них самое страшное – лишить права быть погребенным. На практике мумию вместе с саркофагом вытаскивали из того места, где она была погребена, после чего саркофаг доставлялся по адресу родственников провинившегося жмура и встраивался (реально) в стену дома. Бр-р!!!

В повести «Суд» фараона Хафру (Хефрена, на греческий лад) судил после его смерти народ и приговорил к лишению погребения. Поэтому, вскрыв уже в наши дни пирамиду Хафру, ученые не обнаружили в ней саркофага с мумией.

В общем – захватывающая тема. Подсказал ее Павлу Амнуэлю и его соавтору Роману Леонидову Генрих Альтов, дав почитать изданную еще в дореволюционной России книгу немецкого египтолога Карла Оппеля «Тайны страны пирамид». В результате появилась повесть «Суд», которую в 1968 году соавторы отправили в журнал «Искатель». Ответ не заставил себя ждать, но

зато требовал дополнительной расшифровки. «Да, ребята, хорошо написали, но напечатать не можем – сами знаете почему. С уважением Олег Соколов».

Заинтригованные Амнуэль и Леонидов, разумеется, тут же ответили, что вообще ничего не понимают, и попросили объяснить по-человечески. На этот раз ответа не последовало.

Прошло еще сколько-то времени, и Павел Амнуэль, приехав в очередную командировку в Москву, не поленился лично заглянуть в редакцию. Пригласив его зайти в кабинет, редактор Соколов предусмотрительно запер за ним дверь и только после этого согласился объясниться.

«А что вы хотите? У вас в каждой строчке намек на Сталина! Это нельзя! Линия сейчас такая, что да, были у Сталина кое-какие недостатки, но в целом это великий человек. Как ваш Хафру. Посмертный суд? Маска Сфинкса? Нет-нет… впрочем, повесть-то хорошая, я действительно хотел ее напечатать… Что, если для начала переменим название»?

Сошлись на «Сфинксе», пожали друг другу руки, но уже в Баку Павел получил окончательный отказ.

Потыкавшись в различные издания, соавторы пришли к выводу, что создали самый неформатный неформат своего времени, после чего повесть была отправлена на антресоли, где и пролежала, покрываясь пылью, целых семнадцать лет.

А в 1988 году Павел Амнуэль достал позабытую всеми покрытую пылью папку, бережно перечитал и перепечатал повесть, вернув ей исконное название «Суд» и, недолго думая, отправил в тот же «Искатель». Пришла новая мода ругать и судить Сталина. Повесть отправили на рецензирование доктору исторических наук Игорю Можейко (Киру Булычеву), и вскоре она действительно увидела свет, выйдя на волне антисталинских настроений. Хотя тираны во все времена тираны, и на самом деле соавторы писали о древнем Египте… но в тот момент это было уже не важно.

В начале семидесятых отправил Павел Амнуэль подборку своих новых фантастических рассказов в новый тогда журнал «Аврора». Пришедший из редакции ответ он долго затем хранил, как величайшую редкость, время от времени перечитывая. Основная мысль рецензии крутилась вокруг следующего утверждения: «автор является последователем писателя-фантаста Г. Альтова, а наш журнал публикует фантастические произведения, написанные в стиле братьев Стругацких». То есть, если пишешь фантастику не как Стругацкие, то и печатать тебя не будем.

Прошли годы, и Павел Амнуэль нашел рецензию Аркадия Натановича Стругацкого, и узнал, что на самом деле думал о его творчестве классик советской фантастики:

«Путешественник за тюльпанами». Действие рассказа происходит в отдаленном коммунистическом будущем. Мальчик Ким Яворский знакомится с новым учителем, основателем [зачеркнуто: науки] эрратологии – науки об ошибках и заблуждениях научно-изобретательской мысли. [зачеркнуто: Идея] Суть этой науки состоит, грубо говоря, в том, что диалектическое интегрирование достаточно большого количества неправильных, ошибочных представлений должно давать качественно новую по отношению к современному уровню технологии научную или техническую идею…

«Пик постоянства». Существует некая планета Лигия со страшно нестабильной геологией. Материки и океаны с огромной быстротой меняются местами, прорывы подземных газов и магмы повсеместны, горные пики сменяются равнинами и снова возникают в течение нескольких суток. На этой планете есть разумная жизнь. Лигианцы в процессе [зачеркнуто: революю] эволюции научились интуитивно ощущать геологическую «погоду» на всей планете в любой момент времени и надолго вперед, поэтому спокойно мигрируют из одного безопасного участка на другой, не терпя никаких бедствий…

[зачеркнуто: Рассказы о] Оба рассказа очень интересны. Они написаны явно под влиянием Г.Альтова, его уникальной в мировой фантастике научно-философской методологии. Это рассказы, в которых автор пытается проследить (или представить себе) ход развития мысли научного таланта. О чисто литературной стороне [зачеркнуто: рассказов] этих произведений много говорить не приходится – в литературном отношении они на приличном среднем уровне. Но их хочется читать и перечитывать. Вдумчивому читателю, заинтересованному не сюжетными перипетиями, а анализом мысли человеческой, такие рассказы просто необходимы.

Я рекомендую эти два рассказа для опубликования в очередном выпуске «Мира приключений».

Странно, несмотря на рекомендацию, рассказы не были опубликованы.

Как объяснили самому автору в «Мире приключений», для них попросту не нашлось места.

Подготавливать к печати первый авторский сборник фантастических рассказов Павлу Амнуэлю помогала редактор Валентина Михайловна Климачева. Книгу было решено назвать

«Крутизна» по одноименному рассказу. Единственное требование к автору – не превышать оговоренных десяти авторских листов. В общем – полное счастье!

Если бы и вправду все было так гладко, стала бы мы об этом писать? В середине 1983 года «Крутизна» уже стояла в издательском плане, и тут нежданно-негаданно пришло письмо от редактора с неожиданной просьбой: «Нет ли у Вас какой-нибудь другой вещи, вместо “Крутизны”, которая могла бы стать главной и дать название книге?»

– «Крутизну» забодал главред, – сокрушалась редактор Валентина Михайловна. – Идея повести, видите ли, не соответствует марксистско-ленинскому материалистическому мировоззрению.

– Может, поменять что-то в тексте, – сделал попытку спасти повесть автор.

– Ничего не получится. Главный сказал: и речи об этом произведении быть не может!

– Пусть тогда вместо «Крутизны» пойдет «Сегодня, завтра и всегда», – вздохнул Амнуэль.

Претензий к данному тексту не было. Приняли, утвердили.

– Второй вопрос, – продолжала неумолимая Валентина Михайловна, – рассказ «Через двадцать миллиардов лет после конца света». Главред говорит, что рассказ с таким названием у нас выйти не может. Какой конец света? Мы же научное издательство! Рассказ надо переименовать. Давайте назовем «Двадцать миллиардов лет спустя». И смысл сохранился, и ассоциаций никаких.

– Кроме как с романом Дюма, – вздохнул Амнуэль. И согласился. А куда денешься?

В следующий раз на ковер к себе его вызвал уже непосредственно главный редактор. В то время Павел Амнуэль как раз находился в очередной командировке в Москве, так что вышло без проволочек.

– В вашем рассказе указаны конкретные марки машин: «вольво», «волга»… И названия улиц: Вторая Парковая в Москве, Баннер-стрит в Вашингтоне… И страна указана – Соединенные Штаты. Этого нельзя.

– Почему? – опешил автор. Почему-то подумалось, что кто-то незримо наложил запрет, а он – Амнуэль – об этом ничего не знает.

– В вашем рассказе конкретно названы США и понятно, что конфронтация происходит с СССР… ситуация чревата международными осложнениями… Вы хотите, чтобы вами заинтересовались соответствующие инстанции?

Разумеется, все названия тут же убрали. А через несколько месяцев книга «Сегодня, завтра и всегда» вышла в свет. На ее обложке среди прочих названий было написано: «20000000000 лет спустя».

– На обложке места не хватило, вот и пришлось… – объяснила редактриса.

«Интересно, нашелся ли читатель, который пересчитывал нули, чтобы определить, идет ли речь о двадцати миллиардах или двухстах миллионах?» – заканчивает свой рассказ Павел Амнуэль.

Впрочем, ему ли обижаться. Рассказ под нечитаемым названием «20000000000 лет спустя» позже был включен в том «Фантастика века», как лучший советский фантастический рассказ восьмидесятых годов. Начинался том (и век) с Герберта Уэллса и заканчивался Павлом Амнуэлем.

Дело было в 1996 году. Раз в неделю писатель Павел Амнуэль приносил в редакцию газеты «Вести» в Иерусалиме по два рассказа – один детективного содержания и один фантастического. И каждую неделю, принимая дискету с материалом, работающий там поэт Борис Камянов упорно задавал один и тот же вопрос (вода камень точит): «Почему бы тебе не вступить в Союз писателей?»

И каждую неделю Павел Амнуэль спрашивал его: «А что я с этого буду иметь?»

– Ну как же, вот понадобится тебе поехать на встречу с читателями, тебе оплатят дорогу, – с готовностью разъяснял Камянов.

Но поскольку никаких встреч с читателями у писателя Амнуэля не было, и он не собирался их проводить, щедрый посул коллеги не затрагивал его сердца.

– А что еще? – тянул волокиту Павел.

– А еще будешь членские взносы платить, – сдавался Борис.

На этом они расставались до следующей недели, и потом все повторялось с точностью до дежавю, пока иерусалимская редакция не закрылась, тогда Павел Амнуэль начал носить свои рассказы в тель-авивскую редакцию. Ничего особенного не изменилось – один раз в неделю по два рассказа на стандартных трехдюймовых дискетах.

Но вот однажды, в 1999 году, писатель в очередной раз пришел в редакцию, где его встретил улыбающийся зам. редактора:

– А ты знаешь, вчера тебя и еще Даниэля Клугера приняли в Союз писателей, – с порога выдал он.

– Каким образом? Я заявление не подавал, – растерялся Амнуэль.

– Собрались и проголосовали, – припечатал собеседник.

Карма.

Не секрет, что прожить исключительно писательским трудом – штука сложная, а для многих – и просто из разряда фантастики. Тем не менее, писательские меньшинства – живущие на гонорары – все-таки существуют в природе, чему автор этой книги пока что является вполне себе живым и не собирающимся вымирать подтверждением. Впрочем, разговор не обо мне.

Начинающий писатель Владимир Софиенко трудился охранником на каком-то малозначимом для нашей истории объекте. Как-то раз заступил Софиенко на пост, а там новый охранник. Познакомились. Новичка звали Олег Растатурин.

– Кроме службы, чем-нибудь еще занимаешься? – спросил Владимира новичок.

– Я пишу, – скромно потупился Софиенко.

– А я рисую, – немедленно ответствовал Растатурин.

– Да не может быть?!

– А чего не может? Я художник.

– Ок, я пишу книгу, а ты оформляешь. – Софиенко протянул руку. – Договорились?

В 2008 году книга Владимира Софиенко «Ожидание в две тысячи лет» вышла тиражом 1 000 экземпляров в оформлении Олега Растатурина.

Самое важное для начинающих художников – делать как можно больше копий с работ известных мастеров. Много раз Ашот Казарян ходил в музей слепков, где иногда дни напролет рисовал и лепил.

Однажды он решил сделать копии с нескольких произведений, хранящихся в подвале Академии Художеств. Знакомый лаборант впустил его на пару часов в подвал, а потом, забыв о своем госте, ушел домой. Дело было в пятницу вечером. Лаборант спокойно отдохнул в выходные и, явившись на работу утром в понедельник, вдруг обнаружил там спокойно работающего Ашота.

Оказалось, что тот не тратил время зря. В полной тишине, не отвлекаемый никем, он спокойно делал свое дело, только время от времени отрываясь от лепки или рисования, для того, чтобы отломить кусочек хлеба от прихваченной с собой буханки или поспать.

На одном из «Бастконов» ночью сидят в номере и тихо беседуют о своем три друга-писателя: Валерий Елманов, Андрей Посняков, Алексей Волков. Открывается дверь, на пороге незнакомый юноша. На конвентах присоединиться к чужой компании – обычное дело. Народ по большей части спокойный, доброжелательный, редко кто выгонит. Парнишка представился эстонским констеблем и до утра все жаловался да плакался, сетуя на то, как его первый конкурсный рассказ злые редакторы забраковали.

Ну, бывало и не такое. Утешали его, уговаривали не злиться и дальше писать: мол, удача такая штука… рано или поздно…

Прощаясь, от всего сердца, подарили каждый по книге. И только тут до парня дошло, что он реально ошибся дверью и все это время общался далеко не с начинающими писателями, вместе с которыми участвовал в конкурсе…

Во время Великой Отечественной войны будущий писатель и переводчик, а тогда четырнадцатилетний подросток Саша Щербаков был отправлен в эвакуацию в город Самарканд. Жить там оказалось не в пример легче, нежели в Ростове-на-Дону, где он родился и жил до войны, но все равно не мирное время…

Одним из самых ходовых товаров того времени в школьной среде были книги. За право хотя бы прочитать книгу могли заплатить даже хлебом. А тут выясняется, что у Сашиного одноклассника есть роман Жюля Верна, который Щербаков еще не читал. Желание заполучить том сделалось почти невыносимым, мальчишка ходил вокруг да около, измышляя способы заполучить желаемое. Напроситься ли в гости с ночевкой и там, притулившись на коммунальной кухне, прочитать за одну ночь? Выменять ли на что-нибудь ценное? Но было ли у него что-то по-настоящему ценное? Наблюдающий за мытарствами одноклассника приятель пуще прежнего охранял сокровище.

Наконец, Щербаков придумал, как осуществить равный обмен.

– У меня есть вторая часть «Аэлиты», – в один прекрасный день заявил он.

– Врешь?! – попытался сразу же обескуражить его приятель.

– Точнее, сама книга осталась дома, но я успел переписать ее от руки. Меняем?

Конечно, книга Жюля Верна была настоящей, в твердом переплете и с ровно напечатанным шрифтом, но только это была уже читанная книга, в то время как о продолжении «Аэлиты» никто слыхом не слыхивал. Да и разве ж это обмен, когда по прочтении книги честно возвращались к своим владельцам?

Вторую часть «Аэлиты» Саня Щербаков написал сам, благоразумно скрыв авторство.

Проглядев несколько страниц рукописи и найдя текст вполне разборчивым, а сюжет увлекательным, приятель передал на несколько дней заветную книгу.

«Исторически это был первый сиквел к «Аэлите», – подытожил рассказ Андрей Балабуха, – второй – «Звезды последний луч» Анатолия Андреева – увидел свет лишь в 1987 году на страницах свердловского журнала «Уральский следопыт». Это первое достижение. А второе – Александр Щербаков в столь раннем возрасте понял, что писательский труд может оказаться и прибыльным…».

Не всегда удается пристроить в издательства свои произведения, еще труднее сделать так, чтобы тебя замечали, издавали, предлагали поработать на заказ. Как сказал по похожему поводу Эрнест Хемингуэй: «Будь я проклят, если напишу роман только для того, чтобы обедать каждый день!».

Тем не менее, если хочешь продержаться подольше в писательских меньшинствах (я имею в виду тех, кто живет на гонорары), необходимо научиться подстраиваться.

Знакомая писательница-фантастка решила подзаработать на популярной литературе для женщин. Серия заказывала книжки по уходу за собой. Кто-то описывал волшебные упражнения, способные сделать из любой коровищи мисс Совершенство, кто-то предлагал, прежде чем начинать сбрасывать вес, научиться принимать себя такими, какие мы есть, третьи специализировались на безобидных и бесполезных масках и кремах, созданных в домашних условиях. В общем, кто во что горазд. Моя знакомая целых три месяца просидела над рукописью крошечной книжечки молодильных мазей, перемежая выдержки из тибетской литературы вырезками из пожелтевших от времени журналов «Работница», и, в конце концов, выдала труд со следующим названием: «Как в пятьдесят выглядеть на все сто».

В подъезде поселился бомж с большим нательным крестом и чашей для подаяния. К просьбам убраться глух, мимо милиции просачивается, угрозы и проклятия с него – как с гуся вода.

Называет себя «Бич Божий».

Во всех смыслах правильное название.

– Я тебя сегодня целый день пытался застать на домашнем. Где бродишь? – Звонит под вечер знакомый.

– Борис Останин в котельную пригласил.

– Сам Останин! Живой классик! Легенда! Что делали? О чем говорили?

– Да так, ни о чем конкретном, шампанское полусладкое пили.

– Шампанское в котельной! – Романтика!!!

– Какая еще романтика? – пытаюсь охладить не в меру раздухарившегося собеседника. – Мы же не вдвоем бутылочку уговорили. Человек пять было.

– А кто?

– Друзья Бориса.

– Он познакомил тебя со своими друзьями?! Ты вошла в элиту! Твоя литературная судьба решена!!!

Господи, какие эмоции! Представляю, что бы с ним приключилось, поведай я, что мы с Останиным еще и детей хотели перезнакомить. Ровесники они. Наверное, от избытка впечатлений крыша бы поехала.

В английском языке карта туза носит название «асе», от старофранцузского слова «as» – «единица». Изначально, так и было, туз стоял на самом незначительном месте, мелочь, как презрительно сказала бы моя дочь. Однако, туз интересен именно тем, что постепенно он из положения ниже некуда сделался главной картой колоды. Игроки в покер или блэк-джек, к примеру, рассказывают, что у них в игре сам игрок волен определять значение туза, будет ли он доминировать в колоде, или довольствоваться последним местом.

Как ни странно, на продвижение единицы – туза вверх, повлияла французская революция, когда туз стал ассоциироваться с человеком, который, родившись никем, может подняться над венценосными особами и диктовать свою волю королям. Приблизительно с того же времени слово «ас» начали применять к людям, достигшим степени мастерства в том или ином роде деятельности.

На очередной выставке на Пушкинской, 10 молодой человек, захлебываясь эмоциями, почти кричит в трубку:

«Представляешь, буквально только что видел живого Ковальского! Правда!»

Я поворачиваюсь к нему, громко шипя прямо в счастливую физиономию:

«Ковальского. Ага. Во плоти».

Очередь из приглашенных писателей-журналистов возле столика толстой администраторши на входе перед очередной

книжной выставкой в «Ленэкспо».

Тетка сверяет фамилию со списком, вытаскивает из прозрачной папки мой бейдж.

– Статус?

– Писатель.

– Писатели бывают разные? Вы, например, что пишите?

– Исторические романы.

– Вот так и запишем: «исторический писатель». Следующий?

– А она еще фантастику сочиняет, – вылезая из-за моей спины, весело вступает в разговор Коля Романецкий.

– Хорошо. – Кивает администраторша и дописывает: «фантастический писатель»!

Первый раз Владимир Софиенко приехал на «Интерпресскон» в 2010 году. Заранее в интернете были вывешены списки участников, так что Владимир мог с гордостью сказать, что знает, наверное, добрую треть прибывших писателей по их произведениям. Только писатели на книжных полках – это одно дело: здесь они все чинно стоят на своих местах, гордо выпятив глянцевые корешки с именами, названиями, а то и гербом издательств. О том, как выглядят, разговаривают и вообще ведут себя писатели, выбравшиеся из своих книг на свободу, молодой автор даже не представлял, и был понятно шокирован: «Здесь все по-другому. Писатели все пьяные, какие-то ирокезы на головах, вместо костюмов и галстуков, лаковой обуви – аляповатые футболки, вытянутые на коленках треники, тапки на босу ногу… Я думал, может, не туда попал. Но должно быть, водка в итоге всех примирила».

Так что, в результате молодой писатель не рассчитал свои силы, умудрившись проспать финальный банкет с традиционной корюшкой.

Редактор Геннадий Белов решил поздравить молодого писателя Александра Мазина с первой книжкой. Как поздравить? Отметить вместе это дело.

– Тебе сколько водки взять? – по-деловому подходит к вопросу Белов.

– Я водку не пью, если хочешь меня угостить, купи коньяк, – останавливает его Мазин.

Гена покупает, потом, с сожалением оглядев с ног до головы Мазина, констатирует: «Ты писателем не станешь».

Гена очень сильно пьян, невменяем. Мазин ловит тачку, запихивает коллегу на заднее сидение, называет адрес,

отсчитывает водителю требуемую сумму, инструктирует: Ты, его у самого подъезда высади, а дальше он уже на автопилоте. Не впервой.

На следующий день Мазин приходит в издательство. Белова нет. Не звонил, дома не появлялся, никто не знает, в чем дело.

Гена явился только в час дня – и сразу к Мазину.

– Знаешь, где я проснулся? В депо киришского железнодорожного узла.

Как попал, откуда – память начисто стерта. Попаданец, в общем.

В издательстве «Астрель» время от времени появляются подарки непонятного происхождения. Вдруг словно из ниоткуда нарисуется бутылка первоклассного французского коньяка с пометкой «для Мазина». Кто принес? Когда? Неизвестно. Коньяк не отравлен. Коллектив опробовал, все живы остались. Никаких последствий. А дальше как в Алисе в переводе Щербакова: «все страньше и страньше…». Ждали, думали, даритель как-то объявится, позвонит, о подарке полюбопытствует, пришелся ли ко двору?

Раз смотрит Александр Мазин, а на столе чашка приметная образовалась. Редкая такая, явно ручной работы и подпись на ней «Мазину с наилучшими пожеланиями». Но что самое удивительное, в чашке той, уже неведомым доброжелателем чай заварен и сахарок размешен. Кто пил из моей чашки? – А в ответ тишина… эхо…

Потом уже Катя Матюшкина призналась, мол, не обратив внимание на именную надпись, налила себе чая, да только это ведь вопроса не снимает, кто принес? Кого благодарить?

Телефонный звонок. Главный редактор издательства «Симпозиум» Александр Кононов берет трубку.

– Алло, это издательство?

– Издательство.

– Вы рукописи принимаете?

– М-м, бывает, что принимаем.

– Тогда мы идем к вам.

Через полчаса приносят рукопись XVIII века. Какая-то бюрократическая переписка прусского короля. Не сама рукопись – ксерокс с нее.

Как на грех, означенный эпизод случился через неделю после известной кражи в Публичной библиотеке, так что Кононов немедленно набрал номер знакомой, работающей в Публичке, уведомив о происшествии.

«Слава богу, это оказалась не та рукопись. Просто люди нуждались в деньгах и искали, кому бы продать хранящиеся в домашнем архиве старинные бумаги, – опережает мой вопрос Александр Клавдиевич. – Но после этого случая на вопрос: «Принимаем ли мы посуду?», я решил, что буду отвечать «да», потому что могут принести мейсенский фарфор».

В издательстве «Астрель» вечный ремонт, то есть где-то наверху, ныне и присно идут строительные работы, отчего потолок над местом, где сидит Александр Мазин весь в трещинах, даже штукатурка осыпаться чуть-чуть стала. Но пока что на голову ни крошки не свалилось, словно снизу побелку какая-то сила поддерживает.

Впрочем, Мазин о силе этой не распространяется.

Когда из Белокаменной приезжают высокие руководители, их словно магнитом тянет непременно занять Мазинское кресло. Тогда сам Александр скромно устраивается поодаль и, нежно улыбаясь очередному захватчику, начинает выжидающе смотреть на держащийся на честном слове потолок…

– Переходить улицу в недозволенном месте, разводить костры в центральном парке отдыха, жить, не платя налогов, без прописки, при этом являясь крупным издателем? Для русского человека не существует законов, которые он не сумел бы обойти, – рассказывает неведомо для чего подкравшийся к включенному диктофону во время интервью Бич Божий. – Кроме одного! – Он поднимает вверх грязный палец в перчатке с обрезанными пальцами. – Пустую бутылку вон со стола!!!

Однажды встретились по своим издательским делам Таня Громова и Андрей Андреевич Морозов. Были какие-то совместные неотложные дела, но Андрей Андреевич тут же извинился перед Татьяной: мол, нужно еще по дороге к одному хорошему человеку забежать – к Марии Федоровне Берггольц, сестре легендарной Ольги Берггольц. Буквально на пару минут – тортик передать; он-де над старушкой добровольное шефство взял и обязан время от времени внимание оказывать. Андрей Андреевич галантно распахнул перед своей спутницей тяжелую дверь подъезда, приглашая подняться.

О Марии Федоровне, Татьяна, разумеется, слышала и была рада возможности познакомиться с актрисой и литератором, хотя бы опосредованно прикоснуться через нее к Ольге, но Андрей Андреевич так же вежливо, как и пригласил зайти в дом, попросил спутницу подождать на лестнице, около окошечка

поскучать минуту, две, максимум пять. Надо же понимать – пожилой человек, живет одна, а тут вдруг нежданно-негаданно гости, да еще и совершенно незнакомые люди. Неудобно. Вот в другой раз, когда он заведомо упредит о визите… тогда и…

Говоря это, Андрей Андреевич поднимался все выше и выше по ступенькам, как бы возносясь над не подозревавшей подвоха Татьяной, пока не оказался возле двери в квартиру. Бросив на Громову ободряющий взгляд, он позвонил и немедленно исчез за дверью.

Присела Таня на каменный широкий подоконник и ждет. В окно посмотрела, от скуки ступеньки посчитала. Нет Морозова. Десять минут прошло, пятнадцать, двадцать. На улице начался и закончился дождик.

Татьяна злится, рабочий день на несколько встреч разбит, одна за другой, как остановки в метро. На первую опоздала, значит, и на все последующие. Мобильников еще не было. Отойти, поискать телефонные будки? А где их здесь искать?!

Час прошел. Соседи на незнакомую женщину неодобрительно таращатся, только что не гонят и милицию покуда не вызывают. Пока не вызывают. В квартиру звонить неудобно – к чему пожилого человека беспокоить? И не уйти… И главное, так вдруг себя любимую жалко стало. Ведь и людей подвела, и дома дел выше головы, и устала.

Прошло полтора часа. Танечка уже в голос рыдает, крупные слезы сами собой по щекам катятся, только что в жемчужины почему-то не обращаются. Обидно!

А он – коварный Морозов – сидит у Марии Федоровны ест тортик, запивает черным, отменно заваренным чаем, болтает, соловьем разливается. То ли забыл Татьяну, то ли говорить ему неудобно пожилой женщине, что, мол, кто-то еще напрашивается в гости.

Но все на этой земле не вечно, минутка за минуткой, как бусинки на нитку, сложились в два часа, распахнулась заветная дверка, и Мария Федоровна вышла провожать своего гостя на лестницу. Тут-то она и обнаружила зареванную Татьяну, а узнав, что все это время Андрей Андреевич продержал несчастную на лестнице, осерчала, отругав склерозного кавалера.

Больше уже никуда не нужно было спешить, в теплой кухне, они доедали тортик все вместе, радуясь знакомству, которое вскоре переросло в настоящую дружбу.

– Она показывала Ольгины дневники, составляла книги, собирала отклики от разных людей, – вспоминает Татьяна. – Она

полностью посвящала себя увековечиванию памяти Ольги Берггольц. – Если бы не Мария Федоровна, то и Ольги не было бы не только как поэтессы, но и как человека. Потому что Мария Федоровна реально два раза спасала Ольге жизнь. В тридцать девятом году вытащила сестру из тюрьмы (поэтесса сидела по доносу). И во второй раз в сорок втором, когда организовала машину с продуктами для радиокомитета и сама ее сопровождала по Дороге жизни.

Судьбу Ольги Берггольц ни за что нельзя было назвать легкой. Ее первенца умерла в возрасте шести лет – осложнение на сердце после ангины, вторая дочка не дожила до года, а в тюрьме на допросах у нее выбили третьего ребенка. После чего она многократно пыталась завести детей, но ничего не получалось.

Если бы не Мария Федоровна, Ольгу забили бы тогда в тюрьме до смерти. Но в молодости Мария Берггольц была настоящей красавицей! Вот она и пошла на поклон к следователю Гаглидзе, я даже фамилию запомнила, – говорит Татьяна. – Уж я не знаю, о чем они разговаривали, и чем она откупилась, но Ольгу выпустили.

После смерти Ольги Берггольц, Мария Федоровна весь остаток своей жизни издавала Ольгины книги, бесконечно составляя сборники и подготавливая предисловия к ним, много выступала на радио, писала. О себе ничего. Ольга, Ольга, Ольга…

Сама жила в нищенских условиях, в не ремонтированной десятилетиями квартире, в которой даже горячая вода была проблемой. В свои восемьдесят девять лет спала на плохеньком матрасике на полу. Правда, лежа на своем утлом ложе, она на зависть гостям демонстрировала, как в молодости делала мостик.

Позвонил Саше Смиру знакомый:

«На складе лежит новый трехтомник Ольги Берггольц. Ленинградское отделение издательства “Художественная литература”, полное собрание сочинений, твердый переплет, классическое оформление, никогда не попадет в продажу – сестра заявила протест, и весь тираж 50 000 экз, а если на три тома помножить то и все 150 000, идет на уничтожение. В общем, расклад такой – с тебя ящик пива, и три-четыре комплекта, ну, в общем, сколько унесешь – твои.

Смир выгреб из карманов все что было, денег хватило, и, затарившись пивом, помчался по указанному адресу.

Несколько экземпляров книги были спасены!

А ночью на склад созвали студентов, которые отрывали

великолепные переплеты, упаковывая раздетые, точно золушки в полночь, книги и отправляя их не читанными, не листанными в макулатуру.

Однажды Мария Федоровна зазвала Татьяну пойти вместе с ней в Дом книги. Нужно было купить пару Ольгиных книг, вышедших незадолго до того. Она уже плохо видела, жаловалась на самочувствие и откуда-то взявшуюся последние недели слабость. Тоненькая, белая, точно одуванчик. Она поднялась на третий этаж Дома книги, нужно было пообщаться с менеджерами. Потом, когда они с Громовой спустились на первый этаж, Мария Федоровна вдруг сначала присела, а потом легла на мраморный пол, вытянувшись и застыв.

Татьяна побежала к продавцам, вызвали скорую. Оказывающий Марии Федоровне первую помощь врач, вместо лекарств попросил дать ей стакан сладкого чая. Диагноз – голодный обморок.

«Это мы так книги покупали», – пронеслось в голове Татьяны Громовой, когда они с Марией Федоровной выходили на Невский. «А пока, а пока, будем кушать облака»[10].

Военно-морской врач, кавторанг, на склоне лет подался в молодые поэты. Что же, бывает, особенно в морском городе. Говоря образно, морской волк превратился в литературного ягненка. Походил на литературные вечера, посидел на поэтических секциях, словом – набрался кой-какого опыта и вознамерился создать дебютную книжку стихов. Только военные люди – порода своеобразная, со своими понятиями о крутости и твердым знанием табелей о рангах.

Словом, понимал кавторанг, что молодой поэт шестидесяти пяти лет от роду, может, конечно, издать первую книгу своих стихов, – имеет право, тем более, что на свои кровные, но только предисловие к оному труду обязательно должен написать кто-то из мэтров. Выбор пал на Марию Федоровну Берггольц, которую по своей военной привычке кавторанг причислил, по меньшей мере, к вице-адмиралам.

С Марией Федоровной и договориться казалось проще, нежели с такими светилами, как Кривулин или Уфлянд; молодой поэт частенько заходил к старушке чайку попить, да о высокой поэзии потрындеть.

Там же на кухоньке за рюмкой чая и сговорились. Таня Громова обещала вычитать и по необходимости отредактировать сборник, а Мария Федоровна написать предисловие на страничку.

Сказано-сделано – поэт пошел готовить подборку и вскоре

действительно предоставил ее Громовой вместе с предисловием. Приняла заветную папочку с завязками Таня, малость подправила вирши кавторанга, немного удивившись предисловию. Вот уж не ожидала, что Мария Федоровна такой странный стиль изберет: для морского человека и пишет по-морскому. Вот ведь артистка какая!

Посмеялась Таня, да и отправила готовую рукопись на макет, а затем и в типографию. И о том не знала, не ведала, что надул ее молодой поэт, сам предисловие к своей книге накарябал и именем Марии Федоровны для солидности прикрылся. При этом проделал сие из самых светлых побуждений, полагая, что трудно будет пожилой женщине (Марии Федоровне в то время уже восемьдесят пять стукнуло) весь сборник прочитать, да еще и над открывающим книгу славословием трудиться. Кроме того опасался, вдруг старушка не напишет, как ему того желается, а то и обругает во первых же строках. С нее станется.

Долго ли, коротко ли печатали книгу в типографии, про то нам не ведомо. Перед великим праздником Девятое мая созвонилась Громова с поэтом и договорились забрать пачки из типографии, да и отметить это дело у Марии Федоровны. Радостное событие решили совместить с Днем Победы, тем более что сам кавторанг принимал участие в ежегодном шествии ветеранов по Невскому. После парада молодой поэт нашел Таню. Веселые и радостные, они направились через Дворцовый и Биржевой мосты в гости к Марии Федоровне. Ярко светило весеннее солнышко, на груди морского волка дивно позвякивали медали, трепетали на ветру флаги. Настроение было самое замечательное.

Пришли, сели, налили, выпили, после чего молодой поэт извлек из сумки книжку и преподнес подарок своей духовной патронессе.

Что тут началось!

Посуда дрожала и билась, взбешенная Мария Федоровна с видом разбуженной фурии летала по крохотной кухоньке, сокрушая преграды и безжалостно громя собственное жилище. Испуганная Таня забилась в углу, не смея ни заступиться за своего знакомого, ни возразить. Если бы Мария Федоровна обучала какого-нибудь боцмана Балтийского флота, так он за месяц стал бы лучшим боцманом мира. Танино знание родного языка с головокружительной скоростью обогащалось новыми словами и оборотами речи, кавторанг сидел по стойке смирно, стоял по стойке смирно, еще немного, возможно просто лег бы по той же стойке, вытянулся и помер, не меняя позу.

В конце концов, отбушевав, Мария Федоровна приняла

истинно офицерский выход из положения:

– Так и быть, трибунал на сей раз отменяется, – устало изрекла Берггольц, после чего дотошно посчитала количество строчек в предисловии, коих оказалось ровно сорок семь, и велела молодому поэту нести сорокасемидневную вахту в ее личном туалете. А чтобы не терять времени, первая же вахта начинается немедленно. Так что, скинув мундир с орденами и медалями, старый морской волк отправился на пост и после являлся к Марии Федоровне все установленное высоким судом время, пока после 47 дней ударной работы она его милостиво не простила.

Когда началась Вторая Мировая война, Марине Цветаевой пришлось отправиться в эвакуацию в город Елабуга в Татарстане. Собирал ее в дорогу и упаковывал вещи поэт Борис Пастернак. С собой разрешалось взять только самые необходимые вещи, кто бы стал возиться со множеством коробок и чемоданов? Поэтому чемодан Марине Ивановне подобрали огромный, чтобы все вошло. А для верности Пастернак еще и перевязал его сверху специально принесенной для этого дела веревкой.

«Веревка все выдержит, хоть вешайся», – нескладно пошутил он, провожая Марину. Впоследствии ему сообщили, что именно на этой веревке Цветаева и повесилась.

Питер, вечер, сумерки. Одинокий рыбак с удочкой на Дворцовой набережной.

– Что ловите?

– А?

С таким лицом стихи писать, картины.

– Я говорю, какая тут может быть рыба? Экология, мегаполис, машины повсюду, вредные отходы. Что вы тут ловите?

– Вы хотите спросить, что я ловлю здесь? Что я ловлю в Питере? В Питере?!!

Задумалась. А ведь, правда, что все ловят в Питере? Ловят, обманываясь ускользающими призраками и тенями прошлого, ловят сквозь золотистый туман хрупкую мечту, надежду на что-то нереально прекрасное, на связь с потусторонним, на мечту хотя бы одним глазом… Чего только не ловят в Питере?

Написал Юрий Пейсахович книгу о Чернобыле «Испытание Чернобылем». Тридцать страничек всего, но материала самого что ни на есть правдивого. Он ведь сам там был с января по апрель 1987 года, насмотрелся, а позже еще разобраться пытался, материал собирал. Только в то время издать такое было

невозможно, вот рукопись и пролежала до 1996 года, когда появилось множество частных издательств, и стало можно опубликоваться за свой счет или с привлечением спонсоров. Книжка вышла тиражом 135000 экземпляров и полностью ушла на запад, так что автору пришлось спешно дозаказывать себе еще штук пятьдесят, дабы вообще с пустыми руками не оказаться. В Чернобыль послал, друзьям отправил, порадовался да и успокоился. Не тут-то было. Вдруг нежданно-негаданно вызывают его в Кремль к самому Борису Николаевичу.

Пейсахович – человек военный, приказали – прибыл. Заходит в кабинет, на столе его брошюрка. Много тогда хорошего услышал он в свой адрес, а после наградил его президент медалью Маршала Жукова. Подивился Юрий Иосифович: не бывает такого – чтобы боевую награду за книжку давали. Но, начальству виднее.

Меж тем, о награде прослышал президент Украины Леонид Данилович Кучма. Что такое, за книжку о Чернобыле Ельцин медали выдает?! Непорядок. Вызывает к себе Пейсаховича и тоже награждает его, и опять медалью Жукова. Вот так, говорят, снаряд два раза в одну лунку не попадает. А тут боевая награда два раза за одну и ту же книгу в промежутке полгода!

Весна, праздник Победы. Пейсахович идет на парад, повесив рядом две медали Маршала Жукова.

Его тут же останавливает знакомый. «Что такое? Нельзя сразу две медали Жукова иметь, не говоря уже о том, чтобы носить! Откуда такое?!». Пейсахович документы на награды предъявил и историю эту рассказал.

Как-то раз один издатель украл у Александра Лидина список переводчиков и сам начал их обзванивать, так что Александр вроде как не при делах оказался. Лидин это дело не одобрил и обиду затаил.

Прошло сколько-то времени. И вот однажды, поехал Лидин с друзьями за город, и так получилось, что путь их пролегал аккурат мимо добротного деревянного дома его обидчика.

Подъехали, на душе сразу же погано сделалось. Захотелось повеселиться. А рядом, точно специально рабочие асфальт кладут. Заехали в местный лабаз, купили две бутылки водки «Черная смерть» и вручили их рабочим.

А через полчаса к недруговому дому важно подъехал каток, сминая грядки. И тут же рабочие в оранжевых безрукавках и касках принялись асфальт лопатами раскидывать, да флажки в клумбы втыкать, территорию, стало быть, огораживая.

Выскочила жена издателя, вылетел он сам.

– Что такое? Кто позволил?

А бригадир им спокойно так и отвечает: здесь, дескать, пройдет государственная трасса, вас переселят в муниципальное жилье. Так что не извольте беспокоиться, все по плану.

Издатель потом с неделю бегал по Смольному выясняя, какая-такая трасса прёт через его личный огород.

Будучи еще студентами Военмеха, Лидин & К° раздобыли бланки журнала «Нева». Решили разыграть нынешнего директора издательства «Северо-Запад», а тогда еще молодого писателя Петрушкина, прислав ему письмо следующего содержания:

«Дорогой Игорь Евгеньевич!

Ваши рассказы гениальны, приходите, мы готовы подписать с Вами договор».

А потом сидели в садике у издательства и ждали, когда злой Петрушкин выкатится оттуда, оглашая окрестности отборнейшей бранью.

«Я троечник, – рассказывает Евгений Константинов, – написал два приличных рассказа “Живцы” и “Рыбаки ловили рыбу”. Тем не менее, Владимир Викторович Орлов – автор книги «Альтист Данилов» и руководитель нашего ЛИТО – отобрал меня кандидатом для поступления в Литературный институт им Горького».

А что, Орлов дело знает, послал – иди. Вот Женя и пошел, подал заявление и начал сдавать экзамены. Почти все на четверки сдал, то есть, сделал невозможное. Но для поступления все равно мало – пятерки нужны. А где их взять? Но Константинов не отступает: кто заранее скажет, как дело повернется? Кого кривая этой жизни только ни выносила, глядишь, и ему повезет. Хотя вряд ли, школьная программа давно и надежно забыта, он уже и в армии отслужить успел, и жениться, и детей двое, и на гражданке пятнадцать лет не учебники штудировал.

Литературу принимал профессор Евгений Николаевич Лебедев. Вальяжно откинувшись на спинку стула, мэтр курил, свысока взирая на держащих экзамен абитуриентов. В билете Константинова первым вопросом значился образ Татьяны в поэме «Евгений Онегин» и вторым – лирика Маяковского.

В голове абитуриента Константинова туман, плотный, густой – хоть ложкой ешь. Как-то раз на рыбалке попал он в туман-туманище: проснулся, глядь-поглядь, а кругом серое нечто и запах – то ли из самого сладкого детского сна, то ли искусственного льда, что возили в незапамятные времена в своих холодильниках мороженщики. И не видно ничегошеньки. Вода вроде вокруг тихо плещется, да только не видно воды. Рукой борт лодки прощупывается, а самой лодки почти не видно. Караул! Не иначе, пока дрых пьяный, в бессознательном состоянии из вчера в сегодня сквозь время пропутешествовал.

И вот сейчас, «Онегин» вспоминается как-то неотчетливо: вроде дуэль была, дядя самых честных правил, а зачем их править, честных-то? Татьяна с ее несвоевременными признаниями. Затупка.

– Ладно, нетерпеливо отмахивается профессор, по первому вопросу скажите только, была права Татьяна или нет?

Константинов набирает в легкие воздуха. И – пальцем в небо:

– Права. Татьяна была права!

– Черт с ним, давайте второй вопрос. Лирика Маяковского.

У Евгения новый туман, только если «Онегин» был в густом, плотном киселе, тут уже не туман, а клочки облаков, сквозь которые навязчивым мотивом:

«По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица».

А дальше хоть плачь.

– Ну же, – торопит Лебедев.

И вдруг Женя вспоминает, единственное стихотворение Маяковского, которое он действительно заучил наизусть и одно время, что ни случай, с удовольствием читал. Хоть ты его ночью разбуди, хоть днем:

– «Вошел к парикмахеру, сказал – спокойный:
“Будьте добры, причешите мне уши”.
Гладкий парикмахер сразу стал хвойный,
лицо вытянулось, как у груши».

– «Приглаженный», – морщится Евгений Николаевич.

– «Гладкий», – не моргнув глазом, отвергает замечание Константинов.

– «Приглаженный!»

Абитуриент пыхтит и продолжает:

– «Сумасшедший!
Рыжий! —
запрыгали слова.
Ругань металась от писка до писка,
и до-о-о-о-лго
хихикала чья-то голова,
выдергиваясь из толпы, как старая редиска».

Лебедев: «Спелая»!

Константинов: «Старая!»

Лебедев: Говорю же: «Спелая!»

Константинов: Точно помню – «Старая»!

Лебедев: Ну, давай поспорим, что «Спелая».

Константинов: Давай.

Лебедев: Хорошо, на бутылку.

Константинов: Без проблем.

Кто-то из готовящихся тут же ребят разбивает руки спорящих. Лебедев берет зачетку, ставит четыре.

Лебедев: Иди в библиотеку, бери Маяковского и возвращайся, а заодно по дороге и бутылку купи. Следующий!

Выходит Константинов, а у дверей его уже ребята встречают: Что? Да как? Сдал? Не сдал?

Константинов (ошарашенно): Да вот, с Лебедевым на бутылку

поспорил.

– С Лебедевым! Ну ты крут.

Константинов: и что теперь делать?

– Беги в библиотеку, хватай Маяковского, просто ради прикола.

Побежал, взял, открывает – его правда! Два раза прав!

Снова к ребятам: что делать?

– Иди к Лебедеву.

Пошел, постучался, правой рукой ручку повернул, а левой открытую в нужном месте книгу держит, голову просунул, с Лебедевым взглядом встретился.

– Можно?

– А, спорщик, – лицо профессора расплылось в довольной улыбке. – Принес?

Константинов молча раскрывает книгу.

На несколько секунд Лебедев склоняется над Маяковским, а потом вдруг резко хлопает себя по коленке: «Бутылку проспорил!»

Всем своим гостям писатель Джек Лондон предлагал сыграть в карты. Ставка 25 центов. В случае проигрыша гостя, чтобы тот не обижался, писатель проставлялся из собственного бара. Когда же проигрывал он сам, Джек выплачивал проигрыш, после чего удалялся в свой кабинет, где некоторое время работал.

Штука в том, что Джеку Лондону платили построчно, и, дописывая несколько строк, он твердо знал, что компенсировал проигрыш.

А я тут вот что подумала. А не буду я в эту книгу вставлять каких-либо сквозных персонажей. Придумывай, не придумывай, а реальных персонажей все равно не расставишь по ранжиру, не причешешь, не объяснишь: сиди, мол, уважаемый в своем разделе. То есть, ты, возможно, и объяснишь, и даже несколько раз. А он, персонаж – прыг со страницы, и в гости к другим персонажам. А там уже накрытая поляна, крики, шум, веселье. Персонажи-то у меня себе на уме. И пока я их пишу, они пишут кого-то другого, других и те, тоже волею пославших их, оказываются в моем произведении, где устанавливают собственные законы.

Написала знакомую писательницу в красном, а она это дело перечеркнула с комментарием: мол, красный ей не идет. Хозяин – барин, переодела ее в зеленое платье под цвет глаз. Хорошо? – спрашиваю.

– Да! – радуется она, и смайлики только что из аськи да на мой рабочий стол не перескакивают. А через неделю: Юль, верни

красное, плиз, зеленое не в моде!

Ну что ты с ними будешь делать!

Другая в ответ на просьбу прислать свою фотографию, шлет альбом, где она то со знаменитым сценаристом, то с режиссером, то в компании сразу двух соавторов-писателей. Я обрадовалась, только как помещать в книгу людей, к ней не относящихся? Нашла контакты, списалась, сделала интервью. В общем, кучу времени потратила. А писательница все новые фотки шлет: то она с Шекспиром, то с Индирой Ганди, а то и с Че Геварой. Фотошоп, зараза, осваивала, а я и купилась.

Пришлось все сомнительные фотки выбрасывать и просить своих мастеров, чтобы извлекли даму из объятий очередного Кинг Конга. Так что будет она у меня теперь в гордом одиночестве на фотографической вставке присутствовать. Страшная-страшная месть.

В этом мире все непросто, ничего нельзя понимать буквально. Вот синоптики, например, вчерась обещали: завтра будет ясно. А на деле – все еще более запутано.

Вышел сборник «Пиастры». Договариваюсь с местными авторами, встречаемся, передаю заранее оговоренные экземпляры, брат на почту бандероли носит. Нормально.

Звонит авторесса, назначает встречу на моей станции метро на остановке автобуса, который из магазина «Икеа» идет. Мы друг друга не знаем, уговорились: у меня в руках книга, у нее лыжи.

Июнь! По такой примете ее не только я, а любой психиатр в два счета вычислит.

Пришла, жду, останавливается яркий автобус, а оттуда – толпа с лыжами…

Это что, я как то из финской однодневки возвращалась – почти полный автобус теток бальзаковского возраста и у каждой по розовой гламурной метле. То ли знаменитая гора Блоксберг[11] в тот день переползла в Питер, то ли погода нелетная.

Вот так истории одна за другую цепляются, друг из дружки выскакивают, прорастают, покрываясь зелеными листочками. Легкие, живучие…

Пойдут посолонь и противосолонь, гуськом, рядком, вприпрыжку, в темпе вальса, одна за другой перебивая, суетясь, поддерживая тему. Так и структура этой непростой для меня книжки складывается, не отделенными друг от друга рассказиками, а единым потоком, так как эти самые байки друг другу рассказывают в вагоне поезда, за общим столом, в

кулуарах; одну за другой, а иногда на два, три голоса разом.

Еще с одной начинающейся писательницей встречаюсь, как обычно около метро. Я ее не знаю, первая публикация у человека, откуда знать, зато она обещалась меня по юзерпику в ЖЖ опознать. И на том спасибо!

Встретились, я ей авторский экземпляр, она мне спасибо-спасибо… и шоколадку сует. Приятно.

Смотрю на нее, человек без возраста (хотя, нет, есть у тебя возраст, заранее анкету проглядела, с 72-го года она, как мой брат), кожа, словно старая сухая-пресухая бумага желтая, местами серая, платок на голове, ни волосинки наружу, руки, тело все ходуном ходит – больная.

– Спасибо! Надо же, всю жизнь мечтала и вот под конец в одном сборнике с такими людьми! Олди! Я же все их книги прочла. Павел Молитвин – еще со времен продолжения их с Семеновой «Волкодава». Вячеслав Бутусов…

А напоследок…

– Какой напоследок?! – И тут я тоже заговорила и не в очередь, а одновременно, о том, какие презентации и где планируются, и как мне необходимо, чтобы именно она участвовала (вот еще необходима!!!), что на радио надо сборник представить и на телевидение неплохо было бы. Она мне про «напоследок», а я ей про новые проекты. И вот что странно, ведь вижу, что человек надрывается, мне свое объяснить пытаясь, а я, не слушая, ей поперек свое твержу. При этом ни она, ни я остановиться не можем. И по нарастающей, все громче и громче, так что народ на нас оглядываться стал. Потом словно щелкнуло что-то. Она первая замолчала, тяжело выдохнула, показалось даже, будто еле заметный румянец на серых щеках промелькнул.

Распрощались. Взглядом проводила, чувствую, устала смертельно. Ну буквально, шага ступить не могу. Тут же на скамеечку села, отдышалась да и такси себе вызвала. Хорошенького понемножку.

Проходит неделя – первая презентация, появляется наша героиня. В зал вошла, на сидение тяжело опустилась, видно, тяжело ей дорога далась, но выдержала как-то, выступать отказалась, ну и бог с ней. Вторая презентация: сама попросилась на сцену пару стихов прочитать. На новый проект тексты заслала, потом еще на каком-то вечере случайно пересеклись. Уже без платка, вроде как даже волосики кое-какие отрастать начали. Да и вид посвежее.

Я после той встречи в метро в журнале ее подруги прочла: мол, для того, чтобы получить свои авторский экземпляр, наша

авторица чуть ли не из хосписа ко мне на встречу пожаловала.

Ну, не из хосписа, это она, конечно, загнула, но после химии точно.

Недавно встречались. Говорит, авторский сборник готовит и в газетке какой-то маленькой колонку литературную вести дали. В общем, жива, здорова, и нам того же желает.

Надеваю пальто в прихожей, мама останавливается напротив комнаты брата, принюхивается.

– Тебе не кажется, что дым сладковатый? Неужели анаша?!

В передней запах моего французского парфюма перемешивается с дымом сигарет.

– Да нет, – уверенно диагностирую я. – Это любимый. На прошлой неделе мне «Опиум» из Парижа привез.

Мама замолкает, должно быть прикидывая про себя, что опиум априори опаснее анаши и что ситуация более серьезная, чем она могла это себе вообразить.

Плотно сидя в тексте об очередном крестовом походе, вдруг обнаруживаю, что кончились глазные капли «альбуцид», а они мне нужны. Что делать? Кидаю брату sms, но вместо слова «альбуцид» пальцы сами выстукивают «Иерусалим»: «Возьми Иерусалим».

Брат отвечает: «угу» и пропадает.

Не иначе как пошел выполнять. С него станется.

Ольга Виор по знаку Зодиака Скорпион и этим гордится! И в украшениях у нее скорпионы, и дома изображения её кусачего покровителя наличествуют. В моменты же обострения скорпиономании…

Как-то решила Виор сделать сборник, в котором будут участвовать исключительно авторы-скорпионы: Татьяна Громова, Галина Ильина, Наталия Пономаренко, Надежда Щеголькова, ну и, естественно, сама Ольга Виор. Без нее-то как?

Выпустили книгу, все честь по чести, и о презентации задумались. А для презентации что главное?

И вовсе не выпивка!

Желая поразить всех вокруг, Ольга заказала себе через интернет шелковую шаль со скорпионами. Стоило это удовольствие недешево – 2500 рублей, ну да не отступать же. Списалась с художницей Еленой Кузнецовой, одобрила эскизы, а когда шаль была готова, договорились о встрече.

– Я только сегодня догадалась посмотреть вашу страничку «ВКонтакте», – запинаясь от волнения, произнесла художница. –

Оказывается, вы автор моей любимой песни «Не обернусь уходя»! Понимаете, когда Аллегрова первый раз исполнила эту песню, я тогда только-только рассталась со своим мужем и слушала ее почти беспрерывно. Только благодаря ей, наверное, и смогла пережить этот черный период. – Она вздохнула, и, вынув из пакета и развернув перед не ожидавшей таких откровений поэтессой восхитительную оранжевую шаль со скорпионами, протянула ее Ольге. – Возьмите, пожалуйста, как подарок! Не знаю, где была бы я, если бы не ваша песня.

Одни родители прячут от детей книги, мол, рано еще, не так поймет, другие считают, что хорошо написанная книга, каких бы тем она ни касалась, не может нанести вреда. Сергей Дяченко читал маленькой дочке Стаске их с Мариной роман «Ритуал», и девочка все поняла, сочувствуя дракону и принцессе.

В гости в семью маленького Жана-Поля Сартра время от времени заходила госпожа Бланш Пикар, которая много говорила о литературе и в частности о нашумевшем романе «Госпожа Бовари». Рекламируя разного рода литературные новинки, госпожа Пикар настаивала на том, что ребенку настоящая литература – неважно, присутствуют в ней нравственные персонажи, или нет, – пойдет только на пользу. Когда же в ее присутствии Жан-Поль попросил дать ему почитать эту самую «Госпожу Бовари», «…мать преувеличенно мелодичным голосом ответила: “Радость моя, но, если ты прочитаешь такие книги сейчас, что ты станешь делать, когда вырастешь большой?” – “Я их буду жить”, – ответил будущий писатель».

– Как известно, писатель Виктор Пелевин нигде не бывает, и широкий круг читателей его не знает в лицо, поэтому в писательском сообществе зародилась традиция: все выбитые стекла и разбитые цветочные горшки, пьянки, мордобития, etc. автоматически списывались на Пелевина. Короче, он был виновником абсолютно всего, – рассказывает Дмитрий Быков. – Когда же неудовлетворенная такими объяснениями обиженная сторона восклицала: «Какой Пелевин?! Кто видел Пелевина?!» – писатели-фантасты тут же выдвинули версию: творчество Пелевина – киберфантастика, отсюда, Виктор Пелевин – киберфантаст, то есть, автор которого не видно, но, тем не менее, который реально существует.

У Дианы Коденко толпа гостей, музыка, анекдоты, веселье. В разгар праздника пьяный Геннадий Жуков засыпает на полу.

В комнату входит мама Дианы. Вопросительный взгляд в

сторону распростертого тела.

Диана: Это Геннадий Жуков, известный поэт, лауреат многих премий.

Мама (внимательно разглядывая представляемого ей гостя): Может мелом обвести, нам на память останется.

В интернете полно разнообразных конкурсов, количество которых особенно увеличивается весной и осенью, в период обострения психических расстройств.

При этом, почти что на все конкурсы требуются оригинальные, не опубликованные ни на бумаге, ни в сети, произведения. Но ведь невозможно каждый раз писать что-то новое, поэтому невольно начинаешь хитрить, выискивая удобную лазейку и гримируя давно созданный текст, дабы он хоть сколько-нибудь соответствовал условиям.

Художник Анатолий Кудрявцев упорно мониторил художественные конкурсы. Верный Яндекс в который раз выдавал старый список ссылок. И вдруг – «Конкурс башен»!

Толя скопировал адрес, быстро набрал письмо и, выбрав самую любимую из своих башен, прикрепил файл к письму. Всё.

Отправив работу, Анатолий занялся подготовкой к очередной выставке, так что на мониторинг времени не оставалось. Поэтому через месяц, когда он снова начал обыскивать всемирную паутину в надежде обнаружить что-нибудь интересное для себя и на экране появился конкурс посвященный теме «Творец», он ахнул. Тема что надо, но сроки! Из-за выставки он упустил время, так что для написания великой картины ему оставались даже не дни, а часы!

Конкурс заканчивался в час влюбленных 00.00 – на часах было 22.00. На создание шедевра 2 часа!

Откинувшись в кресле, Толя напряженно думал. Безусловно, очень часто художникам везет, несколько правильно нанесенных мазков и…

Сегодня все было по-другому… Творец – это не беззаботный гений искусства, не волшебник, по одному мановению палочки которого рождаются миры, вспыхивают звезды и пляшут горы. Нет, для него творчество – тяжкий сизифов труд. Труд, сравнимый с работой пахаря или каменщика.

При этом труд, который не обязательно отыщет своего зрителя, за который, возможно, никогда не получится разжиться гонораром. Да, Сизиф – лучший образ человека, труд которого может быть напрасным, но от этого не менее выматывающим.

Сизиф тащил камень в гору. Анатолий видел бесконечные лестницы. Лестницы, ведущие к кабинетам бюрократов, лестницы

– лабиринты ада, лестницы на небо.

Художник достал рисунок своей башни, и – за полчаса до дедлайна – она уехала переделанной. Теперь по бесконечным лестницам старой башни, крошечный человечек толкал перед собой шар.

Прошло еще сколько-то дней. Занятый своими делами, Толя позабыл мониторить интернет, а когда в очередной раз набрал в поисковике заветную фразу, обнаружил, что вот-вот закончится еще один призовой конкурс. На этот раз темой соревнования был избран Наполеон Бонапарт. Недолго думая, художник извлек на свет божий свой многострадальный рисунок и, пририсовав Сизифу узнаваемую треуголку, отправил работу.

Скульптор Сергей Алипов лепил голову поэта Давида Самойлова. И, как водится, показал работу перед отливкой. Давид Самуилович внимательно пригляделся к своему изображению.

– М-да… – У поэта Самойлова были огромные очки, без которых его пластилиновый двойник, смотрелся, мягко говоря, неубедительно. – Сережа, я, пожалуй, напишу про вас поэму. – Он на мгновение задумался. – Только без бороды.

Поняв свою оплошность, Сергей сделал очки из стекла, которые и водрузил на нос произведению искусства.

Самойлов остался вполне доволен. Покидая мастерскую, он сочинил стих:

На этой картине
Я в пластилине.

Когда же голова Самойлова была отлита в бронзе, Давид Самуилович пришел в восторг от увиденного, прокомментировав это дело следующим образом:

Зачем лепить каких-то типов, —
Лепи меня, Сергей Алипов!

В своих воспоминаниях Н. Федотов рассказывает о годах, проведенных в детской художественной школе, где вместе с ним учился Сергей Алипов, а преподавал Николай Алексеевич Буранов.

Однажды на занятии Николай Алексеевич, желая дать ученикам пример усердной работы, изрек: «Я, ребята, профессиональный художник, а потому работаю я без выходных: изо дня в день по шесть часов – пишу или рисую!», на что стоящий рядом со скрещенными на груди руками четырнадцатилетний Сережа пробормотал себе под нос:

«Настоящий художник или работает двенадцать часов в день, или двенадцать часов пьет!»

Сергей Алипов лепил в своей жизни и Соснору, и Мозгового, и Городницкого, и Есенина, и Бабеля… в общем, много кого лепил.

Когда в ПЕН-клубе у него проходила выставка, открывал ее Виктор Кривулин.

Многие из присутствующих в зале литераторов узнавали себя в экспонатах, подходили, разглядывали, здоровались, как со старыми друзьями. Наконец кто-то изрек: «Да, мы писатели, а читатель у нас один – Сергей Алипов».

Сергей Алипов много раз рисовал и лепил свою спутницу жизни Тамару. Однажды его спросили, какое место в своем творчестве он отводит любимой женщине.

– Собственно ипостаси две: музочка или архитектурное излишество, – ответила за мастера его вторая половинка.

Дорожные песни летят себе, привязываясь к длинным пассажирским поездам. Поют деревья и линии электропередач, струны рельсы, звонкие, как металлофон, шпалы. Стучат колеса. Дорожные песни несутся все дальше и дальше. У каждой станции свой голос, но только поют они не разом, а когда чувствуют приближение летящих за поездом песен.

Работая над биографической книгой «Триумвират» (творческие биографии писателей Генри Лайона Олди, Андрея Валентинова, Марины и Сергея Дяченко), никак не могла поставить точку. Все пыталась что-то доработать, допроверить, по сто раз слушала записанные интервью. А потом как-то зашла в кафе, села за столик, смотрю, а над соседней дверью надпись «ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЖЕЙ». Когда подошла поближе и присмотрелась, оказалось, что «для персонала». Но в тот момент у меня внутри что-то как ёкнуло. И в тот же день я завершила книгу.

Дописывая роман «Собор Парижской Богоматери», Виктор Гюго понял, что для успеха дела ему лучше всего никого не принимать и, упаси бог, никуда не выходить. В идеале – вообще не отрываться от текста, пока не закончит.

Можно было запереть себя на ключ и попросить, чтобы еду подавали через окно. Но, зная себя, писатель выбрал единственный, по его мнению, возможный способ по временному

удержанию себя дома. Он остриг себе половину бороды и волос, после чего выбросил ножницы в окно.

Под угрозой немедленного расстрела, он не решился бы выйти из дома эдаким чудищем. Так что теперь ему не оставалось ничего иного, как сидеть дома в ожидании, пока волосы отрастут.

За два дня до церемонии вручения АБС-премии к председателю Оргкомитета писателю Дмитрию Каралису приехала съемочная группа НТВ во главе с красивой журналисткой в летнем открытом платье. Началась запись интервью.

Уставшие, но вполне счастливые, что вся связанная с премией суета скоро закончится, писатели Арно и Романецкий мирно отдыхали в сторонке. Романецкий пил кофе, а Арно просматривал лежащую тут же газету:

– «Москва собирает старых друзей», – вслух прочел Арно первый попавшийся заголовок.

– А наша премия – юных подруг, – отозвался Романецкий, глядя на корреспондентку.

Еще с гусарских времен замечено, как дивно могут смотреться мужские ноги в белых лосинах. Другое дело, что не ногами едиными любуются в лорнеты чувствительные дамы из партера и украшенных золотыми гирляндами балконов и лож.

Как раз этот вопрос занимал администратора питерского Мюзик-Холла. Так как балеруны в спектакле выходили в лосинах, под которыми по чьему-то идиотскому приказу не наблюдалось обычных одинаковых бандажей, отчего мужской балет, а точнее, его нижняя часть, выглядела, мягко говоря, разнообразно.

Особенно странно смотрелись лосины молодого человека, стоящего третьим справа. Под этими лосинами не наблюдалось решительно ничего мужского.

– К завтрашнему спектаклю сделайте что-нибудь с этим местом, – с напускной серьезностью администратор выразительно покосился на лобок собеседника. – Платок в несколько раз скатайте, поролон… Вы же творческий человек. Проявите фантазию.

Балерун покраснел. Замечание было сделано в присутствии коллег. Теперь уж точно с год будут зубоскалить, – невесело подумал он, размышляя, чем бы досадить опозорившему его наглецу.

Перед спектаклем костюмы и грим, как обычно, проверялись помощниками костюмеров и гримеров. Дождавшись, когда его досмотрят, оскандаленный балерун тихо скользнул в

гримуборную, где колдовал некоторое время над своим костюмом.

Результат получился ошеломляющим. Когда на сцене один за другим выстроилась шеренга стройных, одетых в изящные белые лосины и высокие сапожки молодых людей, взгляду публики предстало дивное зрелище: благополучно засунутый в трусы актера шланг от противогаза тянулся по ноге до самого колена, теряясь затем где-то в голенище сапога.

Спектакль был сорван. Публика повскакивала со своих мест, нацелив лорнеты и бинокли на ребристый артефакт в штанах второпланового персонажа и начисто игнорируя исполнителей ведущих партий.

– В 60-х годах в журнале «Юный техник» был опубликован рассказ бирманского фантаста Мао Дзинь Джи, – начал очередную байку Андрей Дмитриевич Балабуха. – Почему-то имя запомнилось. Впрочем, что мы тогда знали о бирманской литературе? Вообще ничего. А тут не просто литература, а родная фантастика. Интересно. На том бы история и закончилась, но году в шестьдесят девятом приезжает вдруг в Ленинград делегация бирманских писателей. Было много мероприятий, на которых я не присутствовал и потому о них рассказать не могу. Тем не менее, удалось как-то пробиться на финальный банкет, где гостям то и дело задавали различные вопросы и поднимали в их честь тосты.

Я тоже решил не отставать от других и блеснуть своими знаниями бирманской литературы. Поднялся с места и задал свой вопрос: как в настоящее время в Бирме обстоит дело с научной фантастикой?

Удивленные гости только и могли, что выразительно пожимать плечами: мол, ни сном, ни духом не ведаем, что за зверь такой, научная фантастика. Впервые слышим. На что я тут же парировал, поведав о напечатанном в «Юном натуралисте» рассказе и даже громко и выразительно произнес имя автора: Мао Дзинь Джи, после чего произошло странное. Мало того, что никто из гостей ничего не ответил, все словно разом перестали меня замечать, как будто бы меня и вовсе нет. То есть, все бирманцы, сколько их там ни было, как по команде отвернулись, демонстративно занявшись разговорами друг с другом, или уткнувшись в тарелки.

Не понимая, что происходит, в перерыве я отловил толмача, отвел его в сторонку, припер к барной стойке, проставил сначала сто грамм, потом еще сто, и еще… и только после этого спросил, что я сделал не так?

– А что ты им сказал? – поинтересовался переводчик. И когда я повторил, заметил, что на месте бирманцев за такие слова он бы охальнику морду набил, потому что при дамах так не выражаются, да и при мужиках желательно тоже.

Оказалось, что никакого фантаста Мао Дзинь Джи нет и никогда не было. А был большой специалист по Бирме Игорь Всеволодович Можейко, который еще до того, как стать Киром Булычёвым, издал этот рассказ, придумав себе оригинальный бирманский псевдоним. Он пошутил, а я попался.

Когда в Академию Художеств приходили новые натурщицы, Ашот Казарян, вызывался самолично отбирать для работы самых интересных. А что? Ашот – староста, плюс большой специалист по женской части, ему и карты в руки. Желающих позировать было много, работа оплачивалась вполне прилично – 2 рубля в час, так что ничего удивительного, что девушки выстраивались в очередь.

В мастерскую пришла новенькая девушка.

– Раздевайтесь, – ледяным тоном командует Ашот, тщетно скрывая под начальственным видом понятное волнение, – раздевайтесь за ширмой и выходите.

Да только может ли горячий армянский мужчина просто смотреть, когда, выбравшаяся из дешевого платьица точно из лягушачьей кожи, скромная студенточка вдруг буквально на глазах превращается в богиню любви?! Руки сами тянутся к запретному. И… отлично же знает – нельзя! А ничего поделать не может.

– Имейте в виду, – остановившись в сантиметре от искусительницы, выдыхает он, – как староста мастерской, как ответственное лицо, как законный представитель Академии, я должен чувствовать ваши формы. Потому что, пока не дотронусь, как я могу сказать, подходите вы или нет?

– А что? Все будут трогать?! – хмурится Венера Милосская, стыдливо мусоля длинную, в руку толщиной, косу.

– Нет, только я, как староста мастерской. Больше никто. А если что – жалуйтесь в деканат.

Так наглый Ашот получил возможность трогать всех приходящих на кастинг девушек. Потом они конечно узнали правду, но к тому времени натурщицы и скульпторы уже передружились, переженились и никто на Ашота не жаловался.

Статую «Оргазм» Ашот Казарян лепил в мастерской Кубасова ночью. Вместо двух рублей в час от широты душевной платил три: время-то неурочное, да и композиция… мягко говоря, смелая.

На вторую ночь громовой стук в дверь. Какой-то мужик ломится. Нину, говорит, хочу. А Нина – как раз и есть новая модель Казаряна.

– Тебя какой-то мужик спрашивает, кому ты сказала, что ты здесь? – шепчет Ашот, а сам понимает, что старая дверь долго таких просьб не выдержит. Разлетится. А потом…

– Спроси, кто? – подталкивает его дама.

– А кто ее спрашивает? – покорно повторяет из-за двери Казарян, не на шутку взволнованый предстоящей встречей.

– Володя.

– Слушай, Нина, э-э, тебя какой-то Володя спрашивает, да?

– А, это муж.

Ашот вздрагивает из последних сил, но остается в сознании, ибо натурщица реагирует спокойно. Наоборот, видно, что у нее отлегло от сердца: у Нины ревнивый любовник, и вот его она боится.

Ашот лепил «Оргазм» четыре ночи и все это время к каждому звуку прислушивался. Все виделось ему, как вместо мужа Володи явится злобный любовник с кинжалом – в компании верных друзей и возмущенных родственников – мстить за чужую жену и свою любовницу.

Сваял работу – первым делом к Кубасову принес. Скульптура небольшая – 40 на 35 см.

Сергей Анатольевич как увидел, так и онемел, но ненадолго, всего лишь на несколько минут.

– Ашот, чудила! Такого у нас нельзя!!! Чу! Хальт! Цурюк, ферботен! Никс нема! Да если только кто-нибудь увидит ЭТО без паранджи. Десять лет без права переписки, да еще и студенческий билет порвут к чертовой матери. Не дай Бог, увидят!

А как не увидеть, когда по всем правилам ремесла, глину обжигать нужно. Там ее и увидят, а дальше уже ясный сценарий: расстреляют, а потом еще и в милицию сдадут – за изготовление непристойной эротической порнографии.

– Ты… тово… ты ее у нас не обжигай, качество силуэта пострадает, – на правах старшего творческого друга советует Кубасов. – Я тебя к моему приятелю отведу, он хоть и тоже маньяк вроде тебя, зато у него печь лучше. Вот там все и сделаешь.

Прошел месяц и Кубасов просит принести «Оргазм» в мастерскую. Шведы какие-то приезжают, хотят социалистический реализм в натуре посмотреть.

Сказали – принес.

– Сколько стоит? – интересуется шведский искусствовед через симпатичную переводчицу.

– Сколько даст, столько и будет, – пожимает плечами Ашот.

Медленным движением швед достает из правого кармана кошелек – а там зелени!!!

– Нет, мы советские люди, нам нельзя доллары. Рад бы всей душой Вам помочь… но только рубли. 88-ю статью еще никто не отменял. Пиф-паф!

Не ускоряя темп, швед возвращает кошелек на место и так же спокойно достает другой, теперь уже из левого кармана. Взгляд из-под очков на Ашота.

А тот замер на полусогнутых по стойке «вольно» и ждет, что выпадет. Глаза счастливые заранее – в бумажнике горчичного цвета наваждение – сотни, сотни… Авось одна и…

Швед кладет рядом со статуей одну бумажку с ленинским профилем.

«Отлично! – думает Ашот, – стипендия 50. А тут сто! Круто!»

А швед смотрит испытующе и вторую сотню шарк на стол, третью, четвертую…

У Кубасова челюсть отвисла… пятьсот! Огромные деньги. А поток башлей не иссякает. А ленины все ложатся и ложатся на стол в колонну по одному!

Когда до двух тысяч пятисот дошли, закрыл швед свой волшебный кошелек.

– О’кей?

– Еще какой окей!!! Двадцать пять оргазмов против одного!

Так завершилась сделка. Один оригинал схватил в руки другой оригинал, понянчил его на груди и ушел. Оба ушли, и копий от них не осталось.

Рослая, пышная, похожая, несмотря на свои восемнадцать лет, на усталую буйволицу натурщица посматривала на Ашота сверху вниз.

Ашот на диво-дивное глядит, а в голове одна-единственная мысль:

– Боже, сколько глины уйдет!

Походил вокруг посолонь и противосолонь, и еще раз посолонь. И наконец решился: была-не была, «подходите». И даже сам на занятия привел.

Но тогда уже ученики взбунтовались. Им – юным скульпторам – видишь ли, деву чистой красоты лепить потребно; рубенсовских форм наряду с грандиозными идеями старосты они не поняли, и работать с новой моделью отказались.

По плану завод должен был сдавать каждый год по пять килограммов отходов серебра, при том, что они получали

реальных всего 300 грамм серебра в год. Вопрос: как получить требуемое количество отходов?

Директора завода вызвали за невыполнение плана в Москву. Но что тот мог сказать в свое оправдание. На нет, как говорится, и суда нет. Ан нет, есть суд. Думали и так и эдак, где взять такую прорву драгметалла? Даже если собрать все серебряные ложки, имеющиеся в домах, в лучшем случае удастся обеспечиться на год. А дальше что?

Положение могло спасти только чудо. Делать нечего, пошел тогда несчастный директор завода в винный магазин, купил сколько-то бутылок коньяка, да и направился к своему давнему приятелю, фантасту и по совместительству крупному специалисту по чудесам, Андрею Балабухе чуда клянчить да думу думать.

Думали-думали, на третьей бутылке придумали:

«Поскольку впервые в практике завод освоил метод абсолютно безотходного производства, отходов не может быть в силу особенностей технологического процесса».

В результате заводу выдали премию за безотходное производство и потребовали распространить опыт.

После удачной продажи в 1997 году классической индийской «Камасутры», – не набора поз, как это можно себе вообразить, а приличного академического издания вышедшего в свет в «Издательском доме «Нева», – понадобился книготорговцам европейский аналог. В общем, откуда хочешь возьми, хоть роди, но чтобы была. Собрали коллектив, предъявили пачку денег, хорошую такую. Издатели облизнулись, сказали «сделаем» и сели на телефоны.

В результате получилось вполне себе академическое издание с правильными ссылками, цитатами, иллюстрациями. Напечатали, продали несколько раз. Хороший получился проект. На том бы и конец истории, да… «Недавно мы узнаем, что книжка включена в список петербургского университета, как литературный памятник, – рассказывает Александр Лидин. – Мы порадовались. А потом еще новость. Оказывается Берлинский музей эротики поставил экземпляр «Европейской Камасутры» к своим экспонатам. Мы туда еще не доехали. Но теперь поторопимся».

Однажды жена писателя Андрея Егорова и, кстати, дочь писателя-фантаста Владимира Михайлова, Вера выгуливала французского бульдога Персика. Внезапно ее нагоняет соседка, тоже собачница, и спрашивает:

– А почему ваш муж, когда я кричу ему: «Персик, Персик!»,

разворачивается и уходит с ним в другую сторону?

– У меня три предположения. – немного подумав, серьезно отвечает Вера: во-первых, муж всегда гуляет в наушниках и не слышит вас, во-вторых, его зовут не Персик. И в-третьих, может, он просто не хочет с вами гулять?..

– В фильме «Чародеи» персонаж Светина, говорит о такой разновидности домовых как «вагонные», – вешая на стену картину, рассуждает художник Николай Редька. – На конвентах писатели делятся на «комнатных» – тех, что сидят с компаниями по номерам, «барных» – тех, кто соответственно проводят время в барах, и… – он лукаво ухмыляется, смахивая несуществующую пыль с рамы второй картины. – Я же для себя уже давно решил, что лично я отношусь к домовым «коридорным». Потому что все время либо продаю книги и картины в холле, либо брожу по этим самым коридорам.

– Юля! Шведы уезжают! – Звонит Саша Смир. – Мы думали, дня на три приехали, а они в час ночи ту-ту.

– Поняла. Еду! На часах 22.30, часа полтора на дорогу, должна успеть. Встречай у метро, я впотьмах заблужусь и в трех соснах.

Одеваюсь, крашу губы. Косметика еще утренняя, скандинавам потянет. В секретный карман сумки лишнюю тысячу. По любому обратно тачку ловить. А шведы – это хорошо, шведские поэты и бывшие наши издают в Питере свои книжки, вот мы и решили с нашим «Петраэдром» подсуетиться. Мало ли какой совместный проект нарисуется.

Приехала. Без пяти полночь, метро выплевывает последних пассажиров, мигает, переливаясь красками реклама, фонари, ларьки – все светится. От чего мгла делается гуще и беспросветнее. Сашки нет, забавно… набираю его номер.

– Мы тут, близко, уже на переходе. Жди. Только… – его голос на мгновение прерывается, а потом вдруг переходит в поросший густым мхом шепот. – …Только ты того, этого, ну, в общем, надо дать шведам понять, будто бы они нам не очень-то и нужны. Ладно?

Полночь. Зима. Метро закрылось. С деланно-равнодушным видом стою в полутора часах езды от своего дома, на другом конце города, прикидывая в голове, какой, к черту, случайностью приписать мое присутствие в этом месте и в это время? Не иначе, как ветром меня надуло.

То живу, то не живу.

Ставшие тесными джинсы подарила дочке, платье – подруге. Жалко, расстроилась, решила про себя считать, что не растолстела, а просто вещи сели после очередной стирки. Зато бюстгальтер – порадовал, так порадовал!

Аттракцион необыкновенной жадности – так не хотела отдавать фирменную курточку дочке, что похудела в одночасье на целых пять килограмм.

Брат при виде Диньки: Что за жуткая шапка?!
Я (ехидно): Ты подарил.
Брат: Шикарный енот!!!

Звонок на домашний. Мама поднимает трубку, сквозь помехи доносится детский голосок. Слов не разобрать.
Мама: «Диана, это ты что ли»?
Ответ: «Это не Диана, это другой мальчик».

Уличное кафе. Красивый, респектабельный мужчина наклоняет голову в вежливом поклоне:
– Простите, это место не занято?
– Нет. – поспешно убираю сумку. – Садитесь пожалуйста.
Улыбнувшись, он коварно уносит свободный стул.

– На Днях фантастики в Киеве, – рассказывает Глеб Гусаков, – Сергей Дяченко отвечает на круглом столе на вопрос Эрика Брегиса:
«Если бы в этом зале были издатели, они бы вам объяснили…»
(Эрик Брегис – главный редактор издательства «Снежный ком»).

Девяносто третий год. Молодая семейная пара взялась делать самый настоящий журнал! Экстрасенсорика, магия, НЛО. Ну и фантастика, куда же без нее.
Попросили принести рассказов, сколько не жалко, чтобы на несколько номеров отобрать можно было.
Собрала имеющиеся читаемые копии. Тогда компьютеры были редкостью, а машинка более 3–4 оттисков не выдавала. Причем, если первая пара копий еще вполне приличная, последняя может быть уже и нечитаемой. В общем, собрала рассказики в картонную папку с завязками, отнесла издателям и принялась ждать.

Неделя, две… месяц. Звоню. Мол, подошло, не подошло, нельзя ли лишнее забрать?

– Приезжай, – говорят, – разговор есть. Называют адрес. Первый-то раз я в офисе была, а тут, домой зовут. Волнительно.

Приехала. Жуткая, заставленная коммуналка, крошечная комнатка с высоким потолком и гробиной-шкафом. Старый потертый диван с подушками, заваленный рукописями стол в углу, стулья, для экономии места развешанные по стенам. Нормально.

Чайник принесли из кухни, булку и сыр извлекли из пакета, пакет из-за окна.

– Соседи тараканов травят, – извинилась редакторша, – никаких продуктов на кухне не держим. Да что там продукты, даже все папки с материалом для журнала из шкафа в прихожей к себе перетащили.

За чаем разговорились:

– Все в твоих историях есть. Читается на одном дыхании. Но, знаешь, я конечно в фантастике не спец, все же что-то не так. Сам не понимаю, – выкладывая в вазочку печенье, комментирует супруг редакторши верстальщик, – сумасшедшинка какая-то… Мы три точно отобрали, еще два на всякий случай, подержим. Забавные. А остальное – уж извини. В общем, интересно конечно, только странно, в общем, с тараканчиками рассказики. Да вот хоть сама погляди.

Берет со стола папку, развязывает завязки и вдруг оттуда точно в подтверждение слов сыплются рыжие тараканы…

Перед спектаклями, да и вообще перед выступлениями не пью алкоголь. Нужна максимальная концентрация без дополнительных наносных эффектов. Могу позволить себе шампанское на презентации, но только на банкете, устраиваемом после основного действа. Последнее время раз в год выбираюсь в Крым, сладкое вино – «Царица Феодора»! Дивная вещь!

Однажды танцевала на каком-то очередном фестивале. Что-то по женскому творчеству: то ли питерский гендерный центр расстарался, то ли импортные сотоварищи учудили. Много их было в девяностые годы: сейшены, фестивали, многодневные парады и растянутые на недели мастер-классы, по большой части все похожие один на другой.

Не суть. По стенам развесили лоскутные мандалы с портретами заоблачных миродержцев всех известных религий, тут же торговали одеждой из конопли, книгами по искусству выживания с мужем. Кто-то рекламировал школу йоги с их традиционным экстремальным досугом, кто-то ратовал за отмену

подгузников: мол, через эти припарки на интимных местах мы реально вырождаемся как нация, а вскоре и вообще вымрем на манер динозавров и мамонтов. Традиционно озеленяли луну, торговали свободными участками на Марсе, баронскими титулами в Германии, и прочая, и прочая. Девочки-кунфуистки демонстрировали битву саксаула с морским червем, а прибывшие на праздник исключительно ради банкета скромные каратисты весело крушили нагло спертые на ближайшей стройке церкви «Преждевременного апокалипсиса» (за точное название не ручаюсь) увесистые кирпичи.

Я танцевала, в перерывах болтая с публикой и вербуя народ на курсы танцетерапии. Танцетерапия, кстати, штука вполне занятная – проработка всего тела в плавном танцевальном варианте. Не берущая на себя повышенные обязательства в кратчайшие сроки загубить сердце аэробика, а спокойный ненавязчивый и весьма эффективный тренинг.

В общем, отработала свое, согласно программе, и даже сверху прихватила, беседуя в кулуарах с желающими пообщаться и, в назначенный час, – на фуршет в честь открытия. А там розовое шампанское спонсоры привезли. Розовое! Интересно. Только кто-то первый тост произнес, шампанское разлилось по пластмассовым стаканчикам, только пригубила… Слышу из-за спины ядовитый шепот:

– Ну вот, и она пьет. Какая уж тут танцетерапия.

Высокая жердина, вся в черном с тяжелыми веригами железных украшений на шее и запястьях. Желтая тонкая кожа обтягивает скуластое лицо, ряд желтых остреньких мелких зубов в полной яда улыбке, черные, ровно подстриженные точно обрубленные волосы а-ля Цветаева. И вся эта красота нагло прет на меня, готовая прямо на банкете начать лекцию о вреде алкоголизма. Ой, не надо! И главное – нашла к кому привязаться – к фее цветов, что до сладкого нектара, еще можно сказать и не добралась. Спасала бы лучше каратистов, что на другом конце стола почем зря водяру глушат, тоже ведь спортсмены. А тут, из-за глотка шампанского…

В общем, стала мне тогда поперек горла обида. Думаю, чем бы нахалку уесть. А что ей скажешь. В своем раннем климаксе она ж, поди, не виновата.

Смолчала. А буквально на третий день фестиваля по случаю на ее лекцию попала. «Астрономия и женский организм» или что-то в этом роде. Окно образовалось, деваться некуда, вот и зашла. Но не в зале сидела, а за кулисами, рассчитывала по-тихому на середине уйти. В общем, сижу, слушаю, у астрономички голос приятный, лекция нескучная, я даже увлеклась. Слайды пошли по

экрану, он ведь и в зале и на сцене одинаково хорошо показывает. И тут смотрю, моя «красавица» нырк за кулисы, молнию на длинной узкой юбке расстегнула, а там фляжка плоская на резинке к ноге пристроена, как у Мерлин Монро в фильме «В джазе только девушки». Хлебнула, оправилась, глубоко вздохнула и опять на сцену.

Что за наваждение?

Еще минут через десять, когда по экрану дождь метеоритный полетел вдруг – новое явление. И опять молния, нога, фляжка. Бульк глоток, шасть на сцену. Так раза три туда-обратно гастролировала.

Ну каналья! В конце вечера подловила астрономичку в кафе. Сидит подлая, чаек попивает и гадская фляжечка при ней, уже не стесняясь на прозрачном столе возвышается.

Беру себе кофе, подсаживаюсь, а сама на фляжечку кошусь, не спрятала бы.

В общем, слово за слово.

– А это у вас что? Доктор прописал? Для повышения давления?

– Не совсем. Хочешь попробовать?

– Спасибо. На работе не пью.

– В кофе. – И в следующее мгновение фляжка зависает над моей чашкой, и в кофе льются белые жирные сливки.

– Язва, – печально улыбается астрономичка, а мне вдруг кажется, что это меня обозвали «язвой». И ведь как заслуженно!

Фантастическая конференция «Странник». Романа Злотникова пригласили в Константиновский дворец дать интервью для «Радио Свобода». Одновременно с ним по каким-то своим запланированным интервью возят Роберта Шекли, на обратном пути на конвент они оказываются в одной «газели». Роман плохо знает английский, тем не менее, как-то познакомились и даже поговорили, за нехваткой слов используя жесты и знаки. Одним словом, скоротали время.

На следующий день Шекли привезли раньше всех, и он устроился в кафе, в ожидании своего переводчика. Сидит классик, скучает, а меж тем приехали сразу два автобуса писателей и фэнов. Люди быстро заполняют кафе, видят Шекли, естественно, узнают, но подходить и знакомиться боязно. Шутка ли сказать, до сих пор Шекли видели разве что в президиуме, и тут вдруг сидит, как простой человек, буквально за соседним столиком. Нет, пускай кто-нибудь другой первым обратится, а там уже можно и за автографом подойти.

Все расселись по стеночкам и на Шекли смотрят, как будто

им спектакль бесплатный показывают. А Шекли от этих взглядов жутко неуютно, он бедолага, наверное, уже и сбежать думал, да тут как раз единственное знакомое лицо в кафе нарисовалось: вчерашний знакомец – Роман Злотников.

«О, Роман, камин», – привстает с места Роберт Шекли. Злотников устремляется к нему. Шекли заказывает кофе для гостя, какое-то время оба воодушевленно общаются. В разгар беседы является запоздавший переводчик, дальше они болтают уже более свободно.

На следующий день к Злотникову подходит знакомый: «А правда, что вы с Шекли приятельствуете чуть ли не с советских времен? Что дружите семьями? Что у тебя даже были из-за этого неприятности с КГБ?»

«У меня никогда не было неприятностей с КГБ»! – возмутился Злотников.

«Ну, ты знаешь, тут такие разговоры ходят…»…

Выслушав все сплетни о себе любимом, Роман Злотников рассмеялся и тут же опроверг их, честно рассказав и о вчерашнем случайном знакомстве с Робертом Шекли и о сегодняшней встрече…

«А жаль, – заканчивает историю он, – хорошая начала рождаться легенда. Был бы на моем месте более пронырливый человек, без сомнения все бы подтвердил, да еще и новые подробности подкинул. А так… пропала легенда».

В декабре 2008 года, поэт Михаил Сухотин выступал в Японии, куда был приглашен с перформансом. Русских в стране богини Аматэрасу традиционно считают крейзи, что же говорить о русских поэтах?! Неизвестно, какого действа ждали тихие, послушные дети Страны Восходящего солнца, но вдруг поэт начал забрасывать их… мертвыми пчелами.

«Первоначально, – как рассказывает в своем живом журнале поэтесса Света Литвак, – пчелы были взяты с пасеки сонными, но в самолете, в багажном отделении погибли и провоняли».

Иными словами, японским зрителям еще повезло. Ведь Сухотин взял пчел со своей пасеки еще живыми, и не исключено, что изначально намеревался представить их публике именно в таком виде.

Через два года история с «ароматным» перформансом повторилась:

На вручение премии «Летающие собаки 2010» поэт Михаил Сухотин не явился, в означенный день его попросту не было в Москве. Тем не менее, он не забыл о мероприятие и даже заранее

попросил Анну Голубкову повесить на спинку одного из стульев первого ряда табличку с цитатой из «Мертвых душ»: «Увидевши возле них пустой стул, он тотчас его занял». Она сделала все в точности и потом еще предлагала желающим все же занять отмеченный Сухотиным/Гоголем стул. Предполагая подвох, стул обходили стороной, и только храбрец Чемоданов украсил его сиденье своей шляпой и черными очками.

Сначала рецензию отсутствующего Сухотина на Байтова прочитал Сергей Соколовский. По свидетельству Светы Литвак, это была достаточно старая рецензия, опубликованная как стихотворение еще в декабре 2004 года в журнале «Декабрь» (этот журнал она сама и издавала, так что никакой ошибки).

Не стану приводить сие произведение полностью, но вот, небольшой отрывок:

> когда я говорю «г», то всегда имею в виду «р»,
> если я сказал «в», знайте: это «л».
> Однако же мое «д» есть только пятая буква родного алфавита,
> в то время как «д» Байтова значит «дуэль».

После на сцену был приглашен Николай Байтов с ответным словом. Все шло по плану. Николай занял место выступающего, после чего объявил, что предполагает содержание рецензии Сухотина какой-то тайнописью, которую он, Байтов, никак расшифровать не может, после чего прочитал свой ответ:

> Долг поэта я честно выполняю.
> Только что означает это «честно»? —
> Если честно сказать – не понимаю.
> Часто думаю над этим, но тщетно.
> Если я не лентяй и не мошенник,
> я, наверное, могу быть спокоен?
> Упрекнет ли кто, что я – не волшебник?
> Нет, мне кажется, здесь что-то другое…
> Вдохновение, восторг, звуки, ритмы,
> долг, призвание, талант, совесть, зависть —
> вот казнить бы все Оккамовой бритвой
> и неслыханное нечто добавить!

Остановившись, он медленно извлек из нагрудного кармана рубашки, нечто сильно напоминающее ручную гранату, и крепко зажал ее в руке. Зал притих. «Из кулака торчало нечто черное,

похожее на чеку ручной гранаты. Байтов повернул рычажок. Присутствующие замерли. Затем с возгласом «Вот это – Сухотину!» НБ резко шагнул к стулу с цитатой из Гоголя.

Из кулака пшикнуло, зал ахнул, задние ряды устремились к выходу. Байтов «выстрелил» второй раз, попав на шляпу и очки Чемоданова. Затем развернулся к сцене и с криком: «Вот это – жюри!» новоявленный террорист прыснул в сторону сидячих в президиуме Сергея Соколовского и Аркадия Штыпеля. В этот момент за общей паникой кто-то сообразил, что «граната» заряжена одеколоном. (Как выяснилось впоследствии, используемый во время своего арт-террористического действа флакон в форме гранаты был французской туалетной водой KELLY, подаренной поэту накануне дочерью Светы Литвак Анной).

Сообразив, что Байтов собирается опрыскать его не нервно-паралитическим газом, а всего лишь парфюмом, Соколовский откинулся назад, причитая тоненьким писклявым голоском: «Не надо! Не надо!». Что же до Штыпеля, то последний отнесся к ароматизации своей особы более чем благосклонно. После чего Байтов ринулся к учредителям премии и подверг арома-обработке А.Голубкову и А.Пермякова.

Наблюдавший со ступенек сцены за происходящим незнакомец, вальяжно протянул уже немного поостывшему Байтову свою пивную кружку, попросив прыснуть туда. После чего, пил, нюхал, смакуя и предлагая отведать получившейся дивный нектар всем и каждому.

Так закончился «Парфюрманс» Николая Байтова, посвященный столетию перформанса и являющейся ответом Михаилу Сухотину и его «вонючим» пчелам.

В чужие земли
со своим солнцем.

Как-то раз Александр Дюма-отец был вызван на дуэль. Но одно дело стоять друг против друга, смотря смерти в глаза и мечтая только о том, чтобы рука не дрогнула. Дюма принял бы подобный исход, даже не подумав, что в него, человека крупного, попасть априори легче, нежели в его соперника. Но… пистолет был только один, и участникам дуэли было предложено тянуть жребий. Тот, кто вытягивал «смерть», должен был выйти в соседнюю комнату, и там, подальше от посторонних глаз, застрелиться.

Получив свой несчастливый жребий, Дюма, как и было предписано, удалился в другую комнату. Через некоторое время

раздался выстрел. А вслед за ним из соседней комнаты здоровый и невредимый, показался и сам писатель. «Я стрелял, но промахнулся», – объяснил он произошедшее.

Знакомая психологиня пригласила зайти к ней на чай. А пока чашки расставляла, да печенье в вазочку насыпала, возьми и шепни на ухо. Мол, спроси у ее сынишки, что это за мода нынче пошла, что ни день со свежим фингалом из школы приходит. Она конечно медицинский психолог, кого хочешь разговорит, но тут особый случай: Артемка мамины способы дознания с пеленок вызубрил и теперь молчит или отшучивается. «Он к тебе нормально относится, может, поделится».

Киваю, иду в комнату Артема. Под глазом синяк, на скуле кровоподтек… м-да…

– Привет, – говорю, подсаживаясь. – Как жизнь? Что это у тебя, бандитская пуля?

Первоклассник скорбно вздыхает, с неохотой откладывает толстую книгу фантастики и, проникновенно заглядывая мне в глаза, с профессиональной учтивостью работника психдиспансера:

– Тетя Юля, вы хотите об этом поговорить?

Я минут пять не могла отсмеяться. Детеныш психолога!!!

Однажды поэт Смир спешил по каким-то своим смирским делам и вдруг увидел его. Старое видавшее виды кресло о трех львиных ножках с некогда золоченой спинкой и живописно торчащими из сидения пружинами, точно стесняясь, ютилось за помойными баками на проспекте Большевиков.

Кресло выгнали из дома, который оно уже привыкло считать своим.

Смир опаздывал, а старое кресло жалобно поглядывало в его сторону, стесняясь попросить помощи.

«А ведь и правда, дети поломают, дворники затолкают в бак, да мало ли…», – подумал Смир и услышал:

– Спаси меня, Саша, я тебе еще пригожусь, – заискивающе проскрипело кресло.

– Да что ты можешь, без ножки-то? – развел руками Смир, забыв при этом удивиться. С неба летели крупные хлопья снега.

– Давай я тебя лучше подальше за помойку задвину, а на обратном пути заберу?

– Не доживу я, – закручинился раритет. – Возьми меня с собой, я тебе службу сослужу.

Ну, что ты тут будешь делать? Поэт сгреб старое кресло и

побрел вместе с ним на деловую встречу с предполагаемым спонсором нового сборника. Как и вся старая мебель, кресло оказалось невероятно тяжелым. В крошечную маршрутку с мебелью не пустили, на тачку не хватило денег, время шло, и Смир с тяжелым креслом на спине не успевал за ним, так что, когда он оказался на месте, его уже никто не ждал. Деловая встреча сорвалась, шанс был упущен.

А через месяц Александр вдруг на фоне полного безденежья и экономического кризиса объявил о подготовке нового сборника. Оказалось, что деньги на него удалось выручить с продажи отреставрированного кресла, которое после лечения в мастерской реставратора сделалось похожим на золотой трон.

В очередной раз, не дождавшись звонка от Смира, звоню сама:

– Саша! Как прямое руководство серии «Петраэдр», ты обязан связаться с…

– Стоп, – прерывает мою гневную тираду пьяный голос Смира. – Побойся бога, какое еще руководство? Какое такое прямое ру…

– Ок. Как кривое руководство серии «Петраэдр», ты обязан…

Конец декабря 2007 года, ждали 2008 год, не помню уже, какой крысы. По уму, надо было сесть и в стихах поздравления друзьям накатать, сесть села, а рука не поднимается. Не люблю я крыс, вроде как знаю, что умные и в случае вселенской катастрофы только они, да еще тараканы выживут, а все равно неприятно как-то… Стала открытки на сайте выбирать, везде противная крысиная морда. Неприятно.

А, была-не была. И вместо крысы выбрала картинку с кошкой. Хорошая такая толстая кошка на окошке, теплый дом, мягкие гардины, елка в углу. Затащила ее в свою почтовую программу и давай рассылать по всем адресам, какие вижу. Адресов сорок задействовала, когда обратно гневные письма начали приходить, мол, что же ты делаешь, крысу кошкой пугаешь! Крыса, сама знаешь, какая обидчивая, неровен час…

В общем, усовестили. Перестала кошек рассылать.

Год действительно на редкость пакостный оказался, народ вокруг так и мёр. Но, что удивительно, тех, кто получил на Новый год мою кошку, злобная Шушара вроде как стороной обходила. То есть, ни в их домах, ни у родственников, ни у ближайшего окружения никаких смертей или несчастных случаев не случалось. Соседи по дому, коллеги по Союзу писателей – да, а среди ближних – все спокойно прошло. И даже одна

восьмидесятилетняя бабушка, которая уже года три как твердо помереть обещалась, с постели поднялась и ходунки себе для удобства запросила. Чудеса!

Получается, что я каким-то непостижимым образом оберег создала. Жаль, тогда меня сразу одернули, не дали полную рассылку сделать.

В 2003 году в Харькове на территории университета проходит «Звездный мост», – рассказывает Дмитрий Громов. – Какого-то пьяного фэна поймали менты, собираются забрать. Он же ругается, сопротивляется, причем, грозится пожаловаться самому Макаровскому. И тогда всем мало не покажется. Как минимум погоны послетают, а то и…

Кто-то сбегал за Макаровским, «нашего вяжут, надо помочь».

Николай Александрович подбегает к ментам.

– Вы его извините, он был неправ.

– А вы еще кто такой?

– Я Макаровский.

– Что? Тот самый?

Их как ветром сдуло.

Во время конвента «Звездный мост» к писателям подходят трое незнакомцев, – рассказывает Андрей Кучеренко.

– Ой, а это Брайдер?

– Ну, Брайдер, – пожимает плечами Юрий Брайдер.

– Вот здорово! А Чадович есть?

– Я Чадович. – отзывается Николай.

– Ребята. А можно с вами выпить?

– А что у вас есть? – желает уточнить Чадович.

– Две бутылки водки, – с готовностью демонстрирует две поллитровки пришлый. – Но если что, я и за пивком сбегаю.

– Я после операции – мне пиво, – довольно потирает брюхо Брайдер.

Сидят на парапете, пьют водку, а тут, как на грех, милиция.

– Так, распиваем в неположенном месте.

– Мы же сидим, никого не напрягаем, опять же праздник у нас, – виновато улыбается Брайдер. – Войдите в положение, сам когда-то служил, понимаю, нарушаем, но мы же…

– Вы из милиции? – уточняет патрульный.

Брайдер достает корочки, ветерана МВД Белоруссии.

– Так то ж Белоруссия. Вот если бы вы были из МВД Украины, тогда…

– Ну, если вам нужно из МВД Украины, – ленивыми, но верными движениями пришлые протягивают сразу три

удостоверения: один майор и два капитана. – На!

Патруль инстинктивно делает шаг назад.

– Мы тут тихонечко, можно? – вкрадчивый голос Чадовича нарушает нависшую паузу.

– А у вас, товарищ майор, пиво заканчивается, – оттаивает самый смелый из милиционеров. – Может, сбегать?

Писатель Сергей Синякин ехал на заднем сиденье машины. Ехал на торжественное мероприятие, устраиваемое органами, для чего, понятное дело, ему пришлось облачиться в свою милицейскую форму.

Неожиданно машину тормозит гаишник, который не найдя, к чему бы прикопаться, начинает грубо придираться к водителю, явно напрашиваясь на взятку. Устав выслушивать оскорбления, Синякин приоткрыл окошечко. Гаишник бросил взор на пассажира и остолбенел – подполковник милиции.

– Может чем-нибудь помочь? – уже совсем другим тоном обратился он с поклоном к Сергею.

– Иди на …уй.

– Есть! – взял под козырек гаишник. И бодро печатая шаг, отправился в заданном направлении.

Синякин закрыл окошко.

– Это произошло на «Евроконе» году эдак в 2006–2007, – неспешно начинает повествование Роман Злотников. Конвент проходил в Чехии, в местечке Чотобор или Хотобор, куда Анджей Сапковский и Джорж Мартин были приглашены в качестве почетных гостей.

Русские участники конвента остановились в гостинице города Прага, заняли номера, побросали вещи и на двух машинах устремились на «Еврокон».

Услышал о том, что русские уже в вестибюле, пан Анджей тут же оставил все дела и устремился навстречу.

– Ребьята, нам надо посидеть.

– Вопросов нет. – расплылся в улыбке Злотников, – обязательно посидим.

– Только не сейчас. У меня обьязательства. Давайте в пять часов.

Договорились.

– Надо покупать водку, – озаботился хозяйственный Синицын. – Тут с этим делом плохо. – Достали у кого что было. Кто-то себе домой вкусные ликерчики купил, но коли сам Сапковский организует пьянку, как можно такое дело не поддержать?

В середине вечера затянули «Из-за острова на стрежень», да так душевно, что местный бармен не выдержал, прибежал порядок наводить.

Как это бывает, на самом интересном месте вдруг закончилась водка. Злотников накинул куртку и пошел горючее добывать. Как-никак он еще не проставлялся, так что, по всему видно, время пришло. А за ним знакомец англоязычный увязался, сам-то Роман аглицким не особо владеет, со словарем, или, еще лучше, с переводчиком. Поэтому от помощи не отказался.

Добрели до вагончика кафешки на колесиках, рядом с которым стояли столики и сидело несколько человек. Злотников первый приметил бутылку «Смирнов» и заспешил к стойке бармена.

– Хау матч? – полюбопытствовал он на английском.

Продавец вяло набрал на калькуляторе «50 крон». Сумма нереально маленькая даже для паленой русской водки, тем более в Чехии, в баре… Должно быть, не понял.

– Хау матч? – повторил вопрос Роман, показав пальцем на приглянувшуюся бутылку.

Усталый бармен критически глянул на свой калькулятор и, не найдя ошибки, снова сунул его под нос покупателям: «50 крон».

Тогда в разговор вступил переводчик, который поступил следующим образом. Ткнув в грудь Злотникову, он членораздельно произнес: «Зис ис рашен», после чего глаза чеха округлились и попытались вылезти из глазниц. Усталость и флегматичность улетучились, уступив место ужасу. До мужика постепенно доходило, что странный русский желает приобрести целую бутылку.

«750 крон» – появилась новая цена на счетной машинке.

Злотников с облегчением отсчитал требуемую сумму и, грозно взяв за горлышко бутылку, отвернулся от бармена. В этот момент произошло странное – часть наблюдающих за торгом посетителей уличной кафешки разбежалась, а часть попряталась за ближайшие колонны. Громко топая и сопя, как громадный русский медведь, Злотников прошел через кафе, растворяясь в тумане.

Друзья приветствовали возвращение ходоков радостным воем. Некоторое время еще народ пировал за общим столом, но постепенно все начали разбредаться по двое-трое, беседуя о своем. Роман Злотников и переводчик устроились за крошечным столиком в холле, болтая о всякой всячине и от нечего делать разглядывая бродящих по вестибюлю участников конвента. Неожиданно их внимание привлек маленький пропорционально

кругленький мужичок с аккуратным круглым пузиком и круглым же бородатым лицом.

– Смотри, это же Мартин! – толкнул Романа переводчик.

– Какой еще Мартин? – не въехал сомлевший от выпивки Роман.

– Ну как же, Джордж Мартин. «Игры престолов»!

– Мартин! – махнул рукой Злотников, – да, ты, ТЫ, иди сюда. Мартин, мы тебя читали!

Мартин удивился, но подошел. «Там зал сидит, меня ждет», – покосившись на бутылку, неуверенно выдавил он из себя, присаживаясь.

– 50 грамм перед выступлением еще никому не мешали, – широким жестом Злотников тут же плеснул ему в свободный стакан.

Выпили, поговорили немного, потом Мартин заспешил на свой авторский вечер. Выпили еще на посошок.

– Если, когда закончишь, мы еще будем здесь зависать, присоединяйся, – подбодрил его на прощание Злотников.

– Что же ты говорил, что английского не знаешь? – отвлек Романа от раздумий переводчик.

– А я и не знаю.

– А на каком языке ты тогда с Мартином говорил? Это был английский, правда, такой английский, какого я в жизни не слышал. Но Мартин тебя понимал!

Проходит еще час. Вдруг откуда ни возьмись чешет к нашим собутыльникам чех из оргкомитета, а за ним человек пять его возмущенных соотечественников.

– У нас водители наемные, время заканчивается, а у вас, я вижу, все в самом разгаре, – со страданием на лице констатировал орг.

– Так мы же на своих машинах, – не понял чужого горя Злотников.

– У нас все ВИПы живут в Хавличковом броде, все уже уехали, а пана Анджея от вас сейчас не вытащить…

– Да без проблем, сами довезем в лучшем виде, – попытался разрулить ситуацию пьяный Злотников.

Орг отвернулся на секунду, переводя водителям, но те отнюдь не успокоились, а напротив начали протестующе махать руками, объясняя словами и жестами, как далеко способны завезти пьяные водилы знаменитого и всеми любимого писателя.

– Это русские, – печально вздохнул орг, тут же переведя для Злотникова и компании, – они трезвыми не ездят.

На самом деле водители выпили по чуть-чуть в самом начале веселья и теперь угощались кофе, так что за пять часов дружеских посиделок, они уже успели протрезветь и не собирались лихачить.

Наконец даже Сапковский как будто понял, что пора в гостиницу. Злотников взялся проводить пана Анджея до номера.

– Роман, у меня есть «Распутин», – оживился Сапковский, едва они вошли в комнату.

– Так в чем же дело, пан Анджей, наливай! – обрадовался такому раскладу Роман.

Они посидели и еще поговорили. Когда бутылка закончилась, Злотников вспомнил, что его ждет водитель, и начал прощаться.

– Но у меня еще есть «Распутин»… – запротестовал Сапковский. Но на этот раз Злотников был неумолим и, попрощавшись с немного обидевшимся на него Анджеем, покинул его номер.

Прошло два года, и они снова пересеклись теперь уже на «Портале». Как-то сам собой зашел разговор о последней встрече на «Евроконе». Оказалось, что пан Анджей начисто забыл не только, кто привез его в отель, но и как это произошло.

«Я проснулся в 11 вечера, а в 10 утра выступление! Вскочил, побежал на ресепшен, спросил, прислали ли за мной машину? И в ответ получил укоризненный взгляд и пожелание ложиться и спать. Еще вечер…».

В 2006 году «Еврокон» проходил в Киеве. Одним из почетных гостей на нем был Анджей Сапковский, который, как это водится, участвовал в нескольких важных мероприятиях, которые проводились на удаленных друг от друга площадках. Писатели – люди непростые, витают в облаках, строят воздушные замки, сеют добро – то паркер дорогущий, то мобилу… того и гляди, заделаются попаданцами и нырк в романы да повести, только их и видели. А людям потом за них отвечать!

Вот для уверенности, что пан Анджей нигде не заблудится, не пропадет, в стольном граде Киеве не заплутает, яко в глухом лесу, к нему и был приставлен Сергей Пальцун сотоварищи. Простое, на первый взгляд, дело: в назначенное время явиться в гостиницу и, забрав оттуда писателя, доставить его сначала в кафе на завтрак, а потом на первое мероприятие. Посидеть в зале, дождаться окончания и доставить фантаста на другое, третье… Опять же, город показать.

Вот раз заходят Пальцун с компанией оргов в гостиницу,

стучится в номер к Сапковскому, а того нет. Спрашивает на ресепшене.

– Ушел.

– Как ушел?

– Встал и ушел.

Пошли искать. Все кафе обошли, все бары обшарили, все парки и скверы – нигде нет. Кто-то вспомнил, что неподалеку от гостиницы находится костел, а Сапковский католик. Не поленились, зашли – нет его и там.

Битый час по улицам носились, всех спрашивали: никто не видел, никто не знает. Пришлось возвращаться в ДК, где мероприятие проходило. Глядь-поглядь, а пан Анджей преспокойно в кафе напротив зала, где должно проходить мероприятие, сидит. И не думал теряться: вышел из гостиницы, захотел позавтракать, зашел в кафе. И откуда ему было знать, что ноги сами его в нужное место к нужному времени доставили.

Понадобилось познакомиться с владельцем небольшого издательства в Германии. То есть, издательство у него там, а семья то там, то здесь. Вот и мотается.

Иными словами, если с первого раза не произвести должного впечатления, потом ищи-свищи. А как на него это самое впечатление производить? Чем порадовать?

– Имей в виду, он страстный поклонник и коллекционер чая. Так что, когда ты придешь в гости, тебя усадят за стол и спросят, какого бы вы чая желали, нельзя спрашивать, какой есть. Ты должна четко назвать любимый сорт, и если он есть в коллекции, считай, что экзамен выдержала, – объяснили мне.

Но это легко сказать – назвать сорт. Можно конечно выбрать что-то радикальное – например, черный или зеленый, так ведь тут же начнутся вопросы. А может быть у них, у гурманов, не принято пить просто чай, а нужны добавки, например, зеленый с жасмином, или черный с абрикосами? вдруг чем легче задание, тем оно вульгарнее? Или придумаю какой-нибудь этакий-разэтакий чай, собранный в полнолуние, после дождичка в четверг, руками тайской принцессы, а где такой отыскать? В общем, подумав, я выбрала беспроигрышный вариант – молочный улун. Не самый распространенный сорт, но уж точно самый вкусный. Вообще-то по чаям я не специалист, я кофе пью. Разве что по вечерам.

Все происходило, как и было предсказано. Меня чуть ли не с порога усадили за стол, поинтересовавшись, что желаю?

– Молочный улун без сахара, – не моргнув глазом сообщаю я.

– Отличный выбор, – издатель и его супруга заговорщицки переглянулись и, открыв настенный шкаф с обширной коллекцией всевозможных баночек, с гордостью извлекли требуемую и занялись заваркой.

Когда чашечка с ароматным чаем заняла место на изящном китайском блюдечке, хозяева просто светились от законной гордости. Прекрасное начало общения: они сумели доставить гостю удовольствие, отыскав в своих запасах именно то, что нужно. Видя их счастливые лица, я и сама расслабилась и, сделав первый глоток, тоже заулыбалась.

– А чего желаете к чаю? – Очаровательная хозяйка склонилась ко мне, сияя, точно медный таз.

И я, уже расслабленная (еще бы, экзамен сдан с блеском), не задумываясь, брякаю:

– Кофе.

В 2010 году «Еврокон» проходил на границе Польши, Чехии и Словакии в приграничном городе Цешин или Тешин, – рассказывает Сергей Пальцун. – Одни говорят, что-де, есть польский Тешин и чешский Тешин, а другой, что просто город поделен двумя странами на почти равные половинки. Туристы же гуляют где им вздумается, иногда по несколько раз в день пересекая немудреную границу. Встали утром, позавтракали, посмотрели программу. Но целый день ведь не просидишь на мероприятиях. «А не сходить ли нам в Чехию?». В общем, в Чехии пили пиво, а в Польшу возвращались спать.

Фэны нарисовали ведьмаковскую карту, названия прописали по-русски и по-польски и повезли в подарок Сапковскому. А он сидит, книги подписывает. Очередь человек сорок перед столом. Встали, дождались.

– Пан Анджей, мы хотим вам презентовать.

Сапковский берет карту, автоматически ставит подпись, возвращает.

Получили подписанную карту фэны, но ни капли не обиделись, даже наоборот, возгордились: «Пусть теперь кто-нибудь скажет, что карта неправильная, после того как сам автор ее завизировал»!

Принес Сергей Лукьяненко свою книгу в подарок Анджею Сапковскому, а тот, не глядя, взял и на книге той расписался: «Дорогому читателю от автора».

Проходит полгода, очередной «Звездный мост». Кто-то из фэнов, попутавшись, протягивает Лукьяненко книгу Сапковского.

– Ручка у кого-нибудь есть? – моментально реагирует Сергей. – «На правах кровной мести…»

– Это произошло в девяностых годах прошлого двадцатого века, когда Роберт Шекли приехал в Питер в первый или во второй раз.

Мы с Олегом Ладыженским устроились в удобных плетеных креслах на веранде санатория «Айвазовское». Первый день конвента, диктофон впитывает новую информацию.

– На «Крупе» проходила акция – писатели дают автографы. Писателей поставили в такие небольшие боксики, тянувшиеся вдоль стен, так что Шекли оказался напротив нас. На столах и прилавках лежали книги, которыми бойко торговали продавцы, писатели стояли рядом, улыбаясь и подписывая протянутые им издания. В общем, все шло вполне обычно, пока не произошло следующее: какие-то ребятки подписали книгу у Шекли и радостно бегут к нам:

– Олди, подпишите!

– Минуточку, это же Шекли. С какой стати, мы должны подписывать?

– Мы не знали, что вы тут будете, у нас дома есть все ваши книги, ну, пожалуйста.

В конце концов, уговорили. «Мы этой книги не писали. Г.Л.Олди», – начертали мы на форзаце. Ушли парни. После них, нам еще протягивали Библию, на которой мы уже твердо отказались расписываться.

И тут я перехватываю взгляд Роберта. Он на нас с той стороны смотрит, и у него какое-то испуганно-мрачное лицо.

Он не въехал: ему подают книгу, он подписывает, потом его читатели бегут к каким-то двум странным мужчинам, о чем-то с ними долго спорят. И наконец эти типы ставят визу на разрешение вывоза автографа Шекли! Спрашивается, кто они, если не то самое злобное КГБ?

Евгений Константинов собирает автографы, много у кого взял, гордится своей коллекцией, все собирается написать о том, как эти самые автографы к нему попадают, да руки не доходят.

Однажды решил Константинов взять автограф у Евгения Лукина. С Лукиным они знакомы, какие проблемы? Взял книжку и на конвент поехал. Сидят, разговоры разговаривают. Улучив удобный момент, Константинов возьми да и положи перед Лукиным его книжку. И ручку подает: «Подпиши, пожалуйста».

«С охотой». – Лукин открывает книгу, а там уже стоит один его автограф, прошлогодний! «Жене от Жени…» И подпись.

Делать нечего, пришлось на той же книге еще раз подписаться.

Принес Андрей Кучеренко Сергею Лукьяненко их с Юлием Буркиным книгу: «Остров Русь», протянул, попросил подписать.

– Только ты к Юлику потом, – строго напомнил Лукьяненко. Взял ручку и ну на титуле рисовать. Почта от такого-то (указывает свой ник, электронный адрес): «Ні, Юлик! А что ты, мерзавец, писем не пишешь?» Вернул книгу владельцу. – Теперь иди к Юлику.

Андрей подходит к Буркину, тот в компании фэнов метрах в четырех от Лукьяненко о чем-то спорит.

– Почта, сэр. – Андрей даже поклонился.

– В смысле? – не понял Буркин. И тут же, взглянув на послание: – О, как. Давай ручку, только потом к Лукьяненко пойдешь.

«Так эти мерзавцы мне весь титул исписали! Я меж ними туда-сюда бегал раз пять», – рассказывает Андрей.

Новое издание Сапковского. Вся сага о Ведьмаке в двух томах бордового цвета. Дают Анджею на подпись.

Тот вертит в руках первый том:

– Прямо Карл Маркс какой-то.

1989 год. Конвент «Аэлита» в Свердловске. Из Москвы привезли тысячу экземпляров книги «Глубокоуважаемый микроб, или Гусляр в космосе», – рассказывает Сергей Битюцкий. – В узкий коридорный проем ставим стол. Вторую такую же нору занимает автор».

А надо сказать, на «Аэлите» собралось в лучшем случае человек шестьсот – то есть, экземпляров на всех хватит с гарантией. Но народ не верит и атакует дверной проем живой лавиной, так что привезшим книги Михаилу Якубовскому, его супруге Анне Тетельман и Сергею видны только потные, возбужденные лица и тянущиеся к ним руки с трешками.

«Братья фэны, родные, у нас тысяча, всем хватит!» – пытается перекричать толпу Битюцкий. Бесполезно.

Трое у амбразуры как заведенные вынимают из рук деньги и передают книги. Постепенно давка начинает рассасываться, получившие книги фэны перетекают ко второй норе, за автографами, где волну встречает Игорь Всеволодович.

У стола с оставшимися книгами мокрые, чуть ли не задохнувшиеся, остаются Битюцкий, Якубовский, Тетельман.

Булычев берет у очередной девицы книгу.

– Как вас зовут?

– Ира.

Подписывает «Киру Булычеву от Иры». Потом сообразил, что испортил подпись и приписал вдогон: «Ирочка, извините, вы у меня сегодня четырехсотая».

– «Звездный мост», последняя ночь, все уже устали, состояние совершенно жуткое, лечь и вырубиться.

Да не тут-то было, Александр Ген только обрадовался, что его сосед по номеру Стас Нужный благополучно уснул на своей койке, как в комнату просочился Ярослав Пушкарев, тот самый, который послужил прообразом Ильи Муромца в романе «Остров Русь». В том году он снял для себя одноместный номер, «чтобы отдохнуть ото всех», но там было не с кем поговорить, так что Ярослав днем и ночью тусовался у друзей.

В три часа ночи, когда Ген каким-то образом уговорил Илью Муромца для разнообразия отдохнуть до утра в собственных апартаментах и собрался уже ложиться, в комнату ввалились веселые и не ко времени общительные Яр и Лукьяненко. Вошли, без разрешения плюхнулись на свободную койку, ни на секунду не прекращая начатого еще в коридоре разговора.

Уставший и злой Александр Ген устроился на стуле напротив, кручинясь о своей злой участи и прикидывая, нельзя ли выжать хоть что-то положительное от сложившейся ситуации. Ведь вот он перед тобой – знаменитый автор «Дозоров» в добром здравии и хорошем настроении, а в видеокамере на кассете осталось еще место. Задать вопрос, записать, потом дома смонтировать… Нет!

– Ничего не хочу, хочу спать.

Меж тем, Яр и Лукьяненко обсуждали писательские ошибки, путешествующие из книги в книгу.

– Вот их в первом издании не убивают, так они и переползают во второе, третье… дальше, дальше… – разоряется Яр.

– Не знаю, как у других, а у меня с этим все нормально, – отмахивается Лукьяненко.

– Не скажи, – останавливает Сергея Яр. – Помнишь, у тебя был рассказ, в котором, – он закрывает глаза и цитирует: «Гондола была квадратная, три на четыре метра…»[12] Лукьяненко на глазах начинает трезветь, подпрыгивает и, чуть ли не сломав дверь, вылетает в коридор.

Яр несется за ним с воплем:

– Сережа, куда ты?!

– Звонить редактору!!!

Когда вышел «Черновик» Лукьяненко, товарищи по писательскому цеху говорили, что если в книге исправить все ошибки, можно издавать под новым названием «Чистовик».

Бронислава Громова в Харькове спускается в метро и обнаруживает на перроне мирно поджидающего поезд Сергея Лукьяненко. Подходит: «Привет, Сережа». – «Привет». – «А что ты здесь делаешь»? – «Поезда жду». – «А чего ты не в Москве»? – «А что мне делать в Москве?».

Ситуация странная, он узнает ее, на вопросы отвечает, но все как-то не так, словно пришелец из параллельного мира в славный город Харьков пожаловал, или она сама в какую-то непонятность туманную провалилась.

Потом выяснилось, это не Лукьяненко, хотя и Сергей, а Броню знает, потому что они с ней когда-то вместе учились. Настоящая копия Лукьяненко.

Услышав из уст супруги эту историю, Дмитрий только и мог что жалеть, что она не догадалась взять у новоявленного «Лукьяненко» номер телефона. А что? Пригласили бы его на «Звездный мост», а, когда ведущий объявил бы Лукьяненко, выпустили бы двойника. Пусть бы потом они друг у друга отнимали приз.

Бегала с диктофоном по «Еврокону» в прошлом году, интересный материал искала. Вдруг неведомый мне писатель, – не буду называть фамилию, – отчего-то возжелал непременно со мной сфотографироваться. Ну, просто до зарезу нужно, вот помрет он без этой фотографии, хотя более чем уверена, что либо с кем-то перепутал, либо просто заскучал. Сфотографировались, поболтали, подарками обменялись, да я и продолжила прерванный полет. А где-то через месяц приходит сообщение: «Умер»!!!

1973 год. Еще ни разу не поэт, тринадцатилетний Саша Смирнов (в будущем Александр Смир) в своей второй Саянской археологической экспедиции, которую устраивали от Дворца пионеров и школьников им. А.А. Жданова.

Жара градусов сорок, переход уже длится несколько часов, вода во фляжках закончилась. Сашка старается не обращать внимания на нытье подопечных; в этой маленькой группе он старший, и плевать, что двое из четырех участников похода пятнадцатилетние. Руководство поручено ему, он и должен довести ребят до места.

Синее-синее небо над головой, ни облачка, сейчас бы колодец, холодный горный ручей… губы пересохли, по лицу течет липкий пот. И тут кто-то из ребят увидел озеро.

Далеко внизу круглое голубое озеро! Все невзгоды позабыты, усталости словно и не бывало. С радостным воплем «Вода!!!» ребята устремляются к озеру. И замирают в нескольких шагах – прямо на их глазах голубая вода оборачивается поляной незабудок.

Саша смотрит то на незабудки, то на небо в незабудках. То, что внизу, тождественно тому, что наверху; то что наверху, аналогично тому, что внизу. А незабудки везде. Голубые цветы в глазах одноклассницы, с которой он ни разу так и не заговорил… Голубые цветы кружатся вокруг ребят, цветочной метелью. «Запомни меня», «Не забывай меня»…

– Решило правительство Москвы помочь театру на Таганке, объявило тендер на изготовление декораций, провели конкурс. Участвовали серьезные театральные мастерские, художественные студии, отдельные декораторы, художники с именами. Но неожиданно для всех, тендер выиграла компания, изготавливающая заборы, – рассказывает Константин Кедров. – А на заборы известно, какая краска идет – тошнотворно-зеленая.

В результате в театр приходит бумага, в которой главного режиссера Юрия Петровича Любимова просят отчитаться о количестве зеленой краски, которую он намерен потратить на декорации в следующем году.

Можно представить себе гнев Любимова. Когда еще помнится свой родной, несправедливо отобранный театр, строительные материалы для которого доставал сам Владимир Высоцкий. Актер лично ездил на кирпичный завод, где для него изготавливали какие-то особенные кирпичи.

В настоящее время театр на Таганке занимает роскошный подвал с разветвленными коридорами и разнообразными катакомбами. Всякий раз, оказываясь по своим делам в кабинете Юрия Петровича, Кедров боится затеряться и сгинуть в этих лабиринтах.

Потому что стоит не там повернуть, и вместо выхода ты вдруг оказываешься в чьей-то гримерке, в помещение для декораций или среди леса костюмов.

Юрий Петрович Любимов ненавидит театральную

условность, он не желает терпеть на сцене ни воняющие клеем бокалы из папье-маше, ни какой-нибудь иной фальши.

Любимовские актеры могут играть вообще без грима, но режиссер делает это очень тонко и деликатно: все без грима, но один в гриме. Спектакль идет без декораций, не потому, что их априори не существует, а потому что одна деталь призвана заменить их все.

Любимов о Владимире Семеновиче Высоцком в роле Гамлета: «Я его выбрал как поэта, потому что Шекспир – поэт, Высоцкий – поэт. Он вытянет».

Работая над «Театральным романом» Булгакова, Константин Александрович Кедров этот самый спектакль пережил в жизни. Все, вплоть до самых незначительных деталей. В то время, когда Любимов проходил с актером сцену у машинистки, точно такая же сцена разворачивалась за кулисами, с Кедровым в главной роли.

Пока Кедров не отыграл весь спектакль, удачно избежав самоубийства героя в конце, постановка не могла сдвинуться с места.

Любимов привык, что зритель реагирует на созданный им символ, поэтому он очень удивился и возмутился, когда в зале начали смеяться и аплодировать репликам актеров. На спектакле «Сократ-оракул», проходящем в Греции, в зале сидели сократоведы, которые встречали взрывами хохота не сцены спектакля, а передающийся бегущей строкой Кедровский текст.

Поняв, что происходит, Любимов очень обиделся.

Любимов всегда с придыханием отзывался о творчестве Булата Шалвовича Окуджавы. Зная это, Кедров написал стихи для хора в «Сократе» на музыку Окуджавы к «Виноградной косточке».

Любимов сначала велел петь настоящую песню Окуджавы, а потом, обвыкшись и перетерпев, все же взял текст Кедрова.

«Вы не обращайте внимания, – говорил Любимов. – Я всегда сначала говорю “нет”».

После спектакля «Сократ-оракул» Юрия Петровича окружили журналисты:

Журналист: А слова песни чьи?

Любимов: Окуджавы.

Сидящий тут же Кедров: Юрий Петрович, слова мои.

Любимов: То-то вы все и выбрасывали!

Есть у Любимова слабости. Актер по фамилии Высоцкий, но не имеющий никакого отношения к Владимиру Семеновичу, играя Репетилова в «Горе от ума», сорвал аплодисменты.

Любимов очень оскорбился и тут же высказал свое «фи».

«Вы на себя отвлекаете внимание. Кем вы себя возомнили? Спектакль должен восприниматься в целом».

Еще бы сказал: «Вы мне хор заслоняете».

Для проведения первого «Дня поэзии» понадобились деньги на аренду зала, свет, оплату гардеробщиков – три тысячи долларов. Откуда взять?

Кедров пошел в банк.

Кедров: Дайте, пожалуйста, денег на проведения «Дня поэзии».

Банкир: Сколько нужно?

Кедров (с замиранием сердца, еле-еле): Три тысячи долларов. (Страх: а вдруг это много? А вдруг ничего не дадут, взашей погонят?)

Банкир (заинтересованно): Вам перечислить на счет или в конверте принести?

Первый «День поэзии», у Андрея Вознесенского начал пропадать голос. То есть, буквально неделю назад нормально читал со сцены, а тут еле шепчет. Из зала недовольный ропот: громче!

Вознесенский, прерывая начатый было текст: «Голос теряю, теряю голос…». Зал слушал как завороженный.

1983 год, зима. Идет по улице печальный Иннокентий Смоктуновский, навстречу ему Константин Кедров.

Смоктуновский: 1984 год последний – будет конец света!

Кедров: да?! (И мысль: издевается?)

Смоктуновский: Я вам докажу.

Подводит его к зданию, на котором красуются цифры 1984, при этом 198 закрашены синей краской, а 4 – белой. Эта белая четверка заставила чуткого Смоктуновского воспринять увиденное как знак, подумав о конце света.

Мои следы, что не впустили в дом,
Забытые, замерзли на пороге.

– Дело было в июне 2009 года. В Михайловском театре исполнялся «Реквием» Джузеппе Верди. Не традиционное

концертное исполнение, а самая настоящая театрализованная постановка, – вспоминает Татьяна Лестева. – Хористы в белых балахонах со свечами в руках и венками, цветы на которых не вплетены по известному обычаю, а стоят на тонких ножках, прикрепленные к золотистому ободку. Окончив петь, хористы снимают венки и кладут их на сцену, которая сразу преображается в цветущую поляну.

На подиум поднимаются две солистки – колоратурное и меццо-сопрано, чтобы исполнить дивный по красоте дуэт “Agnes deus”[13]. В это время легкий ветерок из-за кулис шевелит лепестки цветов. Льются божественные звуки дуэта. И тут из правой кулисы, как представитель света, медленно и торжественно выходит большой серый полосатый кот. Не выказывая ни малейшего страха, красавец меланхолично проходит по сцене и укладывается на середине, у края рампы, спиной к зрителям, ровно напротив подиума с солистками. Замирает, точно статуэтка, внимательно наблюдая за ними, и лишь роскошный хвост слабо подрагивает в такт мелодии.

Ветерок шевелит цветы, в зале раздаются смешки и перешептывания, кот недовольно подергивает ухом, солистки поют, кот слегка дирижирует хвостом. На последнем аккорде, котище встает и, потянувшись и со значением подняв пушистый, похожий на плюмаж хвост, торжественно покидает сцену. Зал разражается аплодисментами. На крики «браво» на сцену возвращаются обе солистки. И только таинственный дирижер так и не вышел на поклон.

На выставке в Эрмитаже, молодой человек, должно быть петербуржец, проводит экскурсию с ребятами школьного возраста. Остановившись перед изящным сервизом в стиле рококо, застыл на мгновение, нахмурив лоб и почесывая подбородок.

– Даже не знаю, это либо Франция, либо… Париж.

– Владимир Михальчук виртуозно проводит экскурсии по Львову, – рассказывает Владимир Софиенко. – Сложилось ощущение, что он очень долго изучал историю своего города, так что и сам полностью сжился с ним.

«Вот это брусчатка такого-то года. Вот здесь паны жили, там казачество, тут была масонская ложа. Вот, обратите внимание, прямо в этом доме, мы с друзьями работали по металлу. – Мечтательно закатывая глаза: – Бывали такие красивые откаты!

Обратите внимание на Олеський замок: здесь снимались «Три мушкетера», вот прямо по этой улице проскакал д’Артаньян.

Направо когда-то возвышался монастырь. Посмотрите налево, в этой общаге я… сами понимаете, общежитие женское. В окно приходилось забираться по простыням. Упал».

В замке за плату можно было облачиться в старинные наряды. Оделись, пофотографировались, но никто не торопил гостей переодеваться в свое и они какое-то время гуляли коронованные и отчего-то невероятно счастливые, пока Владимир Михальчук не повел их в ресторан при замке.

Прежде в этом помещении размещалась людская, а сейчас сделан элитный ресторан.

«Здесь крутые сидят», – шепнул Михальчук, подвигая Лене, жене Владимира, рюмку местной наливки.

В золотой короне Владимир Софиенко тоже чувствовал себя вполне себе крутым. А в голове уже складывалась история «Тайны Олеського замка».

Две дамы у римской колонны в термах Антонина:

– Венчик как у нас на сталинских домах.

– Естественно. Там империя. Здесь империя. Этот стиль так и называется – эмпирическим.

Оказывается, когда Казимир Малевич создавал свой знаменитый авангардный «Черный квадрат», публика уже четверть века как знала эту картину, написанную французским писателем-юмористом Альфонсом Алле в 1893 году под грациозным названием «Битва негров в пещере глубокой ночью». Кроме того, Алле раньше на семьдесят лет создал свой «Траурный марш для похорон великого глухого», который после него повторит, не сбившись ни на одну ноту, Джон Кейдж. Его произведение получит название – музыкальная пьеса из одной тишины «4’33"».

В начале девяностых Григорий Панченко работал при группе уличных художников, совмещая должности зазывалы и вышибалы в одном лице. Дело оказалось нехлопотным: если заявлялся какой-нибудь агрессивный тип, рэкетир или буйный псих, его следовало осадить и выпроводить подобру-поздорову. В остальное же время, он сидел на складном стульчике, перед входом в павильон и писал фантастику.

Однажды приходит незнакомец и спрашивает старшего. Панченко оглянулся. Все художники были заняты своими делами, кто-то увещевал покупателя, кто-то прикреплял объявление.

– Я старший. Что вам угодно? – вежливо поинтересовался Григорий, поднимаясь навстречу гостю и заранее готовый

пересказать заученную информацию.

– Я экстрасенс, – отрывисто кивнул незнакомец, задиристо глядя на Панченко, – я известный экстрасенс, маг в третьем поколении и, если вы мне не заплатите дань, я немедленно нашлю на вас порчу. Лично на вас, порчу на глаз.

– На какой глаз, на левый и на правый? – вежливо поинтересовался Панченко.

– На правый, – немного подумав, уточнил колдун.

– Поскольку я правша и мы стоим лицом друг к другу, – доверительным тоном сообщил Григорий, – мне вам удобнее наслать на левый.

В следующую секунду агрессор обнаружил себя на земле, сбитый с ног таким мощным аргументом, как кулак профессионального бойца.

– Это вам с рук не сойдет! – заорал он, сидя на земле и держась за подбитый глаз. – Я не какой-нибудь, я дипломированный специалист. – Он вскочил, гневно выхватил из кармана зеленоватые корочки. – Я экстрасенс международного класса! Ясно вам?!

Полюбоваться на драку подтянулись зеваки. Побросав свои дела, за спиной Панченко выстроились бледные, напуганные художники. Желая немедленно заткнуть скандалиста, прекратив тем самым отвратительную сцену, Григорий поспешил наслать тому порчу на правый глаз, но промахнулся, залепив посреди лба. Третий глаз не открылся, но зато теперь агрессор покидал поле боя, унося свежеприобретенные трофеи: синяк и быстро растущую шишку.

– Лучше бы мы ему заплатили? – с ужасом перешептывались между собой художники.

После происшествия они еще несколько дней наблюдали за лицом своего защитника, пытаясь определить, не проявится ли на нем порча. А Григорий корил себя за то, что не отобрал корочки, ведь, имея на руках подобное «оружие», мошенник по-любому продолжит осуществлять свой астральный рэкет, а виноват будет он, Панченко. Не сообразил.

И действительно, через недельку, по дороге на работу Григорий приметил старого знакомого, который на этот раз приставал к газетчикам. Поняв, что это его шанс исправить положение, вернув, таким образом, в свою душу мир и гармонию, Панченко неспешно побрел в сторону мага-рэкетира, нежно улыбаясь последнему. В голове тут же сложился нехитрый план – затеять вежливый разговор, в результате которого новоявленный Калиостро вытащит свой охранный амулет и тогда…

Заметив его, экстрасенс сделал большие глаза, и… исчез.

Песочные замки на берегу.
За ночь сточил дождь.
– Древние руины, – вздохнул ребенок. —
А ведь еще вчера донжон, сторожевые башни,
Крепостные стены.

Решило издательство «Феникс», что в городе Ростов-на-Дону, вместе с питерским «Северо-Западом» сделать книжку какой-нибудь великой лечуньи. Такая литература хорошо продавалась, многие конторы на этом жили. Не побрезговала и команда Александра Лидина. Придумали целительницу Рындину, внятно прописали биографию – не подкопаешься, сделали от ее имени книжку, другую, третью… пошло-поехало.

Год прошел или два, издательство давно уже о придуманной лечунье позабыло, и вдруг выясняется, что во Всемирной Паутине самостийно образовалось общество последователей целительницы Рындиной. Причем они не просто книжки читали, а реально начали доставать издательство звонками да письмами, умоляя дать координаты придуманной дамы. А потом вроде как и она сама объявилась…

В рассказе «Только там, где движутся светила…», написанном в 1980 году, у Алана Кубатиева есть оригинальная идея: в космос отправляют людей, полностью беззащитных перед нашим миром, тех, у которых нет иммунитета. То есть, в космосе им хорошо, а на земле – смерть. А года через два, Алан читает в «Комсомолке» статью, в которой американский папаша своего чуть ли не новорожденного сынулю реально обрек на вечные мытарства в стерильной детской и на прогулки в скафандре с полным жизнеобеспечением и обеззараженным фильтрованным воздухом. Решил, должно быть, что его идеальный ребенок не должен жить в этом гнусном мире, дыша смогом и отравляя свой неокрепший организм. Там даже фотография в половину полосы наличествовала: по дорожке в парке вышагивает крошечный космонавтик с совочком для песка в бронированной перчатке. В скафандрике, понятное дело, никаких бактерий, а, стало быть, организм не получает навык борьбы и сопротивления окружающей среде, в результате у ребенка вообще не развивается иммунитет. А дальше самое страшное: мальчик подхватил простенькую инфекцию, что-то типа банального ОРЗ, с которой нормальный ребенок неделю пошмыгал бы носом и был бы выписан в школу или садик, возможно, даже без освобождения от физкультуры, а этот заработал отек легких и скончался.

Вот те раз, получается – предсказал!

10 ноября 1982 года проходит первый в истории литературный семинар «Малеевка». В группе Дмитрия Александровича Биленкина разбирают рассказ Алана Кубатиева «Портрет с коляской». Главный герой – мальчик-живописец, кого ни нарисует – жди беды. И вот пишет юный художник какую-то страшную страну и генерала-президента в орденах, которые он сам на себя навешал за семнадцать лет правления. Народ обсуждал, критиковал, ругал, хвалил, Алан отбивался – всё как обычно. Вдруг открывается дверь, входит бледная и взволнованная Нина Матвеевна Беркова: «Товарищи, в жизни нашей страны произошло важное и трагическое событие – скончался Леонид Ильич Брежнев».

Все ошарашенно молчат, а Алан только что сквозь пол не проваливается: семнадцать лет правления… все слышали, отбрехаться не получится. И главное, никогда политикой не интересовался, напротив – показательно держался в стороне. Что теперь, сухари сушить?

Меж тем, народ кое-как в себя приходить начал, кто-то в курилку побрел, другие вполголоса новость обсуждают, на Алана косятся, стороной обходят. Все всё поняли, предсказание оценили, но кому какое дело, что человек буквально пальцем в небо угодил, что вроде как ни при чем. Недоказуемо. Но все равно страшно.

Проходя мимо Алана, Самвел Диланян склоняется на секунду и оглушительным шепотом на всю аудиторию: «Твой малчик все-таки убил президента!»

Новость разлетелась по зимнему скучающему писательскому дому. И вскоре в номер к Кубатиеву является делегация мистически настроенных писательских жен: «Будьте пожалуйста осторожны. У вас установилась связь с тем местом, где формируются явления». Алан вежливо выслушал все предостереженья и советы и клятвенно пообещал впредь быть осторожнее с тем самым местом и по возможности генералов-президентов не убивать даже в мыслях. Слово сдержал.

Кто не верит в предсказания? Вот, родившийся в 1835 году, когда на небе была видна комета Галлея, Марк Твен верил в то, что, придя на эту землю с кометой, с ней же и уйдет. Так и получилось. Писателя не стало 21 апреля 1910 года, на следующий день после очередного прохождения кометой Галлея точки перигелия[14].

– Учитель моей жены, профессор Валерий Владимирович Соложенкин, – Алан Кубатиев делает паузу, пытаясь распознать, знакома ли мне фамилия, и, поняв, что нет, уточняет: – Она очень хороший детский психиатр… Так вот, Валерий Владимирович пригласил своего товарища, одного из лучших советских, а ныне американских психиатров Виктора Ефимовича Кагана, чтобы тот провел семинар для врачей. Неделя прошла на ура, и под занавес лектор предложил задавать любые вопросы.

Марина попросила рассказать, не происходило ли в практике знаменитого врача чего-нибудь, объяснения чему он не смог найти.

– Да, – ответил Каган, и рассказал, что как-то раз его попросили посмотреть женщину, заранее не объясняя, в чем ее проблемы. Дело во врачебной среде вполне обычное; лечащий врач может годы биться о выстроенную болезнью стену, а новый человек раз взглянет свежим взглядом – и вот она, заветная дверца и ключ к ней.

– Хорошо, приму, но только пусть она сначала позвонит мне домой.

Женщина дала о себе знать буквально на следующий день.

– Ко мне являются инопланетяне, – сходу начала она.

«О, привет, наш человек», – пронеслась невеселая мысль. Психиатр попросил описать, как происходят встречи.

– Я их не вижу, но они приходят во сне и начинают мне что-то говорить, а я не могу понять, чего они от меня требуют. А наутро просыпаюсь совершенно разбитая.

– Понял. Вот что мы с вами сделаем, если они еще раз заявятся: скажите, чтобы зашли ко мне.

Каган пошутил, но женщина сказала спасибо, должно быть, кивнув невидимому собеседнику и повесила трубку.

Проходит месяца два. Утром Виктор Ефимович просыпается в состоянии тяжелейшей интоксикации, хотя не пил, вроде, не болен, но голова раскалывается, руки-ноги трясутся, во рту мерзко. На работе его тут же развернули домой – лечиться.

Только добрался, залег на диван, раздается звонок, он берет трубку и сразу узнает даму.

– Вы знаете, они опять появились, и я им сказала, чтобы они с вами связались. И они ушли! Мне теперь так хорошо! Так легко! Спасибо вам!!!

– Когда это было? – борясь с головной болью, уточняет психиатр.

– Вчера вечером, и я чувствую, что они не вернутся.

Трудно делать два дела одновременно, тем более, если эти

дела однотипные. Можно красить забор и одновременно слушать в наушниках лекцию или обдумывать следующую главу романа. Но писать сразу две книги…

Впрочем, однажды у меня это почти что получилось. Оговорка: я работала над «Ближним морем», одновременно собирая материал для исторического романа «Карл Брюллов». Обе книжки, по задумке, заканчивались глоссариями, которые я в свободное от писанины время заполняла. Дело нудное, но несложное – ищешь информацию об упомянутом в тексте лице, копируешь, а затем переписываешь своими словами. В «Ближнем море» современные персонажи: художники, поэты, писатели, в «Карле Брюллове» то же самое, только девятнадцатый век.

В «Ближнем море», в основном, писатели-фантасты: Святослав Логинов, Г.Л.Олди (это Дмитрий Громов и Олег Ладыженский), Елена Хаецкая, Анджей Сапковский. В «Карле Брюллове» – скульптор Клод с семейством, все Брюлловы, Брюлло и даже Брыло, Пушкин, Волконский, Кукольник, Гоголь…

И вот добралась я до писателя-историка Ивана Лажечникова, автора «Последнего новика» и «Ледяного дома».

Глядь в интернет – нет. Яндекс пытаю – нетути, гуглю – тот же результат. Время – три часа ночи, устала, глаза почти ничего не видят. Сейчас бы биографическую справку на Лажечникова получить и баиньки.

Что за ерунда?! Нет ничего в Инете, хоть тресни! Википедия, Яндекс-словарь, словарь Ушакова, энциклопедия…

Но этого просто не может быть?!

Пригляделась, а у меня в поиске вместо «Лажечников» написано «Ладыженский «Ледяной дом»! А Олди пока ничего подобного не писали.

Как-то раз на Бастконе, году эдак в 2009-ом отловили Симона Вилар и Елизавета Дворецкая историка Сергея Алексеева, усадили на диванчик в холле и ну его пытать об исторических процессах Древней Руси. Благо обе этой темой занимаются, романы пишут. Так отчего же не поучиться, новенького не узнать у признанного в этом деле специалиста и отличного рассказчика? Сергей, разумеется, тоже польщен вниманием, да и тема писательниц интересует достойная – о походе Бравлина[15].

Сидят, разговоры разговаривают, вопросы задают, а в это время в холл входит Александр Золотько. Подошел, остановился, окинул благородное собрание взглядом и изрек, словно подпись к картине поставил: «Молодой раввин обучает женщин Торе».

«И мне это страшно понравилось, – рассказывает Елизавета, – потому как мы и правда Сергея рассматриваем как светоч в

полумраке наших литературно-научных исканий».

Однажды, зайдя в Летний сад, Ольга Виор столкнулась там нос к носу с Александром Сергеевичем Пушкиным.

– Не с Пушкиным, а с костюмированным актером, в тот день в Летнем саду проходил праздник вот и… – непременно уточнит кто-нибудь из внимательных читателей. Ольга же не задумывалась, «откель здесь Пушкину взяться?», а просто подошла к «Нашему всему»:

– Здравствуйте, Александр Сергеевич!

– Здравствуйте, – поэт снял шляпу.

– А давайте я сфотографирую вас вместе: современный поэт с поэтом-классиком?! – обрадовалась собственной сообразительности подошедшая к Виор поэтесса Марина Скородумова. Сфотографировались, когда еще случай представиться?

– А вы тоже стихи пишете? – поинтересовался Пушкин. – Почитайте.

Виор послушно начала читать. Вокруг собралась небольшая толпа. Интересно же – Александр Сергеевич слушает стихи, улыбается.

– А можете подарить мне книжечку?

– Да пожалуйста, – у Ольги в сумке завсегда припасена пара-тройка экземпляров, на случай встречи с Пушкиным. Так и подписала: «Пушкину от Виор».

Никогда не имея под руками блокнота, Анатоль Франс записывал пришедшие на ум строки на любой бумаге, оказавшейся у него под рукой. На листе чужих стихов, данных ему на прочтение, на салфетках, на конвертах, на самих письмах и даже на важных документах.

Не успевший проснуться чайник, закипая, ворчит: «Опять она поздно вернулась домой».

Странное место интернет. Захожу «ВКонтакт». «У меня беда, – пишет знакомый. – Сын пропал». А рядом с сообщением с десяток лайков. То есть, я, конечно, понимаю, что люди пытаются информацию распространить, но ведь если вещи своими именами называть, получается, что у одного беда, а другим: «нравится», «нравится», «нравится»…

Интернет – место социального неравенства, телефон, к примеру, никогда не оборет в Инете компьютер. Проверено.

Кароши – японское слово, означающее внезапную смерть на рабочем месте, вызванную усталостью и переутомлением. Иногда мне кажется, что так и будет.

Выдвинули в 1990 году Льва Николаевича Гумилева кандидатом в члены Академии наук СССР. Сначала на открытом заседании Секции синергетики географических систем РГО[16], посвященном 25-летию пассионарной теории этногенеза Л.Н.Гумилева.

Леонид Григорьевич Колотило – ученый секретарь секции – сделал доклад на тему: «Этногенез – явление космическое» и предложил выдвинуть Л.Н.Гумилева кандидатом в действительные члены АН СССР. Предложение было поддержано Секцией. И в тот же день на круглом столе, устроенном Ленинградским телевидением в программе «Зеркало», где участвовали Л. Н. Гумилев, А.М. Панченко, К. П. Иванов, Л.Г, Колотило – это решение было радостно поддержано.

Прошло еще немного времени, и на IX съезде Географического общества СССР **в** Казани, нашего героя снова выдвигают в академики. Но теперь уже по секции истории, на что участники съезда не имели формального права. Но ведь от чистого же сердца!

Казалось бы – дело в шляпе. Но в результате в академики был избран не Гумилев, а член-корреспондент В.М. Котляков, выдвинутый по секции наук о Земле.

– Что касается уважаемого В.М.Котлякова, – делится собственным мнением рассказавший эту историю писатель Андрей Буровский, – то нет никаких сомнений что это известный и по заслугам уважаемый ученый. И в Академию Наук он попал правильно. Что же до Льва Николаевича, то с бюрократической точки зрения он тоже не попал по вполне объективным причинам – документы поданы были не так, как положено. В общем, нашли, к чему прицепиться, и не пустили.

Лев Николаевич Гумилев не доверял правильности радиоуглеродной шкалы применительно к культурам бронзового века Минусинской котловины. И в разговоре с дотошным Андреем Буровским, привел несколько примеров, когда в результате этого анализа были допущены существенные ошибки. А ведь это очень важно для датировки!

Желая проверить это утверждение учителя, Андрей Буровский провел собственный эксперимент: взял три образца углей из кострища собственного лагеря и послал в лабораторию,

указав на трех разных баночках: «палеолит», «лесной неолит», «карасукское время»[17].

Эффект получился потрясающим – все три радиоуглеродные даты подтверждали «предварительную датировку» Буровского на сто процентов! Кто знает, возможно, что после такого казуса Андрей Михайлович и начал писать фантастику?..

– Лев Николаевич был, учитывая его судьбу, совершенно не озлобившимся человеком. Он вовсе не считал, что ему «сломали жизнь» и что он имеет право свести счеты с кем-то или с чем-то. Он ухитрялся извлекать что-то хорошее даже из самого страшного, что ему довелось пережить.

«Когда был на поселении в Туруханском крае, долго жил один… представляете Андрюша!? Сотни верст и ни одного опера! Ни одного!!!»

На одной из лекций сидящая в зале молодая студентка поинтересовалась, не начал ли он после тюрем и лагерей ненавидеть сотрудников наших «доблестных органов».

– Нет. Не они же меня сажали, – удивился вопросу Лев Николаевич.

– А кто?! – не поняла девушка.

– Коллеги, разумеется, – не раздумывая ответил Гумилев.

Студентка в буквальном смысле слова лишилась дара речи. Она стояла с широко открытыми глазами, отрывала и закрывала рот, – рассказывает Андрей Михайлович. – Сама мысль, что ученого могли сажать не злобные тупые энкаведешники, а собратья по научному цеху, была для нее настоящим шоком.

Лев Николаевич закуривает новую «беломорину», подходит к окну и вдруг радостно:

– Опять дождь! – Он любил жизнь во всех ее проявлениях.

Минут через тридцать увлекательной беседы встает, снова подходит к окну и с удвоенной радостью:

– Андрей! Дождь закончился!!!

Зимой 1990 года идут Гумилев и Буровский в Институт археологии. И тут дорогу им преграждает очередной митинг. Им бы обойти его сторонкой, ан нет, Лев Николаевич лезет вперед, вслушивается в то, что кричит очередной оратор, старается вникнуть в разговоры собравшихся. Между тем время поджимает. Буровский безуспешно тянет Гумилева к институту, тот сопротивляется. Ощущение такое, что он только этого митинга и ждал всю жизнь, и каждое слово здесь для него архиважно. Ну

просто, кусок ему в горло не полезет, пока он свою порцию околополитического бреда не схавает.

Минут двадцать так проторчали, Буровский уже устал учителя уговаривать. Встал в сторонке, закурил. Наконец, должно быть, Гумилев услышал все, что желал услышать, и довольный выбрался из толпы:

– Андрюша, это просто поразительно! – с горящими глазами поделился он свежим открытием. – На свете есть множество людей, которым совершенно нечем заняться!

Убегаю от зимы,
Но снег догоняет…

Была у Гумилева сотрудница-монголка, переводчик и этнограф Оолун (Луноликая). Говорят, у них был бурный роман… А потом она уехала домой в Монголию, где сделала карьеру: стала известной переводчицей в Академии наук. И вот, в какой-то момент, вспоминает она своего русского возлюбленного и делает ему вызов в Монголию. Не официальный (для этого нужно было, чтобы он какую-нибудь официальную должность занимал). Просто в гости, частная поездка.

Гумилев очень обрадовался, сразу же пошел заполнять официальные бумаги и… получил категорический отказ.

В то время, никто не понял, почему отказали? Теперь же эти бумаги подняли из архива и прочитали… Оказывается, в графе «Социальное происхождение» Гумилев честно написал: «дворянин», а в графе «Цель поездки»: «Провести отпуск с приятностью».

Вот его и не выпустили. Луноликая сама еще раз посетила Ленинград. Но произошло это в конце восьмидесятых, когда Лев Николаевич был уже много лет прочно женат и к тому же совсем стар… Его жена не желала этой встречи, вот она и не состоялась.

– Был он терпим и добр, открыт для общения, – рассказывает Андрей Михайлович, – со мной, совсем молодым человеком, готов был встречаться, читать и критиковать мои статьи, поил у себя на кухне чаем, советовал, те или иные книги.

Как-то раз договорились, что Андрей переделает или заново перепишет спорную статью и принесет ее Льву Николаевичу.

– Будете еще раз читать? – с сомнением уточняет Буровский.

– Буду, если не помру, – пожимает плечами Гумилев.

– Вы уж не помирайте, а?

– Я постараюсь! – Лев Николаевич энергично кивает головой: – Прочитаю, если не помру.

Ох уж эти «если». Не прочитал, потому что помер.

На красный свет
По встречной полосе
Несется снег.

Как-то шел Андрей Балабуха мимо Ботанического института. Идет, о своем думает и вдруг у ворот цепляет взглядом объявление: «Срочно требуется столяр-белогвардеец».

Возникают закономерные вопросы:

а) Где они его возьмут?

б) Если они его возьмут, то не возьмут ли его другие тоже?

в) А вообще, какая разница, если столяр хороший?

Перечитал. Так точно. Еще раз. Совсем вплотную подошел и, как первоклассник, тыча пальцем и по слогам… В общем, где-то с пятого раза наваждение прошло: «столяр-белодеревец».

Держа в руках пакетик с краской для волос, прочла следующее: «Равномерно наносите краску на заоблачную часть головы». Имелось в виду «затылочную».

В повести братьев Стругацких «Полдень, XXII век» упоминается система «Каспаро-Карпова» – метод, помогающий снять «копии» мозга, дабы в дальнейшем построить его математическую модель. Произведение было опубликовано в 1962 году, когда Анатолию Карпову было всего-то одиннадцать лет, а Гарри Каспаров еще не родился.

Предисловие к первому изданию книги Бориса Вишневского «Стругацкие: двойная звезда» писал Михаил Амосов. В его тексте была такая фраза: «Когда мне было двенадцать-тринадцать лет, моя старшая сестра принесла мне «Понедельник начинается в субботу»…».

Книга вышла, и Борис Вишневский сразу же отправил экземпляр своему отцу в Израиль. Получив подарок, отец начал читать, очень удивился и перезвонил в Питер сыну: «Что-то я не понял, – начал он, едва только Борис снял трубку. – У тебя же нет старшей сестры».

Первый раз на семинар Стругацких писатель Святослав Логинов (тогда Витман) попал в 1974 году, в один день с Вячеславом Рыбаковым. Пришел, спросил:

«А фантасты когда собираются?»

Выяснилось, что ближайшее заседание семинара состоится

через два часа. Так что Святослав, не заходя домой, все это время бегал по улицам, так и не сумев заставить себя хотя бы зайти в местный буфет, в котором можно было уютно устроиться до часа Икс.

«Там же писатели – страшно!»

В самом начале на семинар Стругацких принимали всех, – рассказывает один из старейших членов семинара Святослав Логинов. – Кандидата спрашивали:

– Пишешь?

– Нет.

– Пусть лучше на семинар ходит, чем пиво в парадняках жрет, – отмахивался Борис Натанович, и человека принимали.

Таким образом, на семинаре оказалось слишком много народа, из которого, в лучшем случае, писала треть. Произвели чистку, отсеяли лишних. Протокол приема сделался более жестким:

– Пишешь?

– Да.

– Рукопись.

– Нету.

– Ладно, в следующий раз принесешь.

Для многих следующий раз так и не наставал. И вскоре праздношатающийся люд снова собирался в изобилии. И Борис Натанович был вынужден объявлять новую генеральную уборку.

– О знаменитом на весь Ленинград семинаре Стругацких ходили странные слухи. В частности, рассказывали, будто бы на этом семинаре можно говорить все, что хочешь, о советской власти, и ничего тебе за это не будет. Поэтому время от времени на заседания забредали не любители фантастики, а дорвавшиеся до трибуны крикуны. При виде «пришельцев» Борис Натанович делал несчастное лицо, – рассказывает Святослав Логинов и тут же добавляет: – Не любил он дураков, а с нами – пишущими фантастику дураками – возился.

Лет пять подряд все первые заседания на семинаре открывались разбором новых произведений Логинова. Почему? А у него рассказики короткие, автор читал их, и народ тут же обсуждал. С повестью или романом такой штуки бы не получилось.

– Знаменитые заседания семинара проходили в форме суда, – делится воспоминаниями Александр Щеголев. – Сам Борис Натанович был судьей, выбирались адвокат и прокурор.

Голосовать за автора полагалось деньгами – высший балл 13 копеек. Ровно столько стоила чашка кофе в Доме писателя.

Когда все, кто хотел, уже выступили, да так, что подсудимый был готов провалиться сквозь пол, раз и навсегда покинуть семинар, а то и вовсе оставить это неблагодарное дело, слово брал сам Стругацкий. И тут выяснялось, что он все понял – все, что на самом деле хотел сказать автор. И даже знал, что ему помешало это сделать.

Когда в 2012 году вручали первую АБС-премию Евгению Лукину за роман «Зона справедливости», особо нелюбимый коллегами писатель N. пробормотал:

– И почему я не в этой зоне?

Услышавший его слова Романецкий шепнул стоявшему рядом Арно:

– Слава Богу, что он не в этой зоне. А то бы Лукин отказался от премии!

90-е годы, «Интерпресскон», вечер, встречаются Борис Стругацкий и Борис Штерн. Штерн то ли еще пьяный, то ли уже похмельный. В общем, мутный, тяжело ему.

– Как вам конвент? – интересуется Борис Натанович.

– Замечательный конвент, – держась за больную голову, ответствует Борис Гедальевич. – Все очень хорошо, только пить нужно меньше.

– Вы совершенно правильно понимаете ситуацию, – с готовностью кивает Стругацкий. – Большое спасибо.

На следующий день на закрытии конвента Борис Натанович произносит речь на тему «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, но только, как правильно заметил один наш коллега, пить надо меньше». В этот момент откуда-то с галерки раздается веселый голос уже поправившего свое здоровье Бориса Штерна:

– Как, еще меньше?

В военном пансионате «Тарховка» после ремонта сделали огромный номер люкс, там можно было разместить компьютеры и принтеры, столы для переговоров и возлияний; там была сауна и удобные диванчики, на которые в случае чего можно было уложить не успевших разжиться собственным номером гостей. В общем, устроитель «Интерпресскона» Александр Сидорович решил сделать там штабной номер. О чем и сообщил руководству гостиницы.

Но человек предполагает, а бог располагает. Приехал Сидорович в день заезда, смотрит список заказанных номеров, а

огромного номера под оргкомитетские нужды в нем нет. Что за ерунда?

Оказалось, что приехавший раньше Василий Головачев уже занял его. Обидно, ну да не ссориться же с хорошим человеком. Сидорович, понятное дело, обиделся, но вида не подал, решил, что уж на следующий год заберет лучший номер себе. И пусть Головачев хоть в лепешку расшибется – не отдаст.

Так и сделал: явился на следующий год раньше положенного. Смотрит список и глазам не верит: номер уже занят, и, как и в прошлом году, Головачевым.

Осерчал тогда Сидорович, да и перенес весь конвент в другой пансионат, так что Головачеву и его гостям пришлось ездить на мероприятия на такси.

Александр Сидорович и Борис Стругацкий начали проводить «Интерпресскон» в 1991 году. А в 1995 произошла беда: Сидорович не только потерял издательство «Интерпрессервис», но и остался должен огромную сумму денег. Дошло до бандитских разборок. В результате большинство долгов с него были сняты, зато оставшиеся нужно было платить срочно. Директор издательства «Редан» Николай Орехов, которое сделало себе имя на издании переводов Чейза, первым пришел на помощь, сначала прислав тысячу долларов, а потом дав заказ – переводы Гарднера, на чем также можно было заработать. 500 долларов из своего кармана выдал Борис Натанович. По тем временам это были очень большие деньги. За шесть тысяч можно было купить комнату.

Заплатив по счетам, Сидорович пошел работать простым грузчиком. Тем не менее, его положение никоим образом не повлияло на «Интерпресскон». Конференция продолжала жить.

Прошло несколько лет, и Сидорович сумел собрать деньги, которые был должен Борису Натановичу.

– Саша, я эти деньги не возьму, – сразу же остановил его Стругацкий. – Считайте это моим вкладом в «Интерпресскон».

Художник Сергей Шикин изготовил дипломы для АБС-премии, а склерозный оргкомитет забыл пригласить его на церемонию. Бывает.

– Зато история его не забудет! – отвечал на недоуменные вопросы гостей писатель Романецкий.

– Да, – громко заметил поэт Геннадий Григорьев. – Оргкомитету не мешало бы поучиться у истории!

Учредивший серию «Книгомания» Борис Руфеев в конце

семидесятых годов изобрел метод копирования книг: берется книга, перекладывается чистыми листами бумаги, пропитывается специальным раствором, далее под пресс и текст отпечатывается на этих листах в зеркальном виде. То есть, такую книгу можно прочитать при помощи самого обыкновенного зеркала. Переплети – и чем не книга?

Одну из повестей Стругацких Александр Сидорович читал именно в таком виде. Ехал в метро, ловко перекладывая зеркало. Увлекся, зачитался, а когда очнулся, видит, что напротив сидит бабушка и глаза у нее как два пятака. Пытается понять, что происходит, в чем подвох, да не выходит.

Эту книгу Сидорович потом подарил Борису Натановичу. Мэтр такого чуда прежде не видел!

– После долгого перерыва приезжает на конвент из Испании Лев Вершинин, – рассказывает Евгений Лукин. – Вышли писатели на берег Финского залива шашлыки пожарить, да пива попить. Вершинин, как человек демократичный, – в первых рядах. Не к пиву, как это можно было бы вообразить – к мангалу. Стоит, сочное мясцо на шампуры нанизывает, все чин-чинарем. Вот уж и вкусный дух над поляной поднялся, постоял, уважительно внимая кулинарному искусству мастера, да и полетел на север и юг, на запад да восток гостей звать. Отменная закусь!

А рядом молодой человек из сознательных фэнов помогает. Мирно трудится, да все на Вершинина и его бейдж с надписью «Испания» поглядывает. Наконец, не выдержал, спросил:

– Вы из самой Испании?

– Из Испании.

– А что, в Испании читают русскую фантастику?

– Читают.

– А что вы читаете в Испании? Какие писатели больше нравятся?

– Ну, Лазарчука, Громова, Лукина… – неспешно переворачивая шашлыки, ответствует Вершинин.

– Да, но это же когда было?! – изумляется юноша.

Сидит Лев Вершинин в столовой с бейджиком Лазарчука на рубашке. Сидит – гуляш пережевывает, компотом запивает. Лепота! А напротив незнакомый дядька смотрит на него широко открытыми, горящими от восторга глазами, только что дыру еще не прожег. Наконец, когда Вершинину надоело в гляделки играть, соседушка возьми да и заговори:

– Андрей, мы так мечтали с вами встретиться, ваш «Транквиллиум» – это что-то потрясающее!

Лев Вершинин благосклонно выслушивает предназначенные не ему комплименты, а затем благодарит и тут же задает встречный вопрос. Мол, хотелось бы так же узнать, что вы думаете о моих друзьях-товарищах. Например, о Льве Вершинине?

Сколько же он тогда узнал всякого разного о себе и своих произведениях!

Однажды компания писателей-фантастов обменялась на конвенте бейджиками. Получилась отличная альтернатива реинкарнации. Только поменялись, не успели еще и по паре анекдотов друг дружке рассказать, как вдруг, откуда ни возьмись, нахлынули представители некоего глянцевого журнала с видеокамерами, микрофонами, пронырливыми ассистентами и улыбчивыми менеджерами. Вызывают на съемку Александра Громова, Андрея Лазарчука, Льва Вершинина, Святослава Логинова и Евгения Лукина – звездный состав.

Лукин и Логинов не спеша шествуют к съемочной площадке, где суетится мелкий планктон помощников оператора, выставлены декорации и Андрея Лазарчука уже снимают в роскошном скафандре, а на Александра Громова надет блестящий круглый шлем – не то водолаз, не то космонавт… В общем, красотища.

Присели Лукин и Логинов в сторонке, на диво дивное глазеют. Лукин, пользуясь случаям, сигаретку засмолил. Логинов рядышком здоровье бережет. Подходит девушка с дежурной улыбкой куклы Барби.

– Здравствуйте, вы на съемку?

– Да.

– Почему у вас, Саша, – обращается к Святославу Логинову, – на бейдже написано «Антарктида»?

– А это не мой бейдж, – с готовностью отвечает Логинов.

– А кто же вы? – и без того огромные глаза девы становятся еще больше.

– Я Святослав Логинов, – представляется Святослав Владимирович.

– А это тогда кто? – тычет она в сторону позирующего в шлеме Александра Громова.

– А это Громов?

– Стойте, идиоты! Вытаскивайте этого!

Ассистенты производят замену, извлекают ничего не понимающего Громова и устраивают на его место Логинова.

Девушка подходит к Лукину, с большим сомнением смотрит на него.

– А Вы кто?

– Я Лукин.

Она не верит.

– Ну правда, я Лукин. – Евгений расстегивает куртку и демонстрирует бейджик с красноречивой надписью: «Лев Вершинин. Испания».

Барби уже не улыбается, а только сверлит взглядом очередного самозванца.

– Телефон с вами? – наконец, находит она решение.

– Да.

Набирает номер, в кармане Лукина мобильник заводит заунывную мелодию.

Рот девушки расплывается в счастливой улыбке.

– А ну, быстро снимайте скафандр с того и наденьте его на этого.

– Да я этот телефон только что у Лукина спер, – обезоруживающе улыбаясь, сообщает Евгений Лукин. И тихо исчезает со съемочной площадки.

Один из конвентов «Странник» в Санкт-Петербурге. В оргкомитетовском номере гостиницы засели Дмитрий Громов, Олег Ладыженский, Александр Чертков и Лев Вершинин.

Вершинин рассказывает историю, произошедшую с ним в Одессе, когда он работал помощником мэра.

Как-то утром собрался Лев Вершинин на службу – трезвый, чистый, в костюмчике. И вдруг… Едва выбрался из подъезда, как натыкается на своего бывшего одноклассника, который ныне сделался раввином в одесской синагоге. А надо сказать, что сам Лева – мужчина достаточно крупный, так, по его словам, «этот раввин его больше и шире».

– Привет! – только и успел сказать Вершинин, как старый приятель подскочил к нему и с глухим шипением начал заталкивать бывшего однокашника животом в подъезд, из которого тот только что вышел, потом тем же манером вверх по лестнице, прямиком к двери квартиры. – Тсссссссссс, молчи! Ничего не говори, тсссссссс.

Вершинин молча подчиняется, открывает дверь. Раввин бесцеремонно заталкивает его в квартиру, вытаскивает из кармана флакон с какой-то непонятной жидкостью, выливает ее Леве на голову, со следующей присказкой: «А теперь дуй отсюда в землю галаадскую, и встретят там тебя три мужа и нарекут царем над всеми коленами иудейскими, кроме колена Беньямина».

Сказал – и был таков.

Лева попробовал жидкость на вкус. Оказалось, клубничное

варенье. Отмылся, сменил пиджак, побрел на работу. А на следующий день решил выяснить, что это было. Пошел в синагогу, отыскал одноклассника-раввина. Тот, разумеется, с глубокого бодуна. Ничего не помнит. Но как-то собрал волю в кулак, сосредоточился, выслушал. Помолчал.

– И что это было, что ты хотел сказать? – не выдерживает слишком долгой паузы Вершинин.

– А ты что, считаешь себя достойным быть царем над коленом Беньямина?!

– Во время всего рассказа Вершинина Чертков, который был либо с бодуна, либо поддатым, все время перебивал рассказчика дурацкими комментариями, – отсмеявшись вместе со мной, продолжает Дмитрий Громов, – Лева стоически терпел. Когда же досказал, и Чертков снова полез с очередным витиеватым замечанием, не выдержал, схватил со стола чей-то недопитый чай, вылил его на голову Черткова и, поймав бедолагу за шиворот, произнес скороговоркой: «А теперь дуй отсюда в землю галаадскую, и встретит тебя там Александр Ройфе, и наречет тебя козлом», после чего пинком отправил Черткова в сторону двери. В этот момент входит Ройфе, и Чертков влетает тому прямо в солнечное сплетение. Ройфе сгибается и выдает: «У-у, козел!»

Вопрос Евгению Лукину: Евгений, чем интересным занимаются писатели-фантасты на конвентах, помимо основных мероприятий, конечно?

Евгений: Засевши у кого-нибудь в номере, шлифуют легенды, пока произошедший случай не превращается в литературный шедевр.

В столовой во время обеда на всех без исключениях конвентах, нет-нет, да и услышишь знакомую шутку:

– А почему у вас на столе коржики, а у нас нет?

– Писать надо лучше.

– Как, еще лучше?

Сколько лет анекдоту, а ведь живет. И никто на это «писать надо лучше» не обижается, с юмором воспринимают.

Сергей Синякин и Евгений Лукин сидят в баре, разговаривают в своей манере – с шуточками и беззлобными подколками, а за соседним столиком сидит незнакомый мужчина. Слушает, слушает и все мрачнее делается. А потом не выдержал. Подошел к столику, за которым наши герои сидят да и выдал, видать, все что накопилось:

– Все-таки поражаюсь я вам – писателям. Вы же друг друга со света сжить готовы!

И ушел, грозно топая и продолжая ругаться, но теперь уже себе под нос.

– Здесь все принимается с юмором, иронически. И это чертовски здорово! – улыбается Евгений Лукин. – И я, в общем-то, ничего подобного нигде больше и не видел. А вы еще спрашиваете, для чего я езжу на конвенты.

notes

Примечания

1

Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой.

2

Имеется в виду актер Андрей Краско.

3

Ямабуси (яп.) дословно переводится как «горный воин». От «яма» – гора и «буси» – воин.

Даймё (яп.) – князь.

5

Ниндзицу (яп.) искусство, которым владели ниндзя (синоби).

6

Коку (яп.) – традиционная японская мера объёма, примерно равен 180.39 литра.

7

Сёгунат Токугава или Эдо бакуфу – феодальное военное правительство Японии, основанное в 1603 г. Токугавой Иэясу и возглавляемое сёгунами из рода Токугава. Просуществовало более двух с половиной веков вплоть до 1868 г.

8

Хиты – валюта выживания. У каждого игрока изначально два хита.

9

Русскому читателю этот писатель известен по романам о похождениях Дживса и Вустера.

10

Валентина Шендерович.

11

Блоксберг – название многих гор и возвышенностей в Германии. В народных поверьях Блоксберг играет важную роль. В ночь на 1 мая, на Вальпургиеву ночь, сюда слетаются ведьмы со всех концов Германии и устраивают на возвышенности свои дикие оргии и пляски.

«Пристань Желтых Кораблей» (Свердловск, 1990).

13

«Агнец Божий» (лат.)

14

Наиболее близкая к Солнцу точка орбиты.

15

Бравлин – легендарный русский князь, совершивший набег на крымский город Сурож (Сугдею) на рубеже VIII–IX веков. Известен только по описанию похода дружины на Крым и христианского чуда в русской редакции «Жития Стефана Сурожского» XV века.

Российское Географическое общество.

17

Карасукская культура – археологическая культура бронзового века (кон. II-го – начало I-го тыс. до н. э.) в Южной Сибири и Казахстане. Названа по раскопкам эталонных памятников на реке Карасук на территории Республики Хакасия.